

К истории написания книги

(Предисловие к интернет-изданию на сайте Центральной районной библиотеки г. Торжка)

Весной 1997 года вышло из печати моё *Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург*. Как только сошел снег, я нагрузил автомобиль пачками книг и вновь поехал по «государевой дороге», теперь уже с приятной целью: развести экземпляры только что вышедшей книги по библиотекам, находящимся на моем пути. В течение трех дней я проехал от Москвы до Санкт-Петербурга, останавливаясь во всех населенных пунктах, где только имелись библиотеки, в том числе и в тех, главы о которых так и не вошли в книгу: в Пóдберезье, Спасской Полисти, Чúдове, Любáни, Тóсне... Приезжая, я разыскивал библиотеку, объяснял, кто я и зачем прибыл, после чего передавал несколько экземпляров книг, оставлял свой адрес и уезжал. Процедура эта, кажущаяся простой, далась тяжелее, чем трехмесячный сбор материала для книги...

Реагировали на книгу по-разному. В основном тепло, но в некоторых местах меня встретили более чем спокойно и даже настороженно. Почти со всеми библиотеками (правильнее сказать, с библиотекарями) у меня завязались добрые отношения, которые продолжались несколько лет или продолжаются до сих пор, но с некоторыми контакта так и не возникло. Так, к моему удивлению, совершенно не отреагировали на книгу в Новгороде, о котором, как мне казалось, я написал не самую худшую главу. Зато тепло отозвались в Солнечногорске, в Завидове, в Городне, в Едрове, на Валдае, где у меня появились серьезные и вдумчивые читатели. А наибольший отклик моя книга нашла в Торжке и Вышнем Волочке.

Читатели там оказались наиболее чувствительными и восприимчивыми к тому, о чем я написал.

Что касается Торжка, то, на моё счастье, книга была оценена Валентиной Федоровной Кашковой, которая тотчас приняла меня в свое новоторжское писательское братство. Как оказалось, это имело серьезные последствия, и именно возникшая связь с Торжком привела к появлению книги «Эхо пушкинской строки».

Как автора книги «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург», с главой «Торжок», меня пригласили на очередной Пушкинский праздник поэзии, который в 1997 году совпал с Троицкими гуляниями, так что было решено соединить эти два события. В рамках праздника была организована презентация моей книги, и я впервые предстал перед новоторами в новом для себя качестве «московского писателя». Пишу в кавычках, потому что никогда не считал себя писателем, тем более московским... В этом же странном статусе я был гостем и Троицких гуляний – грандиозного народного праздника на берегу Тверцы у Митина.

Никаких планов по написанию книги, очерка или хотя бы статьи у меня не было. Никогда в жизни я не бывал ни на одном народном празднике, ни на одной ярмарке, ничего не слышал о Троицких гуляниях и, вообще, по роду своей деятельности и по призванию был очень далек от всего того, что увидел и услышал в Торжке. Но ко всему этому меня приблизила только что вышедшая книга – моё «Путешествие»: я все еще находился под впечатлением от ее написания и под воздействием той необъятной и необъяснимой среды, с которой столкнулся на «государевой дороге». Все больше и больше притягивала меня к себе внезапно открывшаяся Россия и её главный герой – Александр Сергеевич Пушкин, который, как известно, однажды притянув к себе, уже не отпускает прежним.

Это-то и понимала В.Ф.Кашкова, устраивая мой проезд в Торжок. Она первой оценила моё «Путешествие» и, конечно же,

надеялась на то, что, открыв для себя пушкинскую Россию и Торжок, с его народным праздником, я не удержусь, чтобы о том не написать.

Расчет Валентины Федоровны оказался верен: увиденное и услышанное во время пребывания в Торжке настолько меня потрясло, что спустя месяц стало ясно: я буду писать книгу о Пушкинском празднике и Троицких гуляниях, книгу о Торжке.

Трудность состояла в том, что я не делал записей, не вел дневника, не брал с собой диктофон, вообще не готовился к поездке, и потому у меня не было никакого материала для будущей книги. Была только память, да и то – память на впечатления. Но это-то и было самым важным. Не претендуя на серьезное исследование и глубокомысленное повествование, я намеревался лишь передать свои впечатления и ощущения, изложив их на бумаге. Но когда я приступил к работе, понадобились, конечно, и кое-какие знания. За ними я и отправился вновь в Торжок...

Вот тут и проявилась во весь свой рост В.Ф.Кашкова, которая стала настоящей зачинщицей, вдохновительницей и путеводительницей будущей книги, потому что именно она собирала и пересылала мне необходимые материалы, снабжала точными сведениями, обращала внимание на тот или иной аспект будущей книги, называла важные имена, сообщала истории и, что немаловажно, оберегала от очевидных глупостей, которых, поверьте, было (да, наверное, и осталось) предостаточно. Если учесть то, что Валентина Федоровна работала еще и с рукописью книги, то она по праву может считаться моим соавтором – не меньше! У меня сохранились письма Валентины Федоровны, относящиеся к периоду работы над книгой, и в этих письмах отчетливо видна её огромная и бесценная соавторская работа.

Добавлю и то, что это было счастливое сотрудничество, потому что Валентина Федоровна ни за что не позволила бы написать вздор: одной ее реплики было бы достаточно, чтобы я, что называется, «закрыл тему» Торжка и больше никогда к ней не возвращался...

Кроме В.Ф.Кашковой, мне помогали и другие новоторы, в том числе и будущие герои книги. Тут и торжокские поэты, которые пересылали свои стихи и сведения о себе; и руководители детских творческих коллективов; и учителя, и мастера народного промысла, и служащие Музея А.С.Пушкина во главе с Таисией Владимировной Горох; и, конечно, библиотекари, под руководством Ольги Александровны Митиной, которые подбирали материалы и пересылали их мне в Москву, и многие-многие другие, искренне заинтересованные в том, чтобы получилась стоящая книга. И вовсе не будет преувеличением утверждение, что «Эхо пушкинской строки» – во многом плод усилий самих новоторов: мне же оставалось лишь более-менее стройно «упаковать» добытый материал...

Что касается Москвы, то здесь моим главным наставником стал выдающийся искусствовед, писатель, литературный и театральный критик Борис Исаакович Зингерман (1928-2000). Это имя было и остается легендарным в театральной и искусствоведческой среде. На его книгах по драматургии и бесчисленных искусствоведческих статьях выросло не одно поколение артистов, режиссеров, художников и прочих творческих личностей. А познакомил меня с Борисом Исааковичем в 1995 году Юрий Петрович Любимов. Зингерман являлся одним из авторов концепции Театра на Таганке, а также был старым другом Любимова. Обычно знаменитый режиссер приглашал его в театр на последней стадии сдачи очередного спектакля, когда уже «было что показать». Любимов как-то признался, что его артисты боятся играть, когда видят в зале Зингермана. Добавлю, что и сам Юрий Петрович слушал Бориса Исааковича, образно говоря, держа руки по швам, принимая к сведению каждое его замечание, чего я не единожды был свидетелем... Разумеется, если бы не Юрий Петрович, я бы никогда не узнал, кто такой Зингерман и чем он знаменит. Борис Исаакович, со всеми своими искусствоведческими трудами, был для меня столь

же далеким, как и Пушкинские праздники поэзии в Торжке: совершенно уж иными делами занимался я в своей прежней жизни...

Борис Исаакович с интересом воспринял мои первые книги, с политической публицистикой, и помогал в написании «Путешествия из Москвы в Санкт-Петербург»: давал советы и даже редактировал отдельные главы. А вот что касается «Эха пушкинской строки», то здесь он был моим главным критиком и учителем, и у меня среди самых ценных реликвий хранятся его письменные рекомендации и замечания на черновики глав. Это очень любопытные записи! А для меня они были и вовсе бесценными, потому что «попасть в руки» к Зингерману была великая честь. А вот выпасть из его орбиты можно было запросто. Достаточно было не выполнить (или выполнить плохо) какую-то очередную его рекомендацию.

Прочитывая только написанный отрывок, который я спешил принести ему, он тотчас делал замечания и давал задание, как

улучшить текст. Уже на следующий день он звонил и требовал результат, после чего принимался за следующие страницы... Например, именно Борис Исаакович заставил меня написать очерк о роли и значении котлеты в нашем отечественном быту; и он же заставил меня остановиться на моем отчем доме, который я описываю в одной из глав... И вообще, все мои, так называемые, «лирические» и «философские» размышления инициированы Борисом Исааковичем, который, кажется, не без удовольствия ставил на мне эксперимент: сможет или не сможет? вытянет или не вытянет?.. Так он заставил меня «выбрать» из уже готовых диалогов некоторые важные, на его взгляд, мысли, чтобы преобразовать их в монологи. «Никому не отдавайте свои мысли», – строго наказывал он. «Но ведь это выдуманный персонаж», – защищался я. «Тем более не отдавайте», – приказывал Борис Исаакович...

Это был его стиль! Составитель, главный редактор и научный руководитель множества сборников и альманахов, издававшихся Государственным институтом искусствознания, Зингерман был чрезвычайно требовательным ко всем, с кем работал. Оттого и ценились (и ценятся сейчас!) эти сборники, а опубликоваться в них было высокой честью. И каждый, кто когда-либо сотрудничал с Борисом Исааковичем, признаёт эту работу как высшую школу и счастливейшее время!

Чего бы только я сейчас ни отдал за то, чтобы показать Борису Исааковичу свои книги об англо-американской музыке! Восемь толстых томов, десять лет жизни – и всё это написано уже без Зингермана... Впрочем, почему без него? К счастью, уроки наших главных учителей никогда не заканчиваются. Ведь если мы посчитаем, что они остались в прошлом, закончились, – то мы и сами тотчас закончимся и попросту перестанем быть, и уж точно не сможем более писать или думать...

Так что в самой теплой и душевной из всех моих книг (а таковой я считаю «Эхо пушкинской строки») присутствует живое дыхание

Б.И.Зингермана. Все лучшее, если только оно есть в этой книге, – его заслуга и результат его терпеливого учительства. Да и во всех последующих моих книгах тоже есть его зримое присутствие.

Еще одним моим наставником во время написания книги был Вячеслав Петрович Нечаев – многолетний директор Центральной научной библиотеки Всесоюзного театрального общества. Кроме прочего, он снабжал меня редчайшими книгами о Пушкине и пушкинской эпохе, которых я прежде в глаза не видел и даже не знал об их существовании. Вся сцена с Вячеславом Петровичем, описанная во введении, – сущая правда. Он действительно отдал мне свои личные бесценные книги вместе с фотопортретом балерины Тамары Карсавиной, с тем чтобы только от всего этого был толк.

Обладатель непомерных, энциклопедических, знаний в области книгопечатания и книгоиздательства (полагаю, самый крупный в России), Вячеслав Петрович, как никто другой, знает театральную и вообще творческую московскую среду. Он также хорошо знает русскую послереволюционную эмиграцию, так что, если где-нибудь в Европе обнаруживается архив кого-то из видных русских эмигрантов, на его исследование тотчас отправляется Вячеслав Петрович.

Добавлю, что с В.П.Нечаевым меня познакомил Борис Исаакович Зингерман, после чего сообщил: «Считайте, что теперь вы не пропадете...» И действительно, если я всё-таки не пропал, в том огромная заслуга Вячеслава Петровича!

Среди своих старших наставников этого времени назову и Михаила Александровича Борщаговского, известного писателя, доброго, честного и отзывчивого человека. Он написал, кажется, больше двадцати книг, но широкую известность Александру Михайловичу принесла повесть, по которой был снят популярнейший фильм «Три тополя на Плющихе».

Конечно же, я должен назвать и Г.А.Явлинского, который поддерживал меня морально и материально и с чьего благословения издана книга. Григория Алексеевича всегда волновала жизнь в российской глубинке, и он живо интересовался моими странствиями. Чтобы это не звучало пустыми словами, сообщу, что вот уже почти пятнадцать лет (даже и сейчас!) в его кабинете, на самом видном месте, висят фотографии юных новоторок в народных костюмах: те самые снимки, которые я сделал во время Троицких гуляний в Митине в июне 1997 года!

Несколько слов о Режиссере, которого я ввел в книгу.

Конечно же, это Юрий Петрович Любимов, с которым мы на протяжении нескольких лет были дружны. И если кого-то интересует Ю.П. Любимов – как и о чем он мыслит, как говорит, как строит речь, как относится к Пушкину, к театру, к артистам, – то в представляемой книге приведены мои наблюдения и дословные наши беседы... Когда-нибудь, набравшись сил и мужества, я напишу о своих старших друзьях – учителях и наставниках. Поверьте, мне есть что о них сказать.

Что еще добавить к этому предисловию?

Наверное, впору еще раз посетовать на скоротечность времени. Почти пятнадцать лет прошло с того памятного дня, когда на берегу реки у Митина проводился описанный в книге замечательный праздник Троицкие гуляния. Пятнадцать лет! Сколько же воды унесла за это время Тверца!.. Наверное, те замечательные девочки в народных костюмах, которые улыбались мне, уже и сами – мамы. А их мамы, скорее всего, уже бабушки... А где тогда те старушки, что пели в хоре? Живы ли они?! Кто знает, кто знает... Ведь многие ушли от нас за это время... Вот уже и Валентины Федоровны Кашковой нет... А что с нашими торжокскими поэтами? По-прежнему ли пишут стихи? Или сейчас им не до лирики?... А что с золотным шитьем? Не

перевелись ли мастерицы?.. А как там деревянные постройки в Митине?.. Много изменилось, многое ушло, исчезло, растаяло в тумане времени, и, кажется, безвозвратно...

Но вот перед нами книга: запечатленные радость, горечь, надежда, любовь, отчаяние, чья-то мысль, чей-то смех, чьи-то слезы... А всё вместе – Дух человеческий... Откройте книгу и убедитесь, насколько этот Дух сильнее брэнной плоти: ведь всё, что есть в книге, по-прежнему обитает среди нас, оно – живо! И будет таковым и через тридцать, и через пятьдесят, и через сто лет... И будет жить ровно столько, сколько будет в нас интерес к самим себе.

Аура, апрель 2012 года

ВАЛЕРИЙ ПИСИГИН

ЭХО ПУШКИНСКОЙ СТРОКИ

Очерк о праздновании
198-й годовщины со дня рождения
Александра Сергеевича Пушкина
в городе Торжке

МОСКВА
ЭПИЦентр
1998

В начале 30-х годов Пушкин, перед
одной женщиной, цитировал
Шатобриана:
*«Si je pouvais croire encore au bonheur,
je le chercherais dans la monotonie des
habitudes de la vie»*. [Если б я мог еще
верить в счастье, я бы искал его в
единообразии житейских привычек.]

А.О.Смирнова. Записки, дневники,
воспоминания. М.,1929, с.309

Жуковский, смеясь:
*«Ты, брат Пушкин, чорт тебя
знает, какой ты, – ведь вот я
чувствую, что вздор говоришь, а
переспорить тебя не умею...»*

«Голос минувшего» 1917 г.,
N 11-12, стр.154

Введение

В середине мая мне позвонил приятель – главный редактор одного московского еженедельника – и предложил написать очерк о праздновании грядущей 198-й годовщины со дня рождения А.С.Пушкина. Читателям надо было рассказать о том, как отмечают пушкинский день рождения в провинции. Не в Москве или Питере, и не в Михайловском, куда ежегодно съезжаются пушкинисты со всего света, а где-нибудь в стороне, там, где Пушкин хоть и бывал, но не так чтобы очень.

– Нам пришло приглашение из Торжка, – сказал редактор, – там, оказывается, они уже много лет отмечают день рождения Пушкина, и, судя по приглашению, ожидается грандиозный праздник, в деревне... Ты ведь уже писал о Торжке.

– Так ведь я писал о состоянии дел в пожарной промышленности. При чем здесь Пушкин? – возразил я.

– Вот и хорошо. Нужен свежий, незаезженный взгляд.

– Но я не разбираюсь в Пушкине.

– Отлично! Сейчас именно это будет интересно... А кто в Пушкине «разбирается»?

– Есть пушкинисты, специалисты, исследователи, зачем меня на такое толкать?

Но редактор мои доводы не принимал. Он говорил, что именно «дилетантский взгляд постороннего человека» и есть сегодня самое ценное, что пушкинисты надоели, ничего нового они уже сказать не могут, люди читают лишь то, что им доступно, а всякие исследовательские работы (он даже употребил ужасное слово «штудии») отталкивают нормального читателя.

– Мы пусть и еженедельник, но – газета! А газете научно-образные материалы не нужны, они раздражают, поэтому собирайся и поезжай. Дадим большие командировочные, и, между прочим, у нас приличные гонорары. За Пушкина, если получится, особенный выпишем, это я обещаю, – закончил редактор.

Не скрою, последний аргумент, а к тому же возможность вырваться из шумной и душной столицы убедили меня ехать. В конце концов, думал я, выйдет статья, и забудут о ней на следующий день, так что особого гнева со стороны пушкинистов даже не удостоюсь. Одним словом, я согласился и в начале июня поехал в Торжок.

Побывал на пушкинском празднике, вернулся в Москву, и вскоре очерк был готов. Редактору он понравился: «Вот именно то, что надо!» Его благополучно напечатали, разумеется изрядно сократив, но поместили на одной полосе с рекламой какой-то миниатюрной стиральной машины, которая, как сказано в рекламном тексте, «может успешно разместиться в кармане джентльмена». Любопытен и принцип действия этой машинки – «акустические колебания, которые незаметно для ваших глаз проникают между волокнами и удаляют загрязнения». Обязательно ли при такой стирке снимать штаны или достаточно держать миниагрегат в кармане – в рекламе не сказано.

– Неужели нельзя было напечатать очерк о Пушкине без рекламы стиральной машины? – возмутился я.

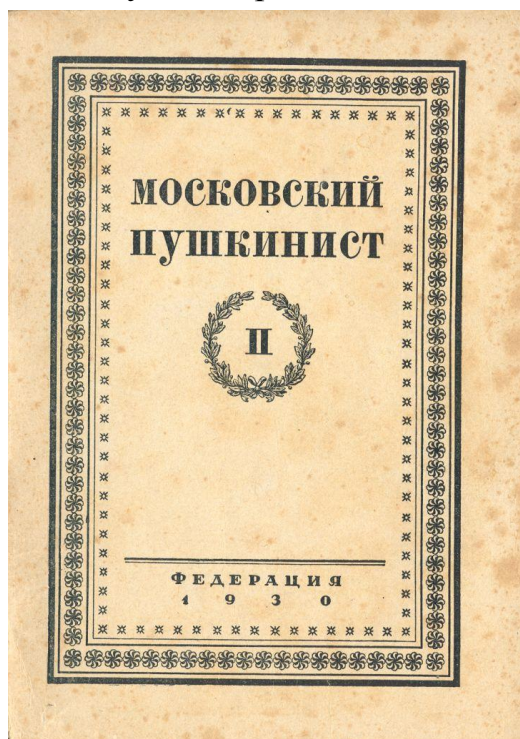
– Да вы что! – ответили мне в редакции. – Благодаря рекламе мы живем, и, между прочим, Александра Сергеевича такое соседство не покорило бы. Это, извините, быт, а быт – составная, если не главная часть его творчества, о чем не мешало бы знать, – пристыдили меня.

Итак, очерк мой был напечатан и, как я предполагал, остался совершенно незамечен. Я уже почти забыл о нем, но спустя несколько месяцев мне (с подсказки моего хорошего приятеля) пришла мысль соединить то, что мною было собрано для очерка, и попытаться, уже не торопясь, подробно изложить. А материала оказалось собрано немало.

Дело в том, что, прознав о моем намерении, а я его не скрывал, самые разные люди, главным образом из Торжка, стали мне помогать. Они присылали вырезки из газет, краеведческую литературу, фотографии праздника, магнитофонные пленки с песнями и выступлениями, стихи местных поэтов и прочие материалы, так или иначе связанные с пушкинским праздником в Торжке, вообще с пребыванием Пушкина на тверской земле. Уже очерк мой был напечатан, а я было приступил к следующей работе, но материалы все шли и шли.

Кроме того, упомянутый приятель решил меня подстраховать и свел со своим другом, большим знатоком Пушкина и книжного дела вообще, с тем чтобы я, принимаясь за столь сложную и рискованную тему, кое-что прочитал и не допустил уж слишком больших глупостей и ошибок.

Здесь я должен рассказать об этом человеке и о месте его работы. Зовут его Вячеслав Петрович, ему около шестидесяти, он лысоват и носит очки со стеклом страшной толщины. Эти очки служат, видимо, для того, чтобы просто смотреть, потому что когда Вячеслав Петрович берется за чтение, то сначала закидывает очки себе на лоб, а текст буквально прислоняет к лицу. При этом он не водит глазами по тексту, как это делают все, а наоборот, текстом водит перед глазами. Я такого еще не видел, но, говорят, что настоящие книжники только так и читают. Вячеслав Петрович между тем очень подвижен, даже шустр, и когда я после соответствующих рекомендаций впервые пришел к нему на работу, то застал его с тяжелой кучей книг. Он их куда-то перетаскивал.

А работает Вячеслав Петрович директором одной из старейших московских библиотек. Его кабинет представляет собой небольшую комнату с высоким потолком, и от пола до этого самого потолка – все заставлено книгами. Всюду книги, книги, книги, а там, где их нет, стоит стол и несколько стульев, на которых, впрочем, тоже лежат стопки книг. Есть в кабинете и несколько портретов, один из которых сразу привлек мое внимание: фотография необыкновенно красивой женщины. Кто это такая и почему ее портрет в кабинете, спросить во время первой встречи я не рискнул.

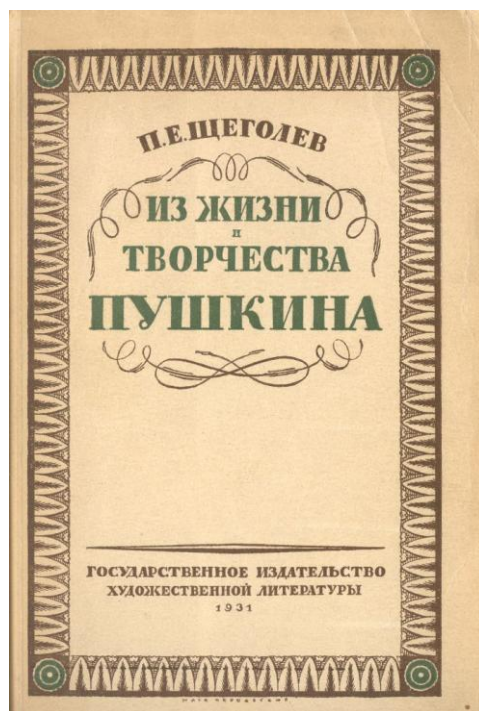
Через два дня я вновь пришел к нему в библиотеку уже с надеждой получить советы, рекомендации и литературу, которые бы помогли мне при написании очерка. Вячеслав Петрович немедленно усадил меня в кресло за свой директорский стол, на котором уже стояла стопка из подобранных книг.

– Зачем же меня на ваше место? – засмутился я от столь трепетного к себе отношения и решил пересестись на один из стульев. Но директор меня остановил.

– Вам говорят: «Садитесь сюда», значит, садитесь и работайте и не обращайте внимания на всякие мелочи... Вы – Пушкиным занимаетесь! Не отвлекайтесь, начинайте просматривать книги, я сейчас приду.

Вячеслав Петрович исчез, а я принялся разглядывать книги, которых никогда прежде не видел.

Первой из них оказался «Пушкинский календарь. 1937», подготовленный к столетию со дня гибели А.С.Пушкина. В работе по его изданию принимали участие такие знаменитые исследователи жизни и творчества Пушкина, как В.В.Вересаев, С.М.Бонди,

С.Я.Гессен, Б.В.Томашевский, М.А.Цявловский. Время было суровое. Язык — лицо эпохи — тоже. Вот отрывок из редакционного обращения, которое предваряет книгу:

«10 февраля 1937 года народы Союза Советских Социалистических Республик отмечают столетие со дня гибели своего гениального соотечественника Александра Сергеевича Пушкина, убитого послушным агентом самодержавия и реакционного дворянства. Пуля наемного убийцы прервала благородный творческий путь того, кто на протяжении всей своей жизни клеймил российских "венценосцев" и их вельможско-поповскую челядь».

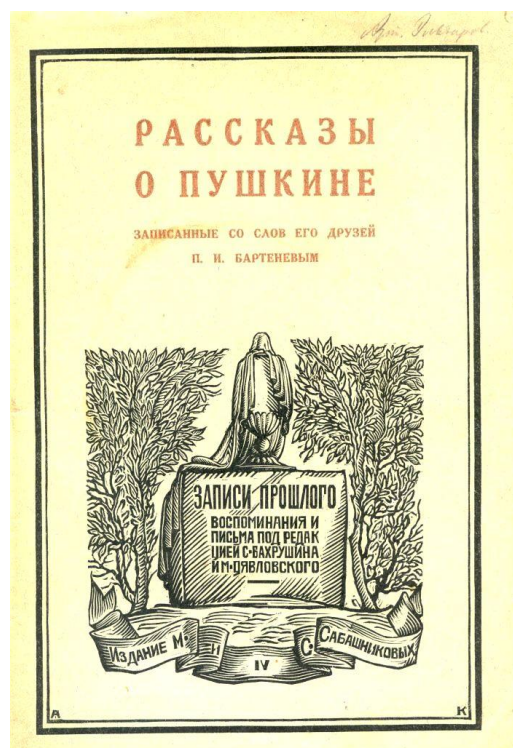
Сам «Календарь», несмотря на внешнюю суровость, интересен и полезен. Здесь много иллюстраций, воспоминаний современников и великих литераторов о Пушкине, подробная биография поэта, наконец, почти на каждой странице — произведения самого Александра Сергеевича и его автографы.

Следующая книга также издана к столетию со дня смерти поэта, но не у нас, а в Югославии — Русским пушкинским комитетом. Это «Белградский Пушкинский сборник. 1937», с предисловием академика А.И.Белича и под редакцией Е.В.Аничкова. В сборник вошли статьи Владислава Ходасевича, князя Н.С.Трубецкого, С.Л.Франка, И.И.Лапшина, П.Б.Струве, Глеба Струве, П.Бицилли, Ильи Голенищева-Кутузова и других деятелей эмиграции. В «Напутственном слове» А.Белича, которым открывается книга, говорится:

«Русские ученые и их друзья, находящиеся, по воле ужасного рока, в нашей стране или вообще за рубежом России, но пронесшие в сердцах своих чудный образ великого поэта и накопившие еще на родине истинные факты и небылицы около славного имени Его, не могли отстать от общего влечения, появившегося у всех, знающих великого поэта: объяснить Пушкина как можно лучше, в сотую годовщину Его смерти, подрастающим поколениям русских за рубежом и всем нам другим...»

Можно сравнить не только «напутствия» этих двух книг, но и сами книги. Советский официозный «Пушкинский календарь» – в темно-синей и очень твердой обложке с узорчатым тиснением; название книги буквально отчеканено золотыми буквами; хотя книга и не объемная – всего 158 страниц, – но сработана основательно и выглядит внушительно. «Белградский сборник», напротив, в мягкой обложке светло-коричневого, почти желтого, цвета; довольно объемный; листы книги разрезались ее владельцем вручную; никаких рисунков или даже намеков на них в сборнике нет; книга не переплетена, а лишь склеена, отчего уже вся растрепалась; в текстах употребляются старорусские выражения да еще и шрифт с «ятями»... Трудно представить книги, которые были бы столь разными и непохожими. Эпоха – «ужасный рок» – их разъединила, развела по разным полюсам, а Пушкин – объединил. Прошла эпоха – и книги находятся рядом, не враждуя, но дополняя друг друга.

Третья книга из стопки – Альбом «Пушкинскій Уголокъ» переносит нас в самый конец девятнадцатого века. Год издания 1899. Альбом издан к столетию со дня рождения поэта... Открывают его репродукции известных портретов Пушкина работы Кипренского, Тропинина, Райта, Брюллова. Текст о провинциальной жизни Пушкина, составленный В.П.Острогорским в июле 1898 года на Валдае, сопровождают иллюстрации академика живописи В.М.Максимова, а также автографы поэта. Как прекрасно, неторопливо и вдумчиво составлена книга! С каким мастерством издана!

Полвека, как нет Пушкина, но дорогие его сердцу Михайловское, Тригорское, Святые Горы хранят память о нем. Еще сохраняются некоторые постройки, природа пока не тронута «заботой свыше» о памяти поэта, свежи предания о Пушкине, которые передаются от отцов к детям, еще остаются в живых редкие свидетели приездов сюда поэта. В альбоме есть портреты глубоких стариков – Ивана Ивановича Лощоника и старика Алексея: оба с длинными седыми бородами, в грубых крестьянских одеждах, в глазах известная мужицкая

хитреца... Как интересно рассматривать лица людей, которые видели и помнят живого Пушкина!

«Кто его видел – не забудет уже никогда. У нас его очень любили; он приезжал сюда отдыхать от горя», – свидетельствует, быть может, последняя из живущих, кто близко общался с Пушкиным, Екатерина Ивановна, младшая дочь П.А.Осиповой. Ей было лишь тринадцать лет, когда умер Пушкин.

*Поникла тихо без ответа
Лавр гордо несшая глава, —
Но жив в России дух поэта,
И песня дивная жива...*

Тем временем в кабинет вернулся Вячеслав Петрович. Он принес еще одну стопку книг и небольшой продолговатый ящик, в котором хранились карточки с указанием книг о пребывании Пушкина в провинции.

— Вот вам каталог и книги из библиотеки: прочтёте — сразу принесёте, а эти — Вячеслав Петрович указал на книги, которые я только что просматривал, — забирайте с собой и можете не возвращать, они мои личные.

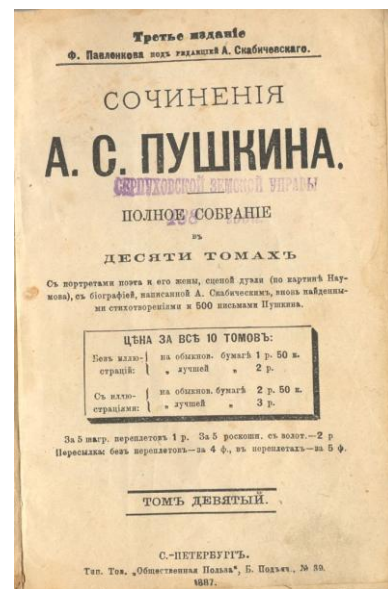
— Как это «не возвращать»?

— Да что же это такое? — возмутился Вячеслав Петрович и стал заталкивать книги в мой портфель. — Вам говорят: «Забирайте», значит, забирайте и не рассуждайте. Вы — Пушкиным занимаетесь! Вам некогда обращать внимание на всякую ерунду!

Он ловко застегнул ставший квадратным портфель, после чего не без труда перелез через стулья и стоящие на них стопки книг, пробираясь к отдаленному шкафу, в котором хранились наиболее редкие и ценные издания. Выбрав несколько книг и положив их передо мной — «Вот, еще посмотрите», — Вячеслав Петрович вновь удалился...

Уже начав просматривать каталог, я все же переключился на старинные книги...

Вот первый том из семитомного собрания сочинений Пушкина, изданного в 1855 году под редакцией П.В. Анненкова «с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и его рисунков, и проч.». Это собрание сочинений было первым научным

изданием произведений Пушкина. В нем много новых, не изданных ранее его сочинений и впервые даны материалы к биографии поэта. В сноске на первой странице издатели отмечают:

«Материалы, представляемые теперь публике, преимущественно извлечены из бумаг поэта, а за сообщением некоторых подробностей о жизни его, которые вообще так трудно добываются у нас, приносим здесь искреннюю благодарность родственникам, друзьям и знакомым поэта, благоволившим передать нам свои воспоминания».

Чувствуете?! Мы подошли ко времени, когда еще есть кого благодарить... Двух десятилетий не минуло, как погиб Пушкин. Живы многие очевидцы и свидетели, друзья, любимые, родственники. Они помнят живого поэта, знают не по книгам его голос, взгляд, улыбку, могут изобразить походку, рассказать какой-нибудь забавный случай. Память о поэте не сглаживается, поклонники его таланта внимательно следят за каждой публикацией, интерес к Пушкину не пропадает,

напротив, растет, новые книги о Пушкине ждут во всех уголках России.

А мы продолжаем двигаться дальше, вглубь истории, в первую половину девятнадцатого века. И вот уже слышно дыхание самого Александра Сергеевича: книга «Евгений Онегин», изданная в 1833 году в типографии Александра Смирдина в Санктпетербурге. (Санктпетербургъ – писали тогда одним словом.) Впервые я держу в руках книгу, вышедшую при жизни Пушкина!

Она не очень большая – всего 287 страниц – и стоила 12 рублей. (Гоголь, примерно в то же время, чуть меньше заплатил за сапоги.) Хотя книга ветхая, видно, сколь прекрасно она издана. Чего

стоит один кожаный корешок с оригинальным тиснением! Бумага мягкая, даже, кажется, немного влажная. От книги исходит тепло, и его нельзя не почувствовать. Но самое удивительное – это полное ощущение того, что Пушкин – жив! Жив – и все тут! И если посчастливится кому-то из вас держать в руках прижизненную пушкинскую книгу, вы обязательно разделите это ощущение.

Мы же углубляемся в историю еще на несколько лет.

У меня в руках – совсем небольшая, но пухленькая для своих размеров книжка (чуть больше пачки сигарет), под названием «Полярная звезда». Год издания – 1825. Это альманах, в который вошли произведения Е.А.Баратынского, А.А.Бестужева, Ф.В.Булгарина, Ф.Н.Глинки, В.А.Жуковского, А.С.Грибоедова, К.Ф.Рылеева, Н.М.Языкова и... А.С.Пушкина. На титульном листе написано: *«Карманная книжка для любителей и любителей русской поэзии, изданная А.Бестужевым и К.Рылеевым»*.

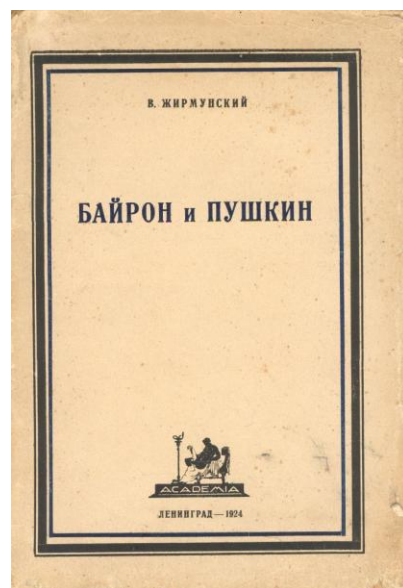

В этом альманахе Пушкин представлен поэмой «Цыганы», отрывком из поэмы «Братья разбойники» и стихотворением «Послание к А.». Идея создания альманаха принадлежала Кондратию Рылееву, который устраивал у себя литературные вечера. Приходили на эти вечера многие, но сошелся Рылеев ближе всех с Александром Бестужевым. Первый альманах они издали в 1823 году, через год – еще один, а этот – третий, последний изданный сборник. Специалисты отмечают, что это был лучший русский альманах того времени, и из всех изданий, пропагандировавших идеологию декабристов, альманахи «Полярная звезда» были наиболее смелыми.

После поражения декабристов выпуск их был запрещен. Впоследствии А.И.Герцен назовет свой журнал тоже «Полярной Звездой» и поместит на обложку портреты (профилем) казненных декабристов и сияющую звезду над ними.

Еще одна старинная книга – альманах «Мнемозина» – «собрание сочинений в стихах и прозе». Издана в 1824 году В.Одоевским и В.Кюхельбекером и отпечатана в Типографии Императорского Московского Театра. По историко-литературному значению этот сборник приравнивается к «Полярной звезде». Здесь печатались П.А.Вяземский, Е.А.Баратынский, С.Е.Раич, Н.Ф.Павлов, А.А.Шаховской, Денис Давыдов. Деятельное участие в издании принимал А.С.Грибоедов.

Страницы этой книги тоже мягкие, но еще и как будто тисненные в горизонтальную полосу. На бумаге множество всяких темных точек и микроскопических желтых пятнышек, которые ближе к краям превращаются в сплошное желтоватое облако. Подобным образом скопления звезд образуют Млечный путь. Пахнет книга стариной, если, конечно, кто этот запах знает... На 85-й странице – стихотворение Пушкина «Вечер», которое я затем отыскал в собрании сочинений под названием «Веселый пир».

*Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель,
Где до утра слово пей!
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.*

Какая легкость! Безмятежность! Восторг от жизни!

Еще не казнен Кондратий Рылеев, не упрятан в одиночную камеру Вильгельм Кюхельбекер, не сослан в глушь тверскую Федор Глинка, еще не растерзан в Тегеране Александр Грибоедов, не убит в стычке с горцами Александр Бестужев, не стал пока Фаддей Булгарин «шпионом, переметчиком и клеветником», и не сочинен еще Пушкиным «Борис Годунов»...

За этими размышлениями и застал меня вернувшийся Вячеслав Петрович.

— А! Разглядываете книжки!.. Видите, как раньше печатали? Стихотворение расположено на одной странице, его ничто не подгоняет, ничто не мешает, ты с ним «с глазу на глаз», один на один. Плюс — ручной набор. Такая работа передается читателю, потому что за ручным набором чувствуется человек. И наборщик тоже всегда чувствовал читателя. Поэтому в книге присутствует вложенная в нее душа. Обратите внимание на шрифт. Он подобран специально для пушкинского стихотворения. Шрифт — сближает с читателем. Знаки препинания воспринимаются совершенно по-другому: и запятая, и тире, и точка — все это влияет на восприятие, создает особенную ритмику произведения, — Вячеслав Петрович закинул очки на лоб, прислонил книгу к лицу и стал ее разглядывать, затем бережно положил на стол и взял попавшееся под руку современное издание.

— Видите, здесь совсем нет полей, шрифт не продуман, книгу никак не раскроешь, читать тяжело, а то и просто невозможно... Идет экономия средств, бумаги, краски, времени, еще чего-то, а в итоге убивается то, что читателя соединяет с книгой и с автором.

Я стал высказывать восхищение от увиденного, но Вячеслав Петрович вновь меня остановил:

– А чего удивляться? В этом здании, где мы сидим, были впервые отпечатаны «Мертвые души», – он достал из шкафа великолепно изданную и прекрасно сохранившуюся книгу Гоголя. На самом верху титульного листа стоял автограф: «*Ант. Чехов*».

– Видите, она из библиотеки Антона Павловича Чехова. Когда-то его сестра, Мария Павловна, подарила несколько книг Убежищу артистов – это вроде современных домов для ветеранов сцены, – и уже оттуда книга попала сюда, к нам в библиотеку. На том месте, где вы сидите, некоторое время работал корректором Глеб Успенский. А Сухово-Кобылин здесь же издавал свои «Картинки прошедшего». Говорят, очень был дотошным и из типографии не вылезал. Вот какое это здание! – завершал рассказ Вячеслав Петрович. – Поэтому сидите

и пишите о Пушкине...

Что касается Александра Сергеевича, то, как объяснил Вячеслав Петрович, он часто бывал в доме, находящемся в десяти шагах отсюда, – в книжной лавке Ширяева. Лавка считалась лучшей в Москве и располагалась в доме редактора «Московских ведомостей» Каткова.

Когда я, несколько озадаченный своим неожиданным перемещением в XIX век да еще нагруженный книгами, покидал кабинет Вячеслава Петровича, то все же спросил, кто эта женщина на фотографии.

– Это Тамара Карсавина, – ответил Вячеслав Петрович,

одновременно вытаскивая из книжного шкафа фотопортрет великой балерины. – Возьмите его себе. Пригодится в вашей работе.

– Вот портрет Карсавиной я брать не стану, – решительно возразил я как раз в тот момент, когда Вячеслав Петрович упаковывал фотографию балерины, чтобы отдать мне.

– Ну что за человек упрямый! – возмутился Вячеслав Петрович пуще прежнего. – Берите, вам говорят, пусть он будет у вас, и не обращайтесь внимания на мелочи: вы – Пушкиным занимаетесь! Понимаете или нет?..

Так я и ушел с портретом Карсавиной, сопровождаемый довольным Вячеславом Петровичем до самого выхода.

...Почему-то припомнилось, как лет пятнадцать назад, проживая в глухой провинции, я, чтобы подработать, устроился художником-оформителем в гастроном. Через неделю меня пригласила к себе в кабинет заместитель директора, молча взяла мою сумку и стала заталкивать в нее дефицитные в ту пору мясные консервы, печень трески, копченую колбасу и, кажется, сгущенку. На мой удивленный и даже возмущенный вопрос: «Что все это значит?» – заместитель директора очень спокойно, не глядя на меня, ответила: «Так надо. Принесешь домой – спасибо скажут». На самом деле она делала меня «своим человеком» в новом для меня гастрономическом мире... Не боюсь кощунственных сравнений и аналогий, но точно так же делал меня «своим» Вячеслав Петрович. Только, слава Богу, не колбасой и сгущенкой, а книгами о Пушкине. И знаете, я точно не вспомню, когда сильнее смущался: сейчас в библиотеке или тогда, в несчастном советском гастрономе...

И еще немного о мотивах, побудивших меня вернуться к очерку. Было одно важное обстоятельство, которое я до поры до времени от всех утаивал.

Как только стало известно о поездке в Торжок, я сразу же отправился к одному своему старшему другу за советом: на какие особенности пушкинского праздника следует обратить внимание? Друг мой, открою секрет, является крупным режиссером в одном знаменитом московском театре. На мою просьбу рассказать о

Пушкине он почти не прореагировал, если не считать его ласковой сочувственной улыбки, дающей мне понять, что книжки читать надо было раньше. И тогда мне пришла мысль предложить ему поехать со мной. Я настоятельно рекомендовал ему, уже немолодому человеку, отдохнуть немного на природе, рядом с пушкинскими местами, принять участие в мероприятиях и даже выступить там. Я понимал, что участие Режиссера в пушкинском празднике было бы настоящим сюрпризом для его организаторов.

Режиссер сначала наотрез отказался: «Господь с вами! Какой Торжок! Работы непочатый край... Федора Михайловича репетируем». Однако уже перед самым моим отъездом позвонил и согласился отправиться со мною, чтобы отвлечься, как он сказал, «от этих репетиций и от актеров, которые ни-и-чего не хотят понимать».

– Я им говорю: «Господа! Это же Федор Михайлович! Надо внимательнее относиться!», а им хоть бы что... Ну что за страна! – жаловался в трубку Режиссер. – Ей-богу! Никто ничего не хочет делать. Хоть кол на голове теши!..

– Значит, едем в Торжок! – обрадовался я.

– Ну давайте поедem в Торжок, – обреченно согласился Режиссер, но поставил условие: ни одна душа – ни в Торжке, ни в Москве – не должна знать, что он будет на пушкинском празднике. Едет он туда лишь для того, чтобы пару дней побыть на свежем воздухе и, что еще важнее, в тишине.

Таким образом, в поездку я отправился не один, и, хотя с утра до позднего вечера я был занят встречами, все же о Пушкине мы говорили, и будет несправедливо, если мысли, высказанные Режиссером, останутся уделом лишь нас двоих.

Все это я рассказываю для того, чтобы вы знали, сколь серьезны мотивы, заставившие меня вернуться к работе над очерком. Есть старый мультфильм – «Ограбление по-итальянски». Там добропорядочный итальянский семьянин, нарожавший кучу детей, решил от нужды грабить банк. Об этом, конечно же, прознали все вокруг и стали ему помогать советами и подсказками: кто-то показал,

где находится благополучный банк, охранники дали ключи и даже препроводили к сейфу, а работники банка помогли вынести тяжеленные мешки с деньгами... – словом, все, как могли, принимали участие в этом «безобидном», в чем-то даже семейном, деле. Так что шансов «не грабить» банк у несчастного просто не было. Так же и я, заявив о своих намерениях и получив в ответ множество советов, рекомендаций, материалов, а главное, пробудив у друзей надежду и ожидания, просто не имел права все это как-то оставить.

– Давай, пиши! Нам некогда, так хоть ты, – говорили мне.

– Но это же Пушкин! – пытался защититься я. – Это же опасно! Вдруг не получится?..

– Ничего-ничего! Не боги горшки обжигают.

– Так то – горшки, а здесь... – упирался я.

– А для Бога это все и есть горшки, – убеждали меня.

Так что я был просто приговорен. И вот, спустя три месяца, я собрал все материалы и, насколько хватило моих способностей, изложил их с тем, чтобы передать на ваш суд, без всякой надежды на снисхождение.

Глава первая

«Страну тверскую проезжая...»

Рано утром мы выехали в Торжок.

Беседа в пути не получилась, так как мой Режиссер задремал сразу же после выезда из Москвы. Удивительно, но он каким-то образом пробуждался лишь тогда, когда мы проезжали мимо какой-нибудь церквушки, словно зная заранее, где они расположены. Тогда мой друг трижды крестился. Делал он это не спеша, не размашисто и на последнем движении его рука задерживалась возле сердца. Я же всю дорогу старался собраться с мыслями о Пушкине...

Сколько же в нашей жизни всего пушкинского?! – задавался я вопросом. – Вот памятники ему, которые сотворены так, чтобы поэт мог наблюдать за нами с легким укором и некоторой отстраненностью; вот бюсты, расставленные по фойе театров, библиотекам, школам и музеям; вот бесчисленные портреты-штампы и просто силуэты с вытянутым лицом и кудрями, в которых сразу же угадывается Александр Сергеевич; вот центральные улицы и площади городов, названные в честь поэта, и даже город его имени; а еще: станции метро, заповедные места, музеи, парки, Дома культуры, наверняка, есть теплоход... А сколько мемориальных табличек на домах, где он бывал, сколько туристических маршрутов по пушкинским местам?! А уж про мероприятия разные и говорить нечего... Вот и день рождения Александра Сергеевича объявлен официальным государственным праздником и выходным днем, все равно как Восьмое марта. А сколько разных драматических спектаклей, опер и балетов? Не счесть. Всё уже, кажется, сыграно, всё спето, но нет... Вновь и вновь обращаются к Пушкину, открывают что-то новое, доселе неведомое. А книги, исследования,

монографии?! Над всем этим работают пушкинисты, пушкиноведы, исследователи жизни и творчества и всякий раз что-то находят. Теперь вот еще и «непушкинисты» понадобились: «свежий взгляд». Говорят, что тема неисчерпаемая. Только вот беда: о Пушкине сказать что-либо рискованнее, чем о Самом Господе Боге, где очевидное невежество можно выдать за «святую простоту» или даже за «веру», в то время как по отношению к Пушкину всякая простота – лишь очевидная глупость...

Но памятники, бюсты, книги – это, как говорится, по-крупному. Есть ведь еще мелочь разная – брелоки, значки, календари, блокноты, шкатулки с изображением поэта... Я в одном из городов видел троллейбус с изображением Александра Сергеевича на фоне номера телефона какой-то туристической фирмы. Пушкин окружает нас повсюду. Но не только внешне. В каждом из нас тоже, так или иначе, присутствует Александр Сергеевич. В одном – так, в другом – эдак, в

ком-то меньше, в ком-то больше. И хотя грозят пушкинисты, дескать, нельзя с ним «совершать прогулки», да еще «на дружеской ноге», но кто же слушает пушкинистов, когда сам поэт ясно дал понять, что будет еще до-о-о-лго любезен народу, и не только русскому. Вот он и любезен! А уж тут с поэтом у каждого свои личные взаимоотношения. У академика одни, у шофера с брелоком – другие. И кто из них больше любит Пушкина – неизвестно. Пушкин-то писал для всех...

– А этот Дантес, каков мерзавец! – вдруг вспыхнул я ненавистью к французу, нажал на газ и едва не создал аварийную ситуацию, так что Режиссер в испуге проснулся:

– Что это с вами? – спросил он.

– Да вот, – говорю, – приехал, застрелил и уехал.

– Кто?

– Дантес... Одного француза прогнали вместе с армией, так они нам другого заслали, втихаря.

– Да Господь с вами! Вы лучше за дорогой следите! И не о Дантесе думайте, а о Пушкине, – отругал меня Режиссер, а сам через некоторое время опять задремал.

...Но я и так думаю о Пушкине... Один мой знакомый литератор всегда страшно ругал власти, буквально матом крыл. Особенно, когда выпивал. Бывал в такие минуты сердитый, страшно смотреть. Но как только произносилось: «Пушкин», так его физиономия сразу же добрела, в глазах появлялась детская улыбка, а руки сами собой тянулись под стол, где мой приятель всегда хранил заветную бутылку. Почему?..

Или, помню, в перерыве футбольного матча на первенство района в раздевалке тренер укорял одного из подопечных, мол, из выгодного положения промазал. А тот в ответ: «Я тебе что – Пушкин?!» Казалось бы: где футбол и где Пушкин! Но нет, тренер сразу сник, замолчал. Действительно, только *наш* человек может так ответить и только *наш* человек способен этот ответ понять. Ведь

никому не придет в голову назвать другое имя, пусть самое значительное, даже Петра Первого не упомянут в таком случае...

Правда, бывает, что появляется какая-нибудь заметка или большая статья, где доказывается, что Пушкин вовсе не такой уж великий, что бывали у нас в России поэты посильнее, просто не до конца народом и критиками оцененные. Не стану спорить. Может, бывали и посильнее, и писали лучше. Но, видимо, не совсем о том писали. Как написано – конечно, важно. Еще важнее – о чём! Иной поэт так слова зарифмует, что потом все восхищаются, особенно пишущая братия. Так это «пишущая братия». А остальные? Пушкин же просто писал:

*Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих Ты знаешь –
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, –
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга...*

И всё! Больше ничего не надо, чтобы привязать к себе. Или вот небольшой отрывок из его письма к своей Наталье:

*«Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая
ходит в упряжи и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее
что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст*

десять по кочкам да оврагам – и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама».

Казалось бы, о чем речь! Чего уж тут особенного? Всего-то про кобылку... Но нет! Нам эта далекая и неизвестная кобылка почему-то дорога. Это как будто про нас Александр Сергеевич, про Россию, про нашу суть, про наш характер. Мы вот так же, чуть что – закусим удила и, пока не споткнемся, не успокоимся. А едва успокоимся – давай опять скакать. И потом, согласитесь, как-то хорошо на душе становится, когда читаешь не про дрянь какую-то, а про такую вот кобылку, безмятежно скачущую по нашим кочкам да оврагам...

А вот иностранцы понимают Пушкина не до конца. Они могут любоваться им, даже восторгаться, но... Так же они любят и природой нашей: восхищаются, ахают, выйдя с фотоаппаратом на какой-нибудь волжский утес, где вверху синее небо, внизу река, на горизонте лес, чуть в стороне – ветхая церковь. Но мы-то не столько любим природой нашей с рекою, лесом и небом, сколько знаем,

что находится там, за горизонтом, за этим лесом, какая там печаль, тоска, какая жизнь и какой быт, точнее – безбытность. Мы чувствуем за этими бесконечными синими далями судьбы людей, нищую, измученную и неменяемую страну, видим безутешный хоровод, слышим нескончаемую печальную песню, от которой даже у самых стойких наворачиваются слезы. Так, читая Пушкина, мы знаем, что за восторгом от встречи с безупречным стихом – известная лишь нам, русским, печаль и грусть, а если радость – то странная, понятная только нам...

Тем временем мы свернули с трассы налево и подъехали к санаторию «Митино», в котором нас разместят на время праздника.

Как указывается в путеводителе, Митино – бывшая усадьба помещиков Львовых. До начала 30-х годов XIX века рядом с Митиным проходила дорога из Петербурга в Москву, и каждый путешествующий мог любоваться быстрой и порожистой в этих местах Тверцой, густым сосновым лесом, а также самой усадьбой, благоустроенной по проекту выдающегося архитектора Н.А.Львова. В Митине часто собирались видные музыканты, поэты, художники, издатели журналов, поэтому в литературных кругах Митино называли «Тверским Парнасом».

Сохранилась старинная фотография: на ступенях дома Львовых группа людей, и в их числе Анна Петровна Керн. Она сидит, развернувшись к нам левым боком, задумчиво поднесла руку к лицу, у нее открывающая лицо прическа, одета Анна Петровна в белую кофту и длинную широкую черную юбку, из-под которой выглядывает самый кончик кернской ножки, обутой в черную туфельку.

«...Разве у хорошеньких женщин должен быть характер? Главная вещь – глаза, зубы, руки и ноги...» – писал ей Александр Сергеевич в одном из писем. Вот, оказывается, как раз эту ножку имел в виду.

В двух минутах езды от Митина, на этом же берегу Тверцы в деревне Прутня, у старинной церкви Анна Петровна Керн была в

1879 году похоронена. На ее могиле скромная плита с легендарным пушкинским посвящением:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...*

На другом берегу Тверцы, напротив санатория «Митино», находится деревня Василёво, также некогда принадлежавшая Львовым. Видны какие-то старинные постройки: как оказалось, там расположен Музей деревянного зодчества. Именно в Василёве пройдет фольклорный праздник «Троицкие гуляния».

Конечно же, через Митино, минуя все эти усадьбы, много раз проезжал и сам Александр Сергеевич Пушкин. Так что места здесь и впрямь пушкинские.

Мы с Режиссером поселились в санатории, и я сразу же помчался в Торжок, в городскую администрацию, где мы условились встретиться с заместителем главы Борисом Николаевичем Добродумовым, а также с Татьяной Ивановной Рыбкиной, заведующей отделом культуры.

Не буду скрывать: я не люблю никакое начальство, особенно *околокультурное*. Мне сразу же вспоминаются возвращенные комсомолом здоровенные наодеколоненные тетки из отделов культуры, с каменными лицами, ярко на помаженных губами и эдакой мелкой-мелкой походкой: цок-цок, цок-цок... А торжокское «культурное» начальство совсем другое. Вовсе не «здоровенное», а Татьяна Ивановна просто миниатюрная.

– Нам, – говорит она тоненьким голоском, – в этом году повезло, наконец-то к нам повернулись лицом и выделили деньги на проведение пушкинского праздника.

– Сколько? – спрашиваю, радуясь за отечественную культуру, к которой, наконец, повернулись.

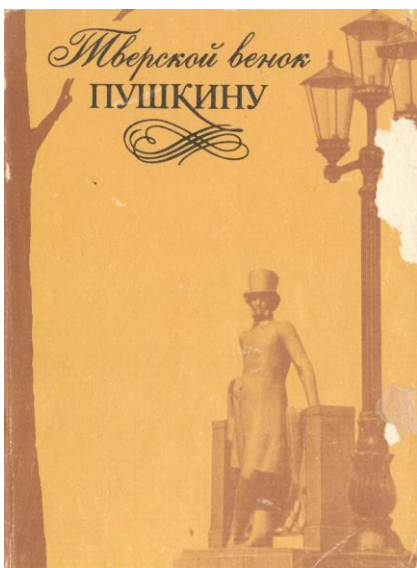
– Два с половиной миллиона рублей! – отвечает гордо Татьяна Ивановна. – Так что мы смогли пригласить нескольких тверских поэтов и даже одного молодого писателя из Москвы.¹

Свою финансовую беспомощность Татьяна Ивановна компенсирует невероятно бурной деятельностью и энергией, которая обычно отличает миниатюрных женщин. И ей, и Борису Николаевичу все же удастся многое сделать. Это знают и чувствуют все, кто так или иначе связан с культурой древнего города, и потому в этой среде торжокское «культурное начальство» совсем не чужое. Надо сказать, что и среда эта в Торжке достаточно серьезная и даже влиятельная...

¹ Для этого и будущих сравнений сообщим, что в начале июня 1997 года один доллар США стоил по официальному курсу 5.777 рублей.

Почему-то существует представление, будто российская интеллигенция, определяемая нередко эпитетами «демократическая» или «патриотическая», находится непременно в Москве или, по крайней мере, в Санкт-Петербурге. А между тем в российской провинции, а вся Россия – провинция, живут и трудятся сотни тысяч учителей, врачей, библиотекарей, музейных работников... Они несут свой крест без шума и претензий на то, что их труд будет замечен, одобрен свыше или увенчан какой-нибудь наградой, и даже не задумываются – интеллигенция ли они? Просто выполняют свой профессиональный и гражданский долг, понимая, что в их руках находятся столь мало ценимые в России (но часто упоминаемые всуе) духовные ценности народа: его физическое и нравственное здоровье, история и культура.

В тысячелетнем Торжке, как мы уже отметили, это серьезная и даже влиятельная «среда». Назовем лишь некоторые имена: учителя средних школ – Людмила Васильевна Шикалис, Любовь Юрьевна Татаренко и Марина Магомедовна Зеленова; Раиса Николаевна Мальханова – инициатор восстановления церкви Иоанна Богослова; Евгений Мушкин – организатор всех работ по восстановлению церкви в селе Дальняя Троица; Вера Станиславовна Бобэк – врач и самый знаменитый в городе акушер;

Михаил Иванович Костин – инициатор создания спортивных обществ; Ирина Владимировна Чичкина – заведующая отделом Музея истории и этнографии; Алексей Валентинович Горохов – художник, руководитель детской студии; Ольга Александровна Митина – директор Центральной библиотеки; Владимир Ильич Дервягин – хормейстер ансамбля песни и танца «Ленок»; Николай Николаевич Савинов – директор школы олимпийского резерва «Самбист»; Таисия Владимировна Горох – директор Музея

А.С.Пушкина; Марина Владимировна Пугаева – художник, мастер золотного шитья; Ирина Борисовна Воронина – главный художник золотошвейной фабрики; Валентина Ивановна Лепехина – методист бюро путешествий и экскурсий, один из создателей «Пушкинского маршрута»; корреспондент газеты «Новоторжский вестник» Владимир Сергеевич Вишняков; Галина Вениаминовна Колюшева – руководитель ансамбля «Экспромт»; Лев Алексеевич Смирнов – директор политехнического колледжа; известные торжокские поэты Василий Миронов, Наталья Смехачева, братья Михаил и Василий Рысенковы... Неформальным лидером этой среды, особенно когда речь заходит о Пушкине, является Валентина Федоровна Кашкова.

Родилась Валентина Федоровна в 1933 году. Ее послужной список короток: закончила Тверской педагогический институт (сейчас это университет), историко-филологический факультет, и вот уже в течение сорока лет (!) преподает в Торжокском педагогическом училище русский язык и русскую литературу XIX века, а также риторику и свой авторский предмет – *«Твоя родина – Россия!»*.

Зато сколь велик её вклад в русскую культуру и просвещение! Доказательство простое: пожалуй, не найдется в Тверской области такого села, городка или поселка, где бы в школах местных не работали ученики Валентины Федоровны. Все они с теплом и благодарностью вспоминают свою учительницу, а время, проведенное с нею на уроках и лекциях, как самое полезное и плодотворное.

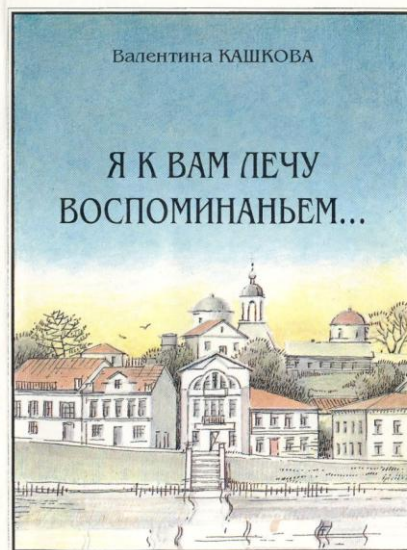
Действительно, у Валентины Федоровны есть чему поучиться. Она автор нескольких книг и путеводителей по истории и культуре

тверского края, сотен краеведческих и литературоведческих статей, участник многих научных симпозиумов и конференций. Но ее самая большая страсть – Александр Сергеевич Пушкин. «Я не пушкинист и не пушкиновед, – как-то призналась Валентина Федоровна. – Я просто его люблю».

На протяжении сорока лет Кашкова собирает, обобщает и делится с людьми материалами, свидетельствующими о ранее неведомом Пушкине: не о столичном, а о провинциальном, «тверском Пушкине». Без малого тридцать лет в Торжке проходят пушкинские праздники, на которые съезжаются поэты, прозаики, музыканты, просто любители поэзии со всего тверского края и из многих городов России. В эти дни город живет Пушкиным, как будто не было многолетней разлуки с ним. И все это могло состояться благодаря стараниям нашей провинциальной интеллигенции.

Как живет сегодня Валентина Федоровна?

Живет одна, в небольшой смежной кооперативной двухкомнатной «хрущевке», которую – счастливый случай! – купила еще в 1964 году. В квартире чисто и уютно. Из окон видна Тверца, на противоположном берегу – старинная церковь. Главная ценность – книги и фотографии близких. Валентина Федоровна уже на пенсии, но продолжает работать. Пенсия – 324 тысячи рублей в месяц, и, конечно, на эти деньги не проживешь: надо на что-то лечиться и хоть изредка покупать книги. Еще хотелось бы посмотреть мир или, если не мир, хотя бы еще раз увидеть дорогие сердцу пушкинские места... Но об этом российский учитель-пенсионер, даже такой именитый и столь заслуженный, может только мечтать. Есть у Валентины

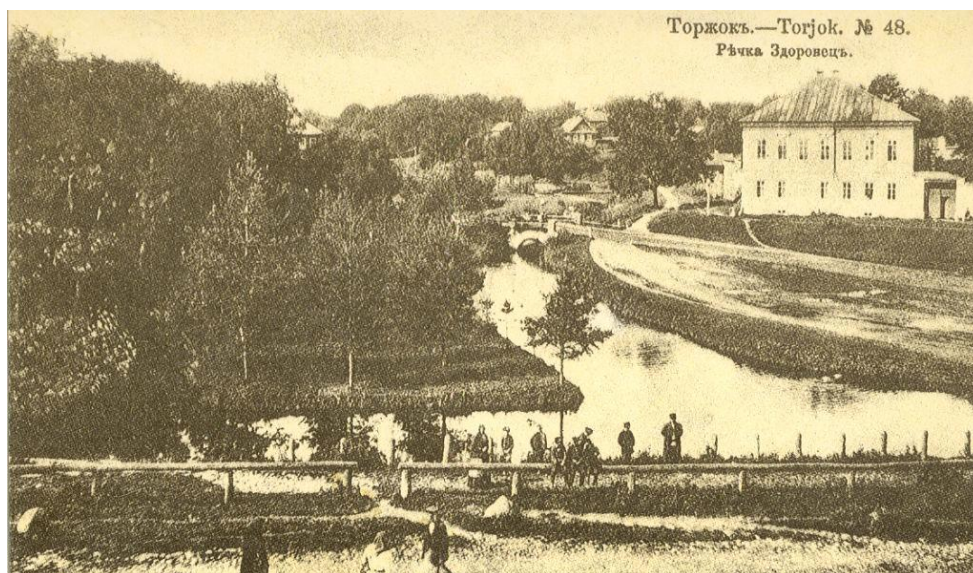
Федоровны и еще одно пристрастие. Оказывается, она – поэт! Вот ее стихотворение о родном городе:

*Сбегают улочки к реке,
Торопятся с горы скатиться
В уездном городе Торжке –
Моей столице...
Здесь стариною дышит вал,
В забвенье дремлет городище,
Между веками интервал
Глаз суетливый не отыщет...
– Постой, прохожий! Не спеши,
Ты посмотри, какие дали –
Ведь это праздник для души,
И лучшие ты найдешь едва ли!
Сверкают в небе голубом,
Парят танцующие птицы...
Над вечным памяти костром
Пух тополиный чуть дымится
И тает где-то за рекой
В тревожных отблесках зарницы,
А эхо пушкинской строкой
К нам успевает возвратиться...*

К Валентине Федоровне я и направился, чтобы хоть как-то просветиться в отношении пушкинских дней поэзии в Торжке. Но пока я к ней добираюсь, кое о чем хотелось бы поразмышлять...

Судя по всему, однажды что-то произошло здесь такое, после чего Торжок стал считаться пушкинским городом. Вот уже почти три десятилетия отмечается, как общегородской, Пушкинский праздник поэзии. Было проведено множество научных конференций и бесчисленное количество литературных встреч; вышло несколько книг, в которых рассказывается о пребывании Александра Сергеевича в Торжке и его окрестностях; есть специальные путеводители по

местам, так или иначе связанным с поэтом; есть в Торжке пушкинский музей в доме Львовых-Балавенских на улице Дзержинского; есть и бюст А.С.Пушкина на одноименной площади и многое другое, к чему жители этого города уже привыкли. Словом, Пушкин здесь – свой, и потому у него в Торжке много поклонников, самых что ни на есть серьезных и вдумчивых. Впечатление такое, что сказанное о Пушкине здесь не пропадает, а каким-то образом задерживается, сохраняется в памяти.

Вообще, интересно: каким образом проникает в сознание или, что важнее, в сердца жителей вот такого провинциального городка невесть откуда появившаяся творческая личность? А проникнув, как там закрепляется, почему не умирает вместе с уходящими поколениями, но переносится в сердца все новых и новых людей, живет уже с ними, потом покидает и их, переносится дальше, к потомкам, затем еще дальше, становясь бессмертной?

«Четверг. Не сердись, женка; дай слово сказать. Я приехал в Москву, вчера, в среду. Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как

черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции. Лошади расковывались и – неслыханная вещь! – их подковывали на дороге. 10 лет езжу я по большим дорогам, отроду не видывал ничего подобного. Насилу дотащился до Москвы...» (Из письма Н.Н.Пушкиной, 22 сентября 1832 г.)

Представим дело с одной стороны. Вот едет некто, поэт или писатель, пусть даже гений, и видит какое-то селение. Не то город, не то село. Надо остановиться, переменить лошадей или, случается, надо их подковать, а пока их меняют или подковывают – можно немного отдохнуть, пройти пешком, чтобы размяться, или лучше зайти в лавку, купить что-нибудь на память... а там уже надо ехать дальше. Ну поговорит при этом с кем-нибудь из местных жителей, спросит о чем-то, полюбопытствует – и все. А представьте: дождь, ветер, известная нам слякоть, так и выходить из кибитки не хочется. Просто выглянет в окошко наш путник, покачает головой и обратно спрячется, уйдет в свои размышления. Это командированные краеведы могут месяцами не вылезать из какого-нибудь провинциального городка, да ревизоры неделями в местных конторах сидеть. А ищущей натуре, тем более гению, сидеть на одном месте некогда.

Теперь посмотрим, как это выглядит с другой стороны?

Живут себе люди в тихом и забытом Богом селении, у каждого свои заботы, тревоги, беды и радости. Все трудятся, ходят на базар, в магазины, иногда устраивают праздники... Идут по мостовой, о чем-то думают, между собой о чем-то разговаривают и видят, как на противоположной стороне улицы остановилась

кибитка. Из нее, не спеша, вылез какой-то господин, судя по одежде – из большого города, может, из самой столицы. Вот он потянулся, огляделся по сторонам, несколько раз зевнул и... залез обратно в кибитку. Через какое-то время эта кибитка вместе с господином исчезла. Прохожие, проводив ее взглядом, тут же об увиденном забыли, продолжая думать о своем. Вот и все.

Кто этот остановившийся на несколько минут господин с кудрями и бакенбардами? Откуда он? Куда и зачем едет? Какие мысли увез отсюда, лениво посмотрев по сторонам? О чем разговаривал, остановив на минуту прохожего? Что купил, выйдя со свертком из первой попавшейся лавки? Наконец, как и чем отзовется во времени эта обычная дорожная остановка?

Никто сейчас этого не может знать. Вопросы, если и возникли, тут же исчезли.

И проживут прохожие всю оставшуюся жизнь, и их дети – тоже, и даже внуки проживут, да так и не узнают ничего, хотя были совсем рядом и даже видели его. И еще много времени пройдет, прежде чем в этом городке вспомнят проехавшего здесь господина с бакенбардами, с толстой тяжёлой тростью, в цилиндре, а вспомнив, узнают и то, о чем он говорил с первым встречным, и что купил, зайдя в лавку, узнают и то, чем отозвалась эта непродолжительная остановка в его жизни и в жизни всей России. И как же некоторые будут жалеть, что живут не в одно время с ним, станут завидовать тем незадачливым прохожим, коим попалась на пути кибитка с путешествующим господином. Только что́ им завидовать? Думаете, будь на их месте, мы бы о чем-то догадались, что-то заметили, узнали?..

Так что́ же произошло в Торжке и почему стал возможен здесь пушкинский ренессанс? Об этом явлении я попытаюсь сейчас расспросить Валентину Федоровну. Как там у нее: *«Между веками интервал глаз суетливый не отыщет...»* Посмотрим, посмотрим...

Валентина Федоровна очень тепло встретила меня, усадила на диван, поставила на плиту чайник и пообещала, что угостит еще и пирогом. Спустя несколько минут она уже отвечала на мои вопросы.

– Вот утверждают: «Пушкин – это наша вечность!», или: «Без Пушкина непредставима жизнь!»... А ведь жили без него десятилетиями... Бывали всплески. В 1937 году, например. Политический, конъюнктурный юбилей. Провозглашали: «Пушкин и свобода!», «Пушкин – патриот!», «Пушкин и воля!»... И боже упаси сказать, что Пушкин – страдалец. Прошел 1937-й с этой громкой неправдой, записанной и зафиксированной в учебниках, будто Пушкин сам по себе всем понятен. А он – не понятен...

– Но, Валентина Федоровна, здесь, в Торжке, в чем выражалось его присутствие? Вот он проехал один раз, проехал другой, третий, с кем-то встречался, с кем-то беседовал... Потом надолго все затихло.

– Я пытаюсь вспомнить, но в школе нам ничего или почти ничего не говорили о том, что он здесь когда-то проезжал. Не было

Пушкина здесь и все. Он «был» где-то в архивах, может, в подвале, в библиотеке, а нам был «спущен» тот самый Пушкин, про которого писали на рубеже прошлого и нынешнего веков. Больше никто ничего нового о пребывании поэта на тверской земле не писал и не говорил. Откуда же о нем могло знать наше поколение? Пушкин где-то там, вдалеке, в Михайловском, в Болдине, в Петербурге, в Москве, но только не здесь... И я не могу сейчас точно ответить, почему в конце 60-х годов возродился интерес к Пушкину в нашем тверском крае. Возможно, причина, которая на поверхности, – это появление в то время московского музея Пушкина. А так как мы, слава Богу, с Москвой по соседству, то очень внимательно за этим наблюдали, и не успел музей открыться, как мы уже были там...

– Но все же какие-то носители «тверской памяти» о Пушкине были? – пытался я докопаться до предыстории.

– Да, конечно. Они сделали много хорошего и доброго, но вместе с тем и работы нам задали много. Написанного, напечатанного и невероятно искаженного было очень много. И это все размножили в летучих газетных публикациях или в небольших книжечках. Где? Что? Когда? У кого? Все перепуталось. Ведь если говорить о тверской земле, надо постараться ответить на вопрос: зачем Пушкин сюда столько раз приезжал? Мы догадывались, что он не всех Вульфов любил. Но тогда что его гнало сюда?..

– Так зачем же он сюда бежал?

– У Пушкина была в это время такая трагедия и такое отчаянное одиночество, что он готов был из Петербурга бежать куда угодно... А позвали-то, прежде всего, сюда. Прасковья Александровна Осипова-Вульф была очень близкая и любящая душа. Она по-матерински любила его. Помните, 1825 год?

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

Это посвящено ей... Пушкин знал, что эта любовь сохранит его, защитит, поддержит, согреет.... и ничего не спросит. Такую любовь найти непросто, и страшно потерять. И для того, чтобы не лишиться этой сочувствующей души, Пушкин бросается сюда, в Малинники, за семьсот верст по бездорожью. К счастью для нас, это оказалась тверская земля.

— Как же происходит все-таки реанимация Пушкина в выветренном сознании? — не унимался я, хотя очевидно, что Валентина Федоровна именно это и пыталась объяснить.

— Она, если уж говорить таким языком, шла с двух сторон. С одной — мы, «низы», стали говорить, писать, ездить, доказывать, создавать какие-то комиссии, стучаться во все двери. И эти двери стали кое-где приоткрываться, поначалу совсем немного. На нас, конечно, смотрели как на чудаков, но вместе с тем невольно прислушивались: чего это они там такое говорят?

— Сколько же было вас, таких чудаков?

— Человек десять, а может меньше, и я среди них была самая молодая. На меня вообще смотрели как на некое приложение к маститым старикам. Так вот: оказалось, нужно писать! Не говорить, а именно писать. И не казенные прошения или заявления «наверх», а о

самом Пушкине. Вот для этого надо было что-то найти самой. Тогда я перевернула всю литературу, которая только была доступна, и поразилась... Это было в конце 60-х годов.

– А пушкинские праздники?

– Праздники появились позже. Сначала были публикации. Я написала книжку, но её постигла трагедия... Впрочем, – вдруг задумалась Валентина Федоровна, – это, может, и к счастью, иначе я бы эту наивность выпустила в свет. Рукопись мою попросту украли. Это старая история... Так вот без заинтересованности областного и городского начальства мы бы сами, конечно, ничего сделать не смогли. Но нам большого труда стоило убедить их, что это надо делать. Пошло «снизу», потом поднялось «наверх», и там, неожиданно, мы нашли понимание. Музей в Бернове сделали за год. Конечно, душой всего стал московский музей. Работали экспозиционеры, Светлана Овчинникова – научный сотрудник музея, художник Юрий Керцелли, который принимал участие в создании московского музея. То, что для нас было новинкой и открытием, для них было делом привычным, и поэтому музей сделали быстро. Потом присмотрелись и поняли, что снят лишь поверхностный слой, а сугубо тверского материала, который оправдал бы наши усилия по созданию музея, явно не хватало. Надо было его где-то искать. Начались поиски, поездки. Сотрудники областного музея исколесили всю страну. Были и у частных собирателей, и у потомков Вульфов, и у потомков Полторацких...

– И что же? – осторожно поторопил я Валентину Федоровну.

– Оказалось, что вещи живут, что они не исчезли: у кого-то сохранились книги, у кого-то стол, кто-то принес личные дневники, а в них – бесценные записи. Оказалось, что род Вульфов очень разнообразен и талантлив, что там и художники, и музыканты, и инженеры, и у каждого из них сохранилась крупица памяти о Малинниках, о Бернове, о Пáвловском. Пошли пожертвования. Люди не продавали вещи музею, а дарили, сами привозили, и постепенно музей обрстал экспонатами. Но если бы мы не начали «снизу» этот поход по тропе к Пушкину, то вещи просто могли погибнуть и

потерять свою духовную ценность. Когда создали музей в Бернове, стало ясно, что надо создавать музей и в Торжке. Но ясно было не всем. Ведь если в Бернове, Малинниках и Павловском Пушкин писал и там была творческая мастерская поэта, то что же можно было найти в Торжке? Нам сказали: «Ерунда! Ничего здесь быть не может. Здесь есть только одно: «На досуге отобедай у Пожарского в Торжке...» Тогда я поняла, что надо обратиться к письмам Пушкина. Я стала их читать, попыталась их прочувствовать, прожить и увидела, что буквально за каждой строкой стоит человек. Возникли вопросы: а кто он? почему его выбрал Пушкин? в чем тут дело? он сам пишет из Тверской губернии или ему пишут?.. Я набрала таких писем девятнадцать, и это оказалась целая история. В этих письмах половина пушкинской жизни, ведь Пушкин был связан с тверским краем начиная с 1826 года до последнего дня своей жизни. Вульфы, Осиповы-Вульфы, Полторацкие, Львовы, Оленины – целый букет имен.

Торжок, в виде маленького островка, существовал и в столице, потому что представители всех этих фамилий были знакомыми Пушкина по Петербургу. И когда поэт у них бывал, он видел, что приезжают родственники из Тверской губернии, пишут письма, разговаривают накоротке обо всем. Пушкин становится своим в доме Олениных, Полторацких, в доме Вульфов. Он уже знает массу всего о тверском крае, еще не приехав сюда...

Валентина Федоровна взяла паузу, задумалась и продолжила:

— Знаете, когда я работала над книгами, всякий раз возникала мысль: вот мы ищем что-то в архивах, далеко-далеко от нас, а ведь дома у каждого — архив. Например, мой прапрадед. Он, конечно же, знал Пожарского. Я была в этом уверена. И вот нашли этому подтверждение. Дарья Евдокимовна Пожарская, скончавшись, осталась должна моему прапрадеду. Он был колесник и занимался ремонтом карет и экипажей. Мастерил сани, дровни. Это был семейный промысел. И вот — фамилия мелькнула. Какой-то узелочек оказался завязанным между тем, что было, и между тем, что есть. И, развязывая такие узелки, мы обнаруживаем, что дома у каждого из нас есть архив. Вот висит вещь на стене, мы не обращаем на нее внимания, а потом оказывается, что она о многом может рассказать...

С этими словами Валентина Федоровна вышла на кухню, где уже вовсю кипел чайник, а я с чувством горькой потери вспомнил дом своего счастливого детства...

В том доме у меня было всё: бабушка, дедушка и еще моя тетя, которые, так сложилось, воспитывали меня и любили до беспамятства; нехитрая мебель разных эпох и стилей — все эти диваны, кровати, шкафы, сервант, этажерка, стулья, столы, которые были мне не просто знакомы, но дороги, также как и чашки, тарелки, вилки, ложки да еще какие-то вазочки, сахарницы, графины, рюмки; стол в большой комнате был накрыт бордовой с желтыми узорами бархатной скатертью; здесь же, на столе поменьше, стояло небольшое зеркало-трельяж, а рядом с ним — шкатулки, в которых годами и даже десятилетиями хранились пуговицы, булавки, иголки, нитки, какие-то лоскутки и еще бог знает что, а на самом зеркале мне была знакома каждая трещинка, каждая царапина; за этим же зеркалом хранились толстые альбомы с фотографиями, которые в десятый, в сотый раз с интересом и радостью просматривались пришедшими в гости родственниками; рядом с альбомами находилась картонная коробочка, куда в течение многих лет складывались поздравительные открытки и телеграммы, и тут же стояла еще одна коробочка, с различными лекарствами, срок годности которых истек еще при царе Горохе, но

они все же хранились (вообще, ничего не выбрасывалось!); а как не вспомнить телевизор «Неман», не работавший уже лет десять, но все равно стоявший на почетном месте, накрытый накрахмаленной салфеткой, «чтобы от пыли и солнечного света не испортился экран»?!; помню огромные тёмно-зелёные фикусы, которые исправно поливали и каждый лист на которых тщательно протирали во время уборки; на стенах висели несколько картин в золоченых рамках, и одна из них была прострелена, как мне рассказывали, шальной фашистской пулей – страшная память об оккупации; кроме картин на стенах висели семейные фотографии родных и близких людей, а еще – «отрывной» календарь, листки которого аккуратно отрывались бабушкой в конце каждого дня и прочитывались им вслух полностью, включая время восхода и захода солнца; сам «отрывной» календарь прикреплялся к картонке с портретом А.С.Пушкина работы Тропинина, причем менялись из года в год только календари, а картонка с портретом Пушкина оставалась, и заменить ее на что-то другое было делом непредставимым; на стенах в моей спальне, вместо ковров, были развешаны самотканые покрывала с незатейливым орнаментом да еще вышитый мамой небольшой коврик с моим изображением; рядом с моей кроватью стоял большой тяжеленный сундук, в котором хранились редко доставаемые и пахнущие нафталином вещи, и там же, на самом дне, в обыкновенном почтовом конверте хранились мои самые первые остриженные волосы, а еще – алюминиевый крестик, врученный бабушке при моем крещении; помню умывальник и рядом ведра, наполненные водой, а над ним – большое зеркало, отколотое в верхнем правом углу; вспоминаю кухонный стол, в котором хранились разные крупы и мука; а как не вспомнить елочные игрушки, которые вытаскивали из-под дивана ближе к Новому Году?.. А сама встреча Нового Года?.. И еще – запахи! Но что сказать о них? Как выразить то, что, быть может, и вовсе невозможно описать? Может, это запах корицы, гвоздики и ванили, хранившихся в одном из ящиков в старом серванте; или запах вишневой настойки из огромной бутылки, стоявшей под столом; или это легкий освежающий запах от больших

связок лука и чеснока, всегда висевших на кухне; а может, это запах жаренного сала – знаменитых украинских шкварок, которых я не выносил и за которые теперь многое бы отдал; или это запах «тройного» одеколona, которым дедушка после тщательного бритья обливал лицо, голову, шею и даже затылок с характерной горизонтальной морщинкой, как у запорожских казаков... А кроме запахов еще были звуки: голоса родных, едва слышный шорох шагов прихрамывающей бабушки, бесконечное пение моей тети во время уборки квартиры, ироничные высказывания деда о политике, треск поленьев в печке, скрип дверей, звон посуды, тиканье часов, несмолкаемое радио... А еще надо вспомнить веселых гостей – родственников и друзей, собиравшихся по праздникам и на дни рождения. Они пели песни, шутили, веселились, танцевали, пили горилку, которую исправно поставляла какая-то баба из недалекого села, и дедушка вполне серьезно утверждал, что она же снабжает этой горилкой членов Политбюро... А как не вспомнить двор, огород, яблони и вишни, кусты сирени, столетнюю акацию возле самого дома? А все эти куры, утки, кролики, собака Шарик, коты и кошки, которых уже и не вспомнить, как звали? А еще друзья детства, их родители, соседи, небольшая речка Соб, луг, трава, пасущиеся кони, коровы и многое другое, что окружало меня ежедневно, ежечасно и, кажется, было со мной постоянно...

Где это все? Куда подевалось? Почему исчезло?..

Дорогие, самые близкие люди – уже давно в сырой земле; из вещей ничего не сохранилось; фотографий почти не осталось, нет и картин, давно выветрились запахи, не слышны знакомые звуки... Остались, наверное, лишь безмолвные стены да двери, которые не часто меняют... Как же страшно туда вернуться и убедиться воочию, что всего этого действительно нет! Как больно подойти к дому своего детства и увидеть в знакомом окне не для тебя зажженный свет, заметить мелькнувшую чужую тень, а, набравшись смелости и постучавшись в дверь, как невыносимо услышать холодное и постороннее: «Ну, чего тебе?»...

*Два чувства дивно близки к нам,
В них сердце обретает пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Ох как знали, как хорошо знали наши начальники, чего нас надо лишить! «Средств производства»? – Да. «Продуктов нашего труда»? – Конечно. «Оградить от остального мира»? – Обязательно. Но еще им было важнее – лишить нас своего гнезда, этого самого родного пепелища и тем уничтожить нашу память, омертвить сердце, сделать нас неспособными к любви. Тогда уже ничего за душой не останется. Ничего... кроме страха перед этим самым начальством.

Тем временем, похлопотав на кухне, вернулась Валентина Федоровна. Она налила чай и принесла пирог.

– Конечно, если не обрывается связь времен, если дом сохранился, то и вещь может сохраниться, – продолжил я начатую Валентиной Федоровной тему.

– К счастью, многое сохранилось. Хотя и война была, и бомбежки, но все же фронта здесь не было. В двадцати пяти верстах от Торжка фашистов задержали. Старый Торжок остался. Неудивительно, что нашлись даже афиши старого театра, которым было сто лет и более. И вот в этих афишах присутствует имя Пушкина. Значит, здесь в Торжке играли Пушкина, жил театр. И я уверена, что музеи, которые у нас созданы, – это не точка, но лишь начало большой работы.

– И вот материалы, документы, экспонаты музея собраны, и уже они сами работают, начинаются собрания, встречи, конференции, наконец, торжества по случаю дня рождения поэта. Воздух Торжка постепенно наполняется Пушкиным, сюда приезжают известные поэты и писатели, к пушкинской поэзии приобщаются все новые и новые люди... Так? – подытожил я первую часть рассказа Валентины Федоровны.

– Да, конечно. В музеи специально приезжают люди, интересующиеся Пушкиным, и просто мимолетные туристы. У нас был даже разработан двухдневный маршрут – «Пушкинское кольцо Верхневолжья». Начинался он в Твери, проходил через Старицу, Малинники, Берново и заканчивался в Торжке, который становился ключевым пунктом. Стали приезжать столичные поэты, художники, музыканты, артисты... У нас появилась возможность не только говорить о Пушкине, но и встречаться с представителями современной культуры и искусства, через Пушкина, в соседстве с ним, в его мире, в его ауре. На пушкинские дни, которые проходили здесь ежегодно в первую субботу июня, мы входили в мир пушкинской поэзии, и не только пушкинской.

– А разница большая между тем, как было тогда, когда вы начинали эту работу, и сейчас, когда уже двадцать восьмой раз в Торжке отмечается день рождения Пушкина?

– Разница большая... со знаком минус, – неожиданно для меня, но уверенно произнесла Валентина Федоровна.

– ???

– Немного странно?.. Когда все только начиналось и мы приступили к созданию пушкинского музея, многим казалось, что нет никакого тверского Пушкина. А когда всё разгребли, оказалось: сколько же здесь написано! Вот был восторг! Все бросились по этим местам ходить, изучать, писать, приезжали разные люди, просто туристы. Я, наверное, видела здесь весь Союз Советских писателей. Это был период с 1971 по 1975 годы. Но этот восторг постепенно исчезал, таял. Все вошло в рамки привычного ритуала, и мы, не успев оживить нашего Пушкина, снова стали его тихо умерщвлять...

– Чем же?

– Привычностью. Всякая привычность убивает. Она может убить даже любовь.

– Но что сейчас здесь с Пушкиным?

– Пушкин – это настолько всё, всё, всё про нас, что я не знаю такого второго поэта. Я люблю Лермонтова. Но в нем столько горечи и отчаяния, столько тоски... У Пушкина больше света и солнца. А неизбалованному русскому человеку всегда хочется чего-то родникового, светлого, ему хочется надежды. И, кроме того, Пушкин как-то по-доброму умен. Он многое успел за свои тридцать семь лет нам объяснить. Надо только внимательно вчитаться, вслушаться в него. Он наше

и наше Начало...

– А не наш ли это Конец?

– Конец? – Валентина Федоровна улыбнулась. – Слишком счастливый это был бы для нас конец. Я думаю, что конец наш будет все-таки более печальный.

– Куда же печальнее того, что сейчас есть?

– Будет еще печальнее. Сейчас-то мы еще хоть что-то знаем и помним, а подрастает поколение, которое ничего не хочет знать. Ведь мы пропустили через себя этот светлый и счастливый всплеск. Оглядываемся и вспоминаем зал, в котором нет ни одного свободного места, занятый балкон, светящиеся глаза у присутствующих, помним поэтов и писателей, приезжавших из разных мест: Смелякова, Алигер, Татьяничеву, Бокова, Викулова, Жигулина, Вознесенского, Дементьева, Ларису Васильеву, Винокурова, Доризо, Бориса Полевого...

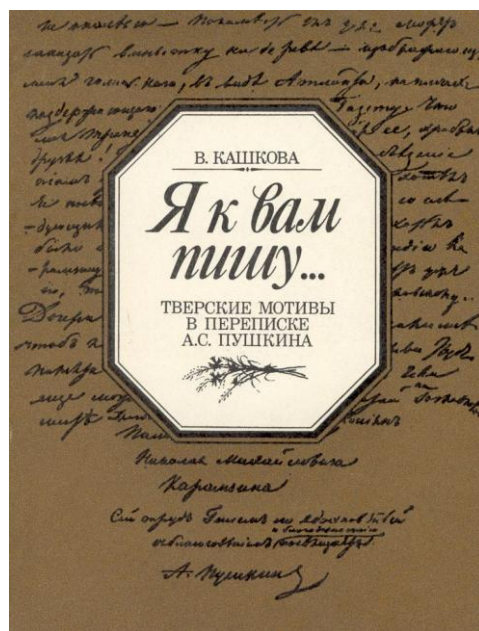
– А теперь к вам едут такие, вроде меня, из себя неизвестно что представляющие, – привел я неопровержимые доказательства деградации пушкинских празднеств.

Однако мудрая Валентина Федоровна на мое кокетство никак не прореагировала, если не считать ответом большущий кусок пирога, положенный передо мной.

– А что Александр Сергеевич любил поесть? – спросил я, принимаясь за пирог.

– Он любил простую еду: прежде всего, печеную картошку, которой его заманивала в Тригорское Прасковья Александровна Вульф, любил щи, гречневую кашу, яблочный пирог и очень любил моченые яблоки. Как-то зимой, проезжая через Торжок, он купил здесь двадцать персиков и все до одного слопал!

– Значит, в прошлом веке зимой в Торжке можно было запросто купить персики. А котлеты, интересно, любил?

– Котлеты – само собой! Кто же из русских не любит котлет! – ответила Валентина Федоровна и продолжила рассказ.

– Вот взял Пушкин постучался и пришел к нам. Как будто даже сам. Время пришло. У меня возникал вопрос: почему мы на первый Пушкинский праздник в Бернове собрались в 1970 году, когда не было никакой юбилейной даты? Первые праздники у нас были настолько изобретательные, такие... какое бы слово подобрать... долгожданные! Приходил апрель, и все только и говорили: «Скоро пушкинские праздники!» Ну какой еще праздник так ждут? Только свой день рождения, да и то... – вздохнула Валентина Федоровна, – чем старше становишься, тем ждешь меньше... Ждали пушкинский праздник и спрашивали: «Где достать пригласительный билет?» А теперь, увидите, зал будет полупустой. Мы сейчас почему-то ничего не изобретаем.

– Но что, по-вашему, надо сделать к его двухсотлетию, чтобы все вернулось и Пушкин вновь пришел сюда?

– Читать его надо. Читать и стараться понять. Конечно, на двухсотлетие все прибегут. Зал будет полный. Ведь сейчас это уже официальный праздник, вся страна встанет «под козырек». Уже такое в тридцатых годах было. Общенациональную идею ищут, а здесь как раз Пушкин...

В это время зазвонил телефон, и Валентина Федоровна, извинившись, некоторое время с кем-то беседовала.

...Все не дает покоя нашему начальству отсутствие «общенациональной идеи» в многонациональной стране! Интересно спросить у них: об идее какой нации идет речь? Не русской ли? Но тогда как «общую идею» русской нации сделать своей, скажем, для татар, украинцев или евреев? Да еще вспомним, что не только многонациональная страна у нас, но и разнорелигиозная. Здесь ведь к одному алтарю всех не подведешь. Вот и ищут наши государственники помощи у какого-нибудь сверхавторитета. Кто лучше Пушкина мог бы подойти на такую роль? А здесь как раз двухсотлетие – прекрасный повод попробовать еще раз, как в 1937-м.

Только вновь забывают наши начальники, что национальная идея и государственная идеология не всегда одно и то же, а в нашей стране эти два понятия друг от друга далеки, если не прямо противоположны, если вообще не враждебны. Пушкин, действительно, фигура, вокруг которой возможно национальное и даже межнациональное примирение. Что, между прочим, и происходит. Среди тех, кто любит и почитает поэта, нет места национальной вражде, нет и того, что называется «классовой ненавистью», нет лжи, нет насилия. Все это приходит лишь тогда, когда к поэту прикасается наше государство. Страдал от него и сам поэт, являясь, по сути, узником, мучились ближайшие его вольнолюбивые друзья, страдал всякий, кто пытался поднять голос своей совести против чиновничьего произвола и традиционного российского беззакония. Точно так же страдали и все те, кто стал последователем Пушкина, его творческим наследником. Их травили,

изгоняли, убивали во все времена, во все эпохи: и при царях, и при коммунистах...

Спустя полгода после того, как состоялась эта беседа с Валентиной Федоровной, я прочел небольшую статью Георгия Носова, в которой он приводит трагические факты из биографий прямых потомков Александра Сергеевича Пушкина и их близких:

«Правнучка Мария Павловна Воронцова-Вельяминова (1883-1932) и ее муж Евгений Ипполитович Клименко (1864-1932), чиновник, советский служащий, арестованы в 1927 году, лишены всех прав, "милостиво" сосланы в Курск, где нищенствовали.

Правнук Александр Сергеевич Мезенцев (1908-1945), студент, арестован с отцом Сергеем Петровичем Мезенцевым (1866-1945), концлагерь (1930-1932). Отец повторно арестован в 1937 году, приговор "десять лет без права переписки" (1937-1945).

Правнучка Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (1884-1974), мать двоих детей-подростков, педагог-историк, медицинская сестра, арестована в 1931 году за "шпионаж". Ее муж Всеволод Александрович Кологривов (1881-1942), поручик, помощник военного атташе, в 1920 году передал Красному Флоту два английских корабля. Арестован: концлагерь (1920-1923), ссылка и поселение (1934-1937), тюрьма (1938-1942).

Праправнук Александр Сергеевич Данилевский (1911-1969), агроном-энтомолог, будущий выдающийся биолог, арестован в 1934 году, сослан в Казахстан. Возвращен благодаря хлопотам академика Б.Д. Грекова, пушкинистов – супругов Цявловских». («Независимая Газета», 23 декабря, 1997 г.)

О том, как наше государство расправлялось с мыслящими людьми при царях, хорошо, много и чаще всего правдиво рассказывали коммунисты. О том, как вели себя сами коммунисты, убедительно свидетельствуют демократы. О том, каково живется при них, – тоже потом кто-нибудь расскажет...

Пока же мы возвращаемся в Торжок, в уютную квартиру Валентины Федоровны, которая уже закончила телефонный разговор.

– Я все больше чувствую, что в Пушкине – огромный потенциал нашего национального примирения, – продолжил я развивать тему «общенациональной идеи». – Мне кажется, что именно он – ключевая фигура нашей истории. В России так много было злых гениев, а Пушкин – гений добрый. Что же делать, чтобы к нему обратились?

– Что делать, что делать? – едва не рассердилась на меня Валентина Федоровна. – Надо научиться читать! Научимся читать – станем понимать. И главное – дети. Если они не будут знать Пушкина – они себя забудут... Вот были такие удивительные старики – Цявловский, Жермунский, Томашевский, Сокольский. В самые трудные годы, когда была разруха, голод, гражданская война и, кроме воблы, ничего не было, – они собирались то у одного, то у другого на чай, заваренный морковкой, читали Пушкина и комментировали, на все лады... Вообще, ни один мыслящий человек мимо Пушкина пройти не сможет. Даже если захочет. Он притягивает. Если есть какие-то пустоты в нашем сознании, Пушкин невольно начинает их заполнять.

– Президент наш тоже мимо Пушкина не прошел. Написал о том, что Пушкин, мол, «любил нас, нынешних...» – что-то в этом роде.

– Он не любил нас. Он просто догадывался, что не может человечество настолько оскудеть, что потеряет интерес к тому, что запечатлено в Слове. Спросите у своего сына, что он знает о Пушкине?

– Боюсь даже спрашивать.

– То-то же!

– А вот этого запала вам хватит? Сейчас уже все согласились с тем, что был «тверской Пушкин». Но все это не может ли вновь замереть, угаснуть? Не может ли Пушкин вновь «выветриться» из тверской земли или, точнее, из головы тех, кто здесь живет? Ведь все держится на таких, как вы. Пока вы есть, все вроде поддерживается.

– Может быть, сравнение мое будет не совсем доказательным... Когда мы ставим пластинку на проигрыватель, то можем прибавить или совсем убавить звук, так что ничего не будет слышно. Но ведь пластинка крутится, и музыка продолжается, живет, льется. Нам только не надо выключать звук. Может, не стоит кричать каждый день «Пушкин! Пушкин!». Может, лучше его спокойно читать и думать над прочитанным? Может, и не каждый день читать, и не каждый час думать. Мы же не роботы. В нашу жизнь каждый день приходит что-нибудь новое, иное. Пушкину было бы страшно представить, что у нас, его потомков, есть лишь только он. У нас есть целый мир, тот самый, в котором Пушкин жил. Посмотрите на его библиотеку, на книги, которые он успел прочесть. Вот и нам надо успеть. Иначе мы и его не поймем. Это невозможно объяснить: «Изучать Пушкина», «Работать над Пушкиным» – я этого не понимаю... Приходит время к нему обратиться, когда без него нельзя,

и тогда ты не «работаешь над его произведениями», а наслаждаешься ими или задаешь себе бесчисленные вопросы.

– Вообще, то, что вы делаете, – это частное дело Твери, Торжка или это имеет какое-то значение, скажем, для Сахалина, Калининграда, Екатеринбурга или Тобольска? Имеет ли значение «тверской Пушкин» для остальной России?

– Я не знаю, что это дает Тобольску, но сам Тобольск мне интересен тем, что там жил и творил Ершов, что он там похоронен. И если я не буду знать Ершова тобольского, то не узнаю Ершова русского. Очевидно, и для тамошних жителей так же. Здесь есть такое счастливое обстоятельство, как дорога из Петербурга в Москву, проходящая через Торжок. Известно, что Пушкин проезжал по этой дороге более тридцати раз. Но ведь дорога – это жизнь, люди... Как же понять жизнь Пушкина, если не поймешь этот отрезок Пути, с большой буквы, который он «проживал»? Что он здесь видел? Что чувствовал?.. Есть Псков, Новгород, есть Вышний Волочек, Тверь... и всюду что-то обласкано его взором, его мыслью. И везде жили люди, которые по-разному испытывали притяжение и к его дороге, и к тому, кто по ней ездит. Тверской губернии повезло. Пять раз Пушкин специально приезжал сюда. Подумать только! Значит, эта земля ему небезразлична. Как же это может быть неинтересно России, если это жизнь Пушкина?..

Поблагодарив Валентину Федоровну за рассказ и угощение, я договорился с нею о встрече на следующий день на Троицких гуляниях. Попрощавшись, вышел из подъезда, сел в машину и, не спеша, поехал по вечернему Торжку, по самой длинной улице, носящей имя Феликса Дзержинского, в сторону Митина. На улице было довольно много народу, особенно молодежи. Завтра суббота – нерабочий день.

...Вспомнились слова Валентины Федоровны о том, что Тверской губернии повезло: «пять раз Пушкин специально приезжал сюда»! Еще бы! Приезжал, жил, слушал, разговаривал... И в этом пребывании и во встречах здесь, между прочим, во многом было сформировано его представление о женщине. Что тут скажешь? Повезло тверским женщинам: они были обласканы «взором поэта». Да и не только взором... Но ведь и самому Пушкину тоже повезло, что именно тверские женщины оказались на его пути. Ведь все эти рассказы Валентины Федоровны о том, что «пришло время», «постучался Пушкин», «настал час» и тому подобное, – лишь лирическое оформление ее собственных ощущений. На самом деле тверской пушкинский ренессанс произошел именно и только благодаря самой Валентине Федоровне Кашковой и таким, как она. Все это стало возможным, благодаря какой-то необъяснимой, до конца не разгаданной любви женщин к Пушкину. Об этой любви как будто пишут много, но все никак ее не разгадают. Что-то между Пушкиным и женщинами существует такое, чего нет и не может

быть, например, между Пушкиным и мною. У нас, мужчин, к Пушкину уважение, почтение, понимание, восхищение, у некоторых обожествление... Кажется, много, на самом деле – не более того. Потому, что только у русских женщин к нему – любовь. А это гораздо значительнее всего прочего. Поэт жил, писал, творил... Прошло без малого два века, а они его по-прежнему любят. И вот одна из них, тверская девушка, которая вполне могла стать героиней Пушкина, той же Татьяной Лариной, живи она в его время, любит поэта, посвящает ему часть души, сердца, жизни, изучает, что-то ищет в архивах, находит и приносит это другим, охраняя поэта от неправды и пошлости, пишет десятки, сотни статей, затем одну книгу, другую, третью... десятую, проводит встречи, выступает перед самыми разными людьми, вместе с такими же подвижниками, как сама, организует музей, но главное – на протяжении четырех десятилетий преподает русскую литературу и русский язык молодым людям, будущим учителям со всего тверского края! Представляете?! Идут годы, светловолосая тверская девушка с немного раскосыми глазами и негромким голосом становится зрелой, мудрой женщиной, опытным педагогом, заслуженным учителем России и даже почетным жителем Торжка. А любовь к Пушкину не угасает, и верность ему сохраняется...

Кем же надо быть, чтобы так тебе верили?! Что совершить, чтобы и спустя два века тобою увлекались, читали, да что читали – чтобы тебя так чувствовали и так в тебе нуждались?! Как нужно было прожить и как надо было вжиться в свою страну, в людей, чтобы так их с собою связать?! Наконец, как надо было их любить, чтобы через поколения тебе отвечали взаимностью и чтобы такая женщина, как Валентина Федоровна Кашкова, всю жизнь верой и правдой служила тебе?!

Пушкиным надо быть! И написать «Евгения Онегина» да к нему еще небольшой стишок вроде «Я помню чудное мгновенье...». Этого достаточно.

С этими мыслями я вернулся в санаторий «Митино», где нашел своего Режиссера. Он уже изрядно устал. Целый день бродил по окрестностям Митина, по берегам Тверцы, был в Прутне и даже разговаривал с местными жителями. По его словам, он не скучал.

Мы вышли на балкон. Вид перед нами открылся божественный: закат, Тверца, зеленый лес... У меня из головы все не выходил разговор с Валентиной Федоровной, а Режиссер, как будто почувствовав мое настроение, медленно и задумчиво прочел:

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жуужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий...*

— Вот ведь, — серьезно произнес я, — действительно гений! Ничтожного жука и то без внимания не оставил. Иной поэт побрезговал бы насекомым, а этот...

— Болтун вы, — сказал, улыбаясь, Режиссер.
Мы рассмеялись и разошлись по номерам.

Глава II

Доброе утро в Митине

Почти всю ночь я не спал. Во-первых, волновался перед праздником, за которым надо будет не только наблюдать, но и достойно играть роль приглашенного гостя; во-вторых, стоило мне слегка задремать, как в дверь моего номера начинали требовательно стучать. Пять или шесть раз я вставал и выяснял, в чем дело, но в дальнейшем просто крыл стучащих через дверь, без тени смущения.

Дело в том, что в эти дни в санатории проходило Всероссийское совещание пожарных, участники которого здесь же и проживали. В номере, в который поселили меня, видимо, был сосредоточен спиртной запас совещания, и при нем жил ответственный. На протяжении нескольких суток, ночью, к нему приходили товарищи по ремеслу, и он исправно выполнял свои обязанности, что, согласитесь, не бог весть какой грех. Но затем этого «ответственного» по каким-то причинам переселили в другой номер, никого об этом не оповестив. Так что сослуживцы разных званий и должностей – кто по привычке, кто по выработанному рефлексу, а кто просто по незнанию – стучались в номер, где уже, к моему несчастью, располагался я, а не заветный запас.

Уже к двум часам ночи по стуку в дверь я мог безошибочно определить воинское звание и даже должность визитера. Те, кто постарше чином, стучали более требовательно и решительно, а один полковник вообще барабанил в дверь кулаком; брандмейстеры помельче стучали тише и не так настойчиво; а остальные, видимо из прапорщиков и рядовых, тихо и даже виновато скреблись. Но жест и выражение лица у одних, других и третьих были одинаковыми. На лице большой вопросительный знак, в соединении с уважением ко мне, а жест – сжатый кулак с двумя крайними оттопыренными

пальцами. И, представляете, все эти надежды и чаяния вмиг сменялись жесточайшим разочарованием! Такое трудно вынести даже пожарным. Хорошо, что совещание их к этому времени уже заканчивалось, а не начиналось...

Все же наступило утро седьмого июня. Я уже давно не видел настоящего солнечного утра, потому что живу в Москве, да еще прямо на Садовом кольце, то есть в таком месте, где, несмотря на солнце, сразу и не поймешь – утро это или уже вечер. А здесь! Тишина, свежесть, простор, птицы щебечут...

Однако любоваться этими красотами было некогда. Надо спешить на завтрак, и мы с Режиссером, спустившись на второй этаж и пройдя длинным коридором, подошли к огромной столовой, где могли одновременно разместиться... даже не знаю сколько человек. На двери, перед входом, две надписи, одна из которых строго запрещает вход в столовую *«посторонним лицам»*, а другая так же строго запрещает *«вынос из столовой посуды и столовых приборов»*. Обратил я внимание и на висящий в золоченой раме План эвакуации – неперенный атрибут всякого серьезного учреждения. Такие планы висят и в коридорах, и даже в каждом номере, указывая стрелками куда эвакуироваться, случись какое-нибудь несчастье. Здесь же, в фойе, выставлено различное пожарное оборудование, самая современная техника пожаротушения, включая скафандры, как у космонавтов.

К пожарным в Торжке отношение особое. За свою историю этот небольшой город выгорал полностью девять раз. А не полностью – и не сосчитаешь. Поэтому здесь одна из старейших и опытейших пожарных команд в России да еще и завод «Пожтехника». Где, как не в Торжке, проводить подобные мероприятия! Однако к пушкинским праздникам, если не считать ночных визитов ко мне, совещание брандмейстеров никакого отношения не имело.

Итак, в столовой почти все столы были заняты участниками совещания, которые мирно завтракали, готовясь к своим профессиональным делам. На специальных тележках им подвозили

тарелки с едой. Колеса этих тележек хотя и скрипели, однако, все же не так, как на аналогичных тележках в самолетах «Аэрофлота». Но если в самолетах этот скрип соперничает с шумом реактивных двигателей, то в столовой санатория «Митино» он сведен на нет несмолкаемым гвалтом посудомоек, разносчиц, поваров и прочего обслуживающего персонала, которые находятся где-то в глубине столовой и постоянно между собой бранятся. Так что скрип тележки способен уловить только очень утонченный или, как у меня, придирчивый слух.

Гостей пушкинского праздника разместили за отдельными двумя столами. А нас с Режиссером, по моей просьбе, за еще более отдельным, находящимся где-то за кухней, да еще за большим шкафом. Обслуживали, точнее, развозили еду румяные, дородные женщины, которые при этом вели себя так же очень шумно, перекрикиваясь через весь зал. Еда вроде простая, но для завтрака ее было уж очень много. Вот меню завтрака седьмого июня:

1-е блюдо:

1. Ветчина с овощами;
2. Шницель мясной жареный с гречей;
3. Шницель мясной паровой с вермишелью;
4. Яйца всмятку.

Слово «всмятку» в меню было зачеркнуто карандашом. Видимо, яйца «всмятку» в это утро не получились.

2-е блюдо:

1. Пудинг из творога со сметаной;
2. Шницель капустный со сметаной;
3. Рулет с изюмом;
4. Каша рисовая молочная;
5. Чай, сахар, масло.

Меню предлагалось накануне, и каждый должен был карандашом отметить, какое именно из предложенных блюд он

предпочитает. Против каждого блюда указывалось количество калорий, а на обратной стороне меню подробно рассказывалось о значении витаминов. Например, витамин Д – антирахитический, регулирует солевой обмен; витамин В-2 необходим для процесса регенерации; витамин РР предохраняет от пеллагры... и так далее. Еще важно было отметить карандашом в меню номер своего стула (именно стула, а не стола!), чтобы добросовестные разносчицы пищи не перепутали блюда и не принесли вам заказ соседа. Сами блюда были такие, что даже половину, и даже четверть их, съесть было невозможно. А еще давались очень пышные ватрушки с творогом, а кто не хотел ватрушек, тому предлагались такие же пышные сладкие булочки. После двух-трех кусочков ветчины и утреннего парового шницеля, с вермишелью или гречей, такая булочка со стаканом сметаны – в самый раз!

И не надо ёрничать. Для нашего человека, купившего дорогостоящую путевку в санаторий на двадцать четыре дня, такие завтраки очень кстати. Он и подкрепится, и наберет вес, и отдохнет за эти дни, кроме того, в санатории его подлечат, а там, на целый год, опять тяжелая работа, серые однообразные будни, житейские проблемы, и далеко не каждый завтрак будет вот таким обильным...

Вообще, если уж мы заговорили о еде, надо сказать несколько слов о котлете. Не о конкретной котлете из меню санатория «Митино», а о нашей русской Котлете. О ней до сих пор мало сказано и еще меньше подумано, совершенно несопоставимо с действительным статусом и значением котлеты для жизни нашего «некоторого царства некоторого государства». Ведь если о дорогах наших и наших же дураках написаны многие томы, то о котлете отечественными мыслителями не сказано почти ничего. И, действительно, чего им о котлетах думать, говорить, тем более писать? Их надо с аппетитом уплетать, и все тут. А между тем котлеты наши – достояние национальное и явление сугубо отечественное. Можно объездить весь мир и не найти даже крохотной холодной котлетки, столь любимой и знакомой всем жителям нашей страны. Я

думаю, у нас не в почете стейки и прочие куски мяса (хотя и от них мы при случае не отказываемся) от нашей природной гуманности и сочувствия ко всякой живой твари. Как ни крути, а кусок мяса – это неотъемлемая часть животного, и не какого-нибудь, а своего, домашнего, почти родного – коровы или свиньи. Котлета же, как правило, имеет отношение к этим невинным животным чисто символическое и со всеми добавками является продуктом скорее вегетарианским, нежели мясным. Оттого наша сердобольная душа не очень тяготится при поедании котлет и перед Богом чувствует себя менее виновной, чем душа какого-нибудь англичанина или француза, жующего *roast-beef окровавленный*. И вообще, котлеты – это нечто органически для нас приемлемое, нечто свое, родное, вроде картошки или хлеба. Только картошку и хлеб едят и кроме нас, а вот чтобы кто-то еще ел котлеты, да в таком количестве, – мне не известно... А сколько рецептов приготовления котлет! Пригласите пять наших российских хозяек и спросите, как они готовят котлеты. Тотчас узнаете пять совершенно разных рецептов. Спросите у десяти – получите десять рецептов, поинтересуетесь у сотни – узнаете сто разных способов приготовления котлет, и так бесконечно, потому что столько, сколько есть у нас хозяек, ровно столько и способов приготовления котлет... А сколько разновидностей у котлеты! Так сказать, «псевдонимов»: это и шницели, и биточки, и бифштексы, и тефтели, и всякие прочие «ёжики», которые сопровождают нас по жизни и не выводятся ни из меню домашнего, ни из меню общепитовского... А как их оттуда убрать? Чем заменить? Ведь котлеты устраивают не только тех, кто их поглощает. Тут не остаются внакладе ни повара, ни снабженцы, ни прочие близкие к общепиту работники. Да и в наших домашних условиях, когда над хозяйкой, словно дамоклов меч, витает вопрос «*Чем накормить?*», – котлета, иной раз, спасительный выход из многих затруднительных ситуаций. А ну, попробуй сделать стейк из килограмма нашего магазинного мяса да еще потом накорми этим килограммом человек пять-шесть! А так, его можно прокрутить через мясорубку, добавить чесноку, лука, перца, соли, пару яиц, затем сунуть туда побольше раз-

мягченного белого хлеба, а дальше все это обваливается в муке, и уже не видно ни прожилок, ни сала, ни прочего, чего, может, и есть-то нельзя. И пока всего этого не видно, приходит черед сковороды, и уже слышен ни с чем не сравнимый звук шкворчания, а еще через мгновение разносятся по квартире и подъезду запахи жареного. Соседи завидуют, а если бы еще знали, что будет к котлетам роскошный гарнир: макароны, картофельное пюре или хотя бы та же греча с жареным луком... Чем не пир! Кто хоть раз возражал против котлет? Есть ли такие у нас? Я их не знаю. И что еще для нашего человека важно – котлеты, как правило, остаются! Их можно хранить много дней, и ничего с ними не случится. Согласитесь, иной раз достанешь из холодильника такую котлету, к ней соленый огурчик или квашеную капустку, да еще ко всему этому ледяной водочки... А еще можно такую котлету брать с собой куда угодно: на работу, в поход, в дальнюю дорогу... Иностранцы хватаются за голову: «Там ведь жир! В холодном виде это опасно для желудка! Вредно для здоровья!» ...Ничего не понимают эти иностранцы. Какой еще жир, какой желудок и какое здоровье, если котлета – то небольшое, от чего нам хорошо? А если хорошо, то и полезно. Или не так?.. Нет, даром и Александр Сергеевич своему закадычному другу Соболевскому советовал:

*На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке...*

Слышите?! Наш национальный поэт настаивал – «именно котлет»! А Пушкин знал толк и в котлетах. На то он и Пушкин!..

Итак, из всего меню мы с Режиссером съели лишь шницеля да еще поковырялись в творожном пудинге, извлекая из него горы изюма.

– Чего не едите? – строго спросила нас подошедшая разносчица.

Режиссер тихо сказал, что в такое время вообще не ест, а я признался, что пытаюсь похудеть.

– Где ж там худеть? И так одна кожа да кости, – громко и сочувственно произнесла добрая русская женщина.

Из жалости к нам или, может, из уважения к гостям пушкинского праздника, она принесла нам свежезаваренный чай с лимоном. (Для всех чай здесь заваривается в больших чанах, разливается затем в чайники, которые и подают: один на два или три стола.) Но, как это бывает со щедрой русской душой, кружки лимона, положенные или, скорее, засунутые в наши стаканы, были такими толстыми, что пить чай было просто невозможно. Мы, конечно, не подали виду, а Режиссер сразу вспомнил, что Пушкин не любил чай.

– Терпеть не мог, когда у него просили на чай, а не на водку. А когда ему приятель однажды сказал, что обычай пить чай благодетелен для нравственности и этому надо бы радоваться, Пушкин неожиданно сказал, что пить чай не русский обычай.

– С чего это он, как вы думаете? – спросил я.

– Кто его знает? Может, ему однажды лимона переложили.

Еще немного посидев за столом, мы, поблагодарив персонал, удалились.

Через несколько минут мы с моим другом расстались. Он будет отдыхать по своей собственной программе, в то время как у меня, помимо участия в празднике, запланированы несколько встреч в разных частях города.

Пока же я, вместе с другими гостями, ждал, когда нас отвезут на Троицкие гуляния. Так было договорено накануне, хотя «гуляния» эти в пяти минутах ходьбы.

Прогуливаясь по территории санатория, я обратил внимание на то, как жители Митина шли на открытие праздника. Путь их проходил по узкой тропинке, мимо железного забора, которым окружен санаторий. Я, не напрягаясь, мог слышать их разговоры: поскольку люди шли вдоль забора цепочкой, им приходилось говорить довольно громко, чтобы собеседнику было слышно.

Странно, но почти все они обсуждали одно и то же. Как вы думаете, что?.. Вот этот самый забор и обсуждали.

Оказывается, его недавно покрасили, видимо, к началу совещания пожарных, и это обстоятельство не могло остаться незамеченным окрестными жителями. У нас ведь если что замечено, значит тут же и обсуждается.

– Иностранцы умные люди! – громко и с укором обращалась полноватая женщина к идущим впереди двум мужчинам, один из которых был, несомненно, ее мужем. – Вот приехали, и сразу им забор покрасили, а мы – дураки! Ничего не можем, порядка не любим, сколько времени забор стоял, ржавел, хоть бы что...

– При чем здесь «умные иностранцы»? Просто взяли и покрасили, – возразил, не оглядываясь, муж, явно почувствовав при слове «дураки» камень в свой огород.

– А ты на меня не ори!.. Так просто у нас ничего не покрасят... Вон автобусы стоят... Иностранцы приехали! А они, иностранцы, умные люди, у себя все наладили. Это не мы, дураки! – с еще большей убежденностью ворчала женщина.

Так они, продолжая спор, спускались вниз, к мосту через Тверцу, и уж о чем они говорили там – неизвестно. А следом шла еще одна семья, и вновь жена высказывала претензии мужу:

– Надо же, а все говорят, краски у них нет. Пришла в управление, говорю: «Налейте баночку!» Сказали: «Нет краски». А на забор нашли! Вот ворьё!

– Какое «ворьё»?! Покрасили – и слава Богу! – успокаивал муж.

– Ворьё-ворьё! Кругом одно ворьё! – не унималась жена.

– Я тебе в понедельник принесу такой краски сколько угодно...

– Тоже, значит, где-нибудь своруешь!..

Но тут было замечено, что я прислушиваюсь к чужому разговору, парочка замолчала, а я направился обратно, в сторону санатория. Навстречу попался милиционер, этот санаторий охранявший. Он попросил у меня сигарету, а я не удержался от рассказа о только что услышанном. Милиционер не удивился, но сказал, что все они, еще неделю назад, возмущались как раз

обратному: что, мол, начальство забор никак не покрасит, и оттого он ржавеет и пропадает...

Пока жители Торжка, Митина, Прутни и других окрестных сел и деревень съезжаются и сходятся на праздник, пока гармонисты расчехляют гармони, а тверские девушки наряжаются в яркие одежды, пока народные умельцы вытаскивают из коробов сувениры и поделки и до открытия «гуляний» еще остается некоторое время, я предлагаю вам редкий исторический материал или, иначе, документ эпохи, знакомство с которым, уверен, будет не лишним для более полного представления о значимости пушкинских праздников вообще и в героическую эпоху в частности. А познакомлю я вас с несколькими страницами из дневника, который некогда вел один аккуратный и добросовестный научный сотрудник Тверского Областного Архива при НКВД.

Николай Венедиктович Журавлев вел дневник на протяжении нескольких лет, а затем, видимо, сдал его в архив. Спустя десятилетия дневник обнаружила одна пытливая парижанка – Вероника Гаррós, которую волнуют те наши проблемы, кои нас самих почему-то беспокоят все меньше: ГУЛаг, Большой террор, Сибирь, сталинизм и вообще советская неизвестная история... Так вот, этот Журавлев, судя по дневнику, был большим любителем литературы. В 1936 году он в составе делегации Тверской области в такие же июньские дни побывал на пушкинском празднике в Михайловском, Тригорском, Пушкинских Горах и оставил свои простецкие, ненавязчивые записи, с которыми самое время познакомиться.

Итак, выдержки из дневника Журавлева:

«5/VI – 36 г. Едем... Салон-вагон председателя Калининского облисполкома тов. В.Ф.Иванова (вагон N10) обставлен в подлинном смысле слова комфортабельно. Нас 17 человек. Мы делегаты г.Калинина, Торжка и Старицы на 1-ю областную пушкинскую конференцию. При размещении всем мест в купе не хватило. Нас четыре человека: я, зав.детской библиотекой Макаров, доцент

Педагогического Института Ковач и литературный сотрудник отдела культуры и быта тов. Н.И.Попов, разместились в самом салоне.

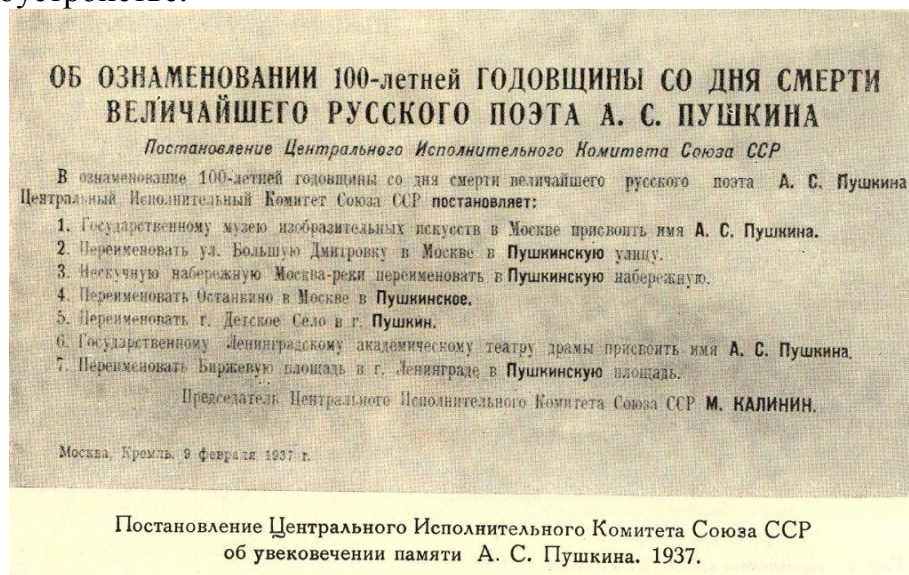
Большие зеркальные окна с плотными занавесками, множество электрических лампочек, мягкая мебель, телефоны, письменные столы – такова обстановка этого вагона. Право, немногие квартиры могут дать такие удобства, как этот на вид почти обычный вагон. В Калинин нас прицепили в хвост состава. Из заднего окна открывается прекрасная панорама на убегające вдаль рельсы, обрамленные зеленым бархатом лесов. Стройные ряды телеграфных столбов и живописные озера, которыми особенно богата местность от Вышнего Волочка до Старой Руссы, – мелькают перед нашим взором... Итак, едем к Пушкинским местам. На станцию Тригорская должны были прибыть в 6 часов утра 6-го июня.

Пушкинский юбилей 1937 г. Ленинград. Демонстрация трудящихся в день юбилея Пушкина.
Фотография. 1937.

6/VI – 36 г. Прекрасное солнечное утро. Наш вагон, отцепленный от товарного поезда, стоит на запасном пути на станции Тригорская. Все спят. Один из товарищей, тов. Попов, проснулся, но и он еще не собирается вставать и нежится на своем диване.

Дорога оставила великолепные воспоминания. Я, конечно, говорю не о качке, не о скорости передвижения. Хотя ни на то, ни на другое пожаловаться нельзя. Я имею в виду местность, по которой колесил наш поезд, преимущественно после станции Бологое. Валдайская возвышенность, озера, полноводные красавицы реки, стройные хвойные леса, живописно раскинувшиеся деревушки, холмы, поля – все это было бесподобно. На станции Дно мы пытались ознакомиться с достопримечательностями этой исторической станции, где был задержан последний поезд Ник. II Кровавого, но стоянка оказалась незначительной... Но мы успели выйти на виадук и оттуда окинули “с высоты птичьего полета” станционный поселок. Он утопал в зелени. Зеленъ придает особую прелесть этой местности. Ночью, во время стоянки, мы предполагали осмотреть старинный Псков. Но нашим предположениям осуществиться не удалось. На станции Псков мы стояли не больше часа. Поужинали на вокзале, а затем прошли по площади, прилегающей к вокзалу. Сравнивали Псков с городом Калининым. Судя по железнодорожной станции, Псков далеко отстал от нашего областного центра в благоустройстве.

В вагоне провели совещание 5-ти. Участники: т.т.Голосовский, Б.Полевой, Н.И.Попов – от “Пролетарской Правды”, т.Вершинский А.Н. – профессор пединститута и я, как краевед. Вершинский вкратце рассказал о Пушкинских местах, я кое-что добавил. Снабдил

тов.Голосовского книгами, захваченными мною по этому предмету в дорогу, и своими выписками о Пушкине, Салтыкове, Достоевском и других.

Вид, открывающийся из наших окон, очень недурен. По одну сторону холмы, леса, поселки. Виднеется небольшое озеро. По другую сторону полотна также видна деревушка, залегшая по пологому скату холма.

Станция не блещет великолепием. Нам сказали, что в скором времени здесь будет построен прекрасный вокзал. Пока же станционное здание напоминает сарай... Очевидно, вскоре проснутся все. Тогда двинемся вместе в Михайловское и посмотрим все Пушкинские достопримечательности...

В Большом театре на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина, 10 февраля 1937 года. Слева направо: В. М. Молотов, И. Е. Сталин, С. М. Буденный, А. А. Андреев, А. И. Микоян.

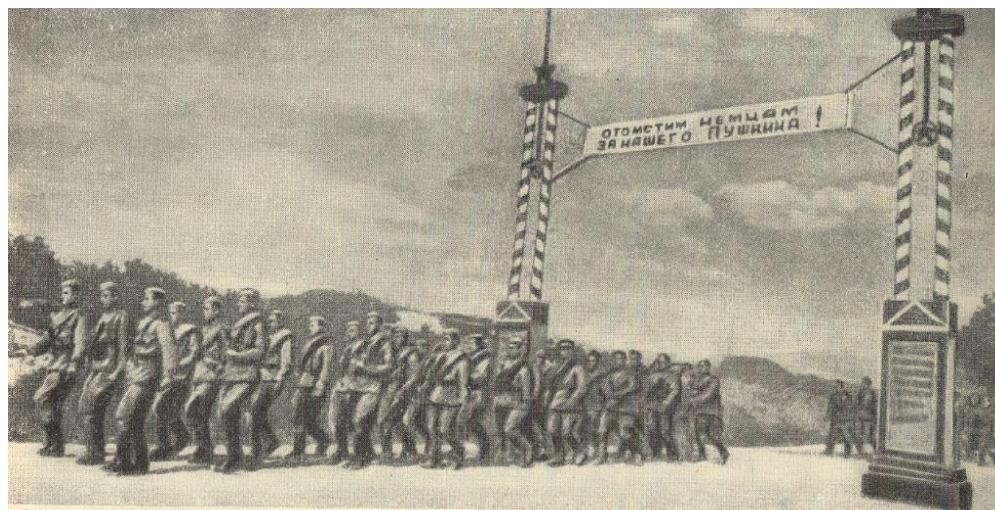
Фотография 1937.

7/VI – 36 г. Утром проснулся раньше всех. Мы на обратном пути в Калинин. Едем по старой дороге. За окном снова разворачивается и стремительно пробегает панорама лесов, полей, холмов и рек, раскинувшихся от станции Тригорская до ст.Псков.

Спешу описать впечатления о вчерашнем дне. Он был так богат переживаниями, так переполнен прекрасным, что для его подробного

описания у меня не хватило бы ни возможности, ни сил. Нужен подлинный художник слова, чтобы описать изумительный народный праздник в честь гениального поэта, которым мы имели счастье любоваться и в котором участвовали сами вчера.

На станцию Тригорская мы прибыли ранним утром. Наш вагон поставили на запасный путь. Отсюда, вдоволь выспавшись и побывав на соседнем озере, что за льнозаводом, мы на автомашинах по четыре человека в каждой отправились в районный центр – Пушкинские Горы. На автомобиле мы были доставлены в Тригорское (в столовую). Здесь царил большое оживление. Множество колхозников, приехавших на праздник, пришли сюда выпить стакан чаю. Одна за другой сюда же прибывают делегации. Наша, Великолукская, Себежская и проч. Столовая явно не справляется, да и не может справиться с таким наплывом людей. Обычная в таких случаях суeta и беготня и бестолочь отмечает работу обслуживающего персонала.

Вступление Советской Армии в Пушкинские горы, освобожденные от немецко-фашистских захватчиков 15 июля 1944 г.

Фотография. 1944.

Приезд секретаря райкома тов. Богова помогает нам быстро получить завтрак и в сопровождении специального проводника (комсомолки-зоотехника) из Пушкинских Гор мы по лесным тропинкам пешком отправились в Михайловское.

Нет возможности описать эту небольшую прогулку. На каждом шагу мы восхищались открывающимся видом. Жадно расспрашиваем, где какие села. Издали любимся Тригорским парком, который так любил Пушкин, всматриваемся в погост Вороницы, с которым связана история непревзойденной драмы Пушкина “Борис Годунов”. По пути любимся крестьянскими строениями в деревне Бугрово, среди которых множество изб сохранили старинный облик.

Солдаты Советской Армии за чтением произведений Пушкина.
Фотография.

Но вот, минув два леса, мы вступаем на территорию заповедника. Это граница Пушкинских владений. Какой прекрасный сосновый лес! Он незаметно сливается со старым барским парком и мы движемся по знаменитой сосновой аллее (еловой аллее), которая существовала и в Пушкинские дни. По бокам вдоль аллеи развешены портреты лучших ударников. Здесь галерея знатных колхозников — стахановцев района.

В Михайловском осмотрели музей. Домик, где он размещен, позднейшей постройки. Экскурсия получилась и была интересной, хотя ничего нового из объяснений руководителя о Пушкине мне почерпнуть не удалось. После осмотрели единственно сохранившийся

от пушкинских времен домик няни Арины Родионовны, осматривали фундамент старого, сгоревшего дома Пушкиных. От этого дома сохранился только фундамент.

Москва. Торжественное юбилейное заседание Всесоюзного пушкинского комитета, посвященное 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в помещении Государственного академического Большого театра 6 июня 1949 г.

Доклад о Пушкине заместителя генерального секретаря Союза советских писателей Константина Симонова. Фотография. 1949.

Полюбовавшись видами с горы на реку Сороть и озера Кучане и Маленец, мы спустились вниз, где уже начались торжества. Множество людей... По официальным данным на праздник явилось 13,5 тысяч человек, однако, на самом деле пришло, по-видимому, больше: не менее 25 или 30 тысяч. Большие деревянные разукрашенные трибуны и эстрады собрали вокруг себя тысячи гостей. Перед открытием митинга мимо трибуны во весь опор скачут одна за другою, гремя бубенцами, колхозные тройки, разукрашенные зеленью, разноцветными лентами и цветами. На них проезжают лучшие ударники района, имена которых опубликованы в районной газете “Пушкинский Колхозник”.

11 июня. Продолжаю прерванную запись о Пушкинских днях.

Стоял жаркий летний день. Солнышко на поляне припекало так сильно, что мы, не занимая места около трибуны, разместились под деревом на склоне холма. Около нас радиорупор. Мы думаем здесь со всеми удобствами прослушать митинг.

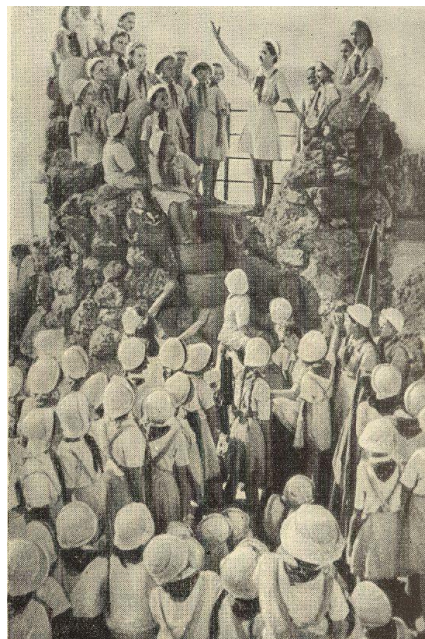
Пушкинский юбилей 1949 г. Выступление Н. С. Тихонова при торжественном возложении венка на могилу А. С. Пушкина от Союза советских писателей.
Фотография. 1949.

Митинг еще не начался. Делегаты еще собираются. Над толпой появился аэроплан. Он разбрасывает праздничные листовки. Зрелище прекрасное. Листки, подхваченные ветром, серебряным потоком спускаются на землю, где их расхватывают ребята и разносят, раздавая присутствующим. Не довольствуясь этим, летчики решили "пленить своим искусством свет". Началось с мертвых петель. Затем машина снизилась, летает низко и вот-вот зацепит за верхушки деревьев. На этой высоте летчики сделали штопор. Машина быстро летела вниз. Вот она почти касается поверхности озера Кучане. Летчик включил мотор. Аэроплан рванулся вверх, но зацепился колесами шасси за воду, пропеллер ударяет по воде, море брызг.

Аэроплан делает "капот", перевортывается через носовую часть и падает в озеро вверх колесами. Толпа ахнула... Все ринулись к озеру. Быстро летят лодки, раздеваются люди и спешат к месту падения машины. "Летчики спасены!" – проносится по рядам толпы. "Машина цела!" ...Вскоре начинается митинг. Выступает секретарь Пушкинского Райкома ВКП(б) т.Беспрозванный, редактор "Пролетарской Правды" т.Голосовский, секретарь Великолукского Окружкома ВКП(б) т.Енов, представители Академии наук, колхозники и артист Шварц с декламацией Пушкинских стихотворений. После митинга парадом прошли Осоавиахимовцы. На трех эстрадах выступали ленинградские артисты и колхозники. Участники карнавала, ряженные в костюмы героев Пушкинских произведений, под гармошку водили на эстраде хоровод.

Мы направились снова в Михайловское. На крылечке домика няни любовались группой ряженных учениц средней школы, которые изображали Татьяну, Ольгу и няню из "Евгения Онегина", Марию из "Полтавы" и пр. Хотели пойти в Тригорское, но часть делегатов, тяжелая на подъем, воспротивилась. Вместо этого нам дали руководителя – научного сотрудника М.М.Колоушина, рассказ которого о Пушкинских местах был чрезвычайно интересен. Вот пруды, которые были и во времена поэта. А вот знаменитая липовая аллея. Здесь произошло известное свидание А.С.Пушкина с А.П.Керн, запечатленное в прекрасном стихотворении: "Я помню чудное мгновенье...".

М.М.Колоушин рассказывает нам о Тригорском, о скамье Онегина, и вместе с его рассказом Пушкинский заповедник дает ключ к пониманию многих стихотворений Пушкина.

Пионеры Артека на Пушкинской скале
в Гурзуфе читают Пушкина.
Фотография. 1949.

Осмотрев заповедник, возвращаемся в Пушкинские Горы. Побывали в Святогорском монастыре. Здесь, около ворот, Пушкин слушал песни и рассказы слепцов, здесь на ярмарках он смотрел хороводы, записывал народные песни.

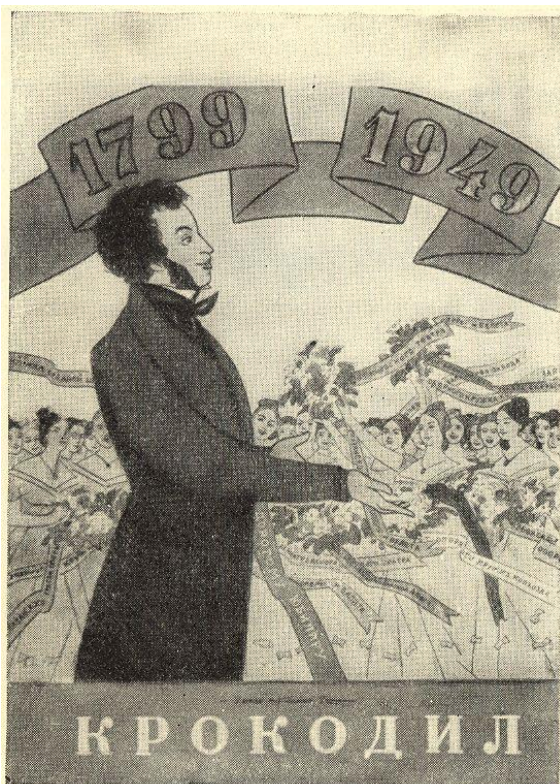
Памятник невзрачный. По этому памятнику можно судить, как ценило царское правительство поэта, которого оно затравило и толкнуло под дуло револьвера Дантеса.

Дети слушают произведения Пушкина.
Фотография. 1949.

Вечером была 1-я областная Пушкинская конференция. От нас выступали гг. Вершинский, Старицкий и Новоторжские делегаты. Я воздержался. Причина – нежелание сказать о Новгородских архивах, т.к. это только помешало бы нам сосредоточить архивы области в своих хранилищах. Ночью вернулись в вагон. Долго спорили о прогулке в Тригорское и, наконец, решили не ходить. На заре поезд тронулся в обратный путь...»

В заключение в записях о поездке Журавлев приводит содержание памятной листовки, которую разбрасывали над толпой бедовые летчики:

„Ужель та самая Татьяна“.

Рисунок В. Горяева на обложке юбилейного номера журнала „Крокодил“. 1949.

«Товарищи работницы и рабочие, колхозники и колхозницы, и все трудящиеся Пушкинского района!

В 1935 году вождь и учитель трудового народа тов. Сталин сказал: "Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее" и это каждый трудящийся нашей страны чувствует повседневно.

Под руководством партии Ленина-Сталина неизмеримо выросла культура в нашей стране и если Пушкин мечтал, чтобы его произведения попали в гущу народных масс:

*Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,*

*И назовет меня всяк сущий в
ней язык,*

*И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикой*

*Тунгуз, и друг степей
калмык...*

И если бессмертные произведения создателя русского литературного языка до Октябрьской революции были недоступны широким народным массам, то теперь едва-ли найдешь человека, не знающего основных произведений Александра Сергеевича Пушкина. Рост культуры в нашей стране, а это значит и рост агротехнических знаний, доведенных до широких колхозных масс, значительно повышает урожай наших полей, значительно увеличивает продукцию и доходы колхозников.

Товарищи! В нашем районе проделана первая часть большой работы за культуру, за агротехнику. Поля с большими видами на урожай говорят об этом. Дальнейшая борьба за урожай является для нас насущной необходимостью.

Наш Пушкинский район не может ограничиться знанием только основных произведений Пушкина, мы должны бороться за то, чтобы каждый колхозник и каждая колхозница знали все, что создано Пушкиным и советской художественной литературой.

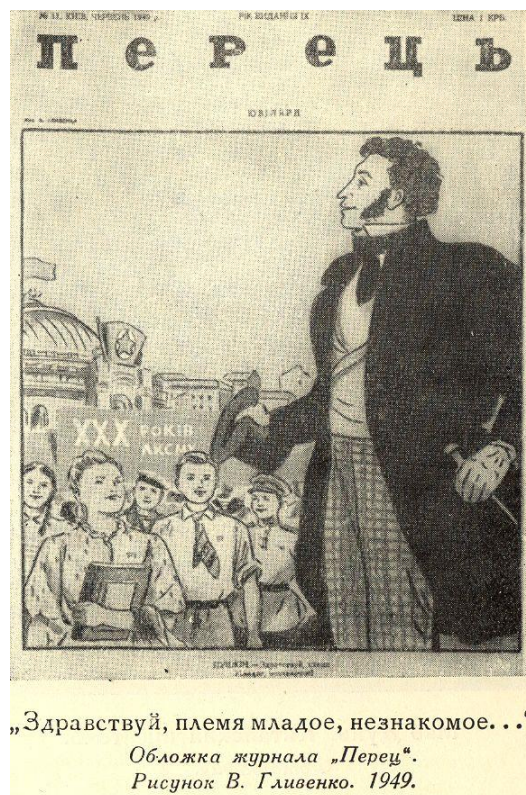
Большевистская партия ведет всех к культуре, борется за то, чтобы каждый трудящийся был зажиточным и культурным.

Спасибо товарищу Сталину за радостную, зажиточную, культурную жизнь!

Да здравствует великая Советская литература!

Да здравствует колхозный – стахановский труд!

Да здравствует партия Ленина-Сталина – организатор наших побед!

Районный комитет ВКП(б)»

Вот как было у нас с агрокультурой, просто с культурой, с литературой и с самим А.С.Пушкиным. И ведь не так чтобы уж очень давно...

Теперь мы с еще большим удовольствием вернемся в Торжок, в деревню Василёво, на живописный берег Тверцы...

Глава III

Троицкие гуляния

Этот древний праздник, как сообщают краеведы, приурочен к одному из самых ответственных периодов народного земледельческого календаря – седьмой неделе после Пасхи. Неделю эту наши предки называли по-разному: «семиковой», «русальной», «зеленой». Молодежь в течение этой недели устраивала гуляния, игры и хороводы вокруг березки в лесу, на берегу реки или в деревне. Праздник ждали весь год и тщательно к нему готовились.

*Как у нас в году
три праздника,
Первый праздник
Семик честной,
Другой праздник
Троицын день,
А третий праздник
Купальница.*

В наши дни к этому празднику тоже готовятся тщательно, а местная пресса широко освещает это событие, рассказывая своим читателям об истории и традициях Троицких гуляний. Вот что написала Людмила Концедайло в «Тверской Жизни» от 10 июня 1997 года:

«Троица – завершающий день семицких гуляний. На Троицу ходили в церковь с букетами полевых цветов. Эти цветы потом засушивают и хранят за иконами для разных надобностей: их кладут под свежее сено, чтобы не водились мыши, в норы на грядки от землероек и на чердак – от комаров. В церкви пол усыпается травой,

ее всякий при выходе от обедни старается захватить из-под ног, чтобы примешать к селу, вскипятить с водой и пить как целебную.

Разнаряженную березу срубали, обносили вокруг деревни, потом втыкали на улице и начинали водить вокруг нее хороводы. Напоследок девушки отправлялись на мосты пускать по воде венки, свитые в Семик. Роняя венок в реку, смотрели: чей венок легко поплывет, той и замуж вскоре выходить.

В Троицын день девушки спрашивали у кукушки, когда она кукует, долго ли им быть в доме отца. Сколько раз прокукует, столько лет и ждать им замужества».

Выглядело это примерно так. Сначала звучала лирическая русская песня, например вот эта:

*Время милому жениться, время ехать со двора...
Ой-ли, ой, лю-ли, время ехать со двора.
Мы пешочком не пойдем да лучшие троечку наймём...
Ой-ли, ой, лю-ли, лучшие троечку наймём.
Милый свататься поехал по богатым по местам...
Ой-ли, ой, лю-ли, по богатым по местам.
Сани лаковы изъездил, шубу лисью износил...
Ой-ли, ой, лю-ли, шубу лисью износил.
Шубу лисью износил да что желал, не получил...
Ой-ли, ой, лю-ли, что желал – не получил.
Что же, миленький, тебе, да нету счастьяца нигде?
Ой-ли, ой, лю-ли, нету счастьяца нигде?
Не за Волгой, не у нас, да везде милому отказ...
Ой-ли, ой, лю-ли, да везде милому отказ.*

Сразу же после исполнения песни появлялись девушки в старинных нарядах, в венках, с травой и ветками, посыпали этой травой пришедших на праздник зрителей, раздавали им ветки, после чего подходили к березке и внимательно ее осматривали.

Петр. *Чего это там они делают?*
Фёдор. *Чего-чего? Замуж хотят. Осматривают на березе свои венки, завитые еще на Семик. Гадают по ним.*
Иван. *Как это?*
Фёдор. *Если венок завял или расплелся, то это плохо. Может, что никто и не возьмет замуж.*
Пётр. *Ничего себе! А еще на чем девки гадают на Троицу?*
Фёдор. *На кукушке!*
Иван. *На настоящей кукушке?*
Фёдор. *Не на дятле же им гадать? Надолбит – замучаешься ждать.*

Мужики притворились в деревья.
Девушки выходят на авансцену.

Маша. *Кукушка-кукушка, сколько лет еще мне быть в доме отца?*
Иван. *Ку-ку-ку-ку-ку!*
Маша. *Целых пять лет...*
Дуня. *А мне, кукушка, сколько лет быть в доме отца?*
Петр. *Ку-ку!*
Дуня. *Два года?*
Петр. *(Разводит руками.) Ку-ку! Два раза "ку-ку", значит два года.*
Ксюша. *А мне, кукушка?*
Фёдор. *И тебе – ку-ку!*
Нюра. *А мне, кукушка, сколько лет жить в отцовском доме?*
Степа. *Ку...*
Нюра. *Почему так ма...*
Голоса. *Нюрка! Беги домой! Там тебя сватать приехали!*
Нюра. *Ой, мама-мамочка! Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! Я боюсь!*
Девицы. *Чего ты боишься?*
Нюра. *А? Я боюсь, что, пока добегу, жениха след простынет!*

Видите, какие страсти бушевали на Троицу! Вот откуда пошла и песня народная – «...некому березу заломати, люли-люли заломати». Бедные деревца за тысячи лет столько претерпели...

Но не только кукушки кукуют в эти дни на деревьях вокруг Торжка. Оказывается, в понедельник, с утра, сразу же после Троицы,

когда у народа нашего еще болит голова и надо бы идти на работу, русалки местные, подстрекаемые лешим, выходят из воды, каким-то образом заползают на деревья, сгоняя оттуда кукушек, дятлов и прочих безобидных птиц, наглым образом раскачиваются на ветках, при этом бесстыдно виляя своими влажными чешуйчатыми хвостами. Кроме того, как сообщают местные краеведы и историки, эти русалки издают какие-то особые звуки, похожие на вздохи и стоны, заманивая таким образом наивных мужичков-новоторов в свои объятия, чтобы затем их защекотать. И, между прочим, в предместьях Торжка нет-нет да и найдут отбившегося от дома мужчину, защекотанного русалками...

Замечу, что эти русалки в последнее время облюбовали проходящую неподалеку трассу Москва – Санкт-Петербург. Они выходят обычно к вечеру, и уже не только по понедельникам, и не висят, как когда-то, на деревьях, а в основном стоят вдоль дороги, парами или даже небольшими стайками, выдавая себя за девиц легкого поведения. Хвосты свои они умело маскируют под девичьи ноги, и им это без особого труда удается, потому что проезжающей шоферне, особенно вечно спешащим дальнобойщикам, ноги их не особенно нужны...

Вернемся, однако, к нашему празднику.

Поскольку Тверской край неразрывно связан с именем А.С.Пушкина, то Троицкие гуляния стали частью Недели литературы и искусства, посвященной 198-й годовщине со дня рождения Александра Сергеевича. Два народных праздника соединились, и уже несколько лет в Торжке их отмечают вместе. Проходят Троицкие гуляния на берегу Тверцы у деревни Василёво на территории Музея деревянного зодчества. Описывать природу этих мест мы не станем, потому что она и без нас воспета в прозе, стихах и живописи, а вот о Музее деревянного зодчества рассказать стоит.

Такие музеи под открытым небом стали возникать на территории бывшего СССР в конце 70-х годов. Причины этого всплеска любви к своим корням отыскать сейчас, наверное,

невозможно. Скорее всего, кому-то из высокого начальства, возможно выходцу из деревни, пришла в голову идея сохранить таким образом наше уходящее наследие. В данном случае – деревянные постройки. Ну а как еще их сохранить, если не свезти в какое-то одно место, огородить забором и назвать музеем или заповедником? Не так ли спасали зубров или других исчезающих животных? Собрали вместе, создали условия, и животные живут себе, благополучно размножаясь. Почему бы так не поступить с домами?

Так появились музеи в Псковской и Новгородской областях, в Костроме, в республиках Прибалтики. Подчиняясь предписанной свыше моде, стали создавать такой музей и в Торжке. В 1981 году было подобрано место – вот этот самый берег Тверцы у деревни Василёво. Надо сказать, что место очень удачное, потому что здесь, на территории бывшей усадьбы помещиков Львовых, берег

представляет собой своеобразные террасы, будто специально созданные для размещения на них музейных экспонатов.

Тогда же, в 1981 году, сюда привезли первые постройки, и с тех пор музей находится в «стадии создания». На самом же деле он всюду разрушается. Дерево гниет, крыши текут, водяная мельница уже сгорела, новую стали строить – недостроили. Музеем особо никто не занимается, денег на благоустройство и поддержание нет и не предвидится. Новые экспонаты сюда уже давно не везут, потому что опыт показал: привезенные памятники архитектуры, оказывается, погибают в подобных музеях быстрее, чем если бы они охранялись на своем прежнем месте. К тому же перевозили и ремонтировали их все-таки наши, советские, строители, которые нарушили все технологии по работе со старой древесиной: плохо рубили, неправильно крыли, по-дурацки располагали... Подумаешь, музей! Кроме того, всякий дом требует хозяина. В нем обязательно должны жить люди.

А иначе строение будет бесхозным и безжизненным, в полной зависимости от какого-нибудь рокового случая, который позволит или не позволит ему устоять. Одним словом, постройки это все-таки не животные: сами собой не размножаются, пищу себе не добывают и

от людей спастись бегством не могут. Про то, что сожгли мельницу, мы уже говорили, а буквально накануне праздника газета «Новоторжский вестник» сообщила о разорении одного из экспонатов музея – трактира XIX века.

«На днях в одну уникальную постройку (в трактир) ворвались воры. Похищенные из трактира вещи оценены в 2,5 миллиона рублей. По факту возбуждено уголовное дело. Но пока, как говорят, суд да дело, и праздник нагрянет, а трактир в разоре. Да-а... Похоже, воры себя же и обокрали. Хотя они вряд ли будут участниками праздника».

Этот трактир был перевезен из деревни Булясово Рамешковского района, где благополучно простоял вплоть до начала 80-х годов, когда охранители старины перевезли его сюда в Василёво.

Кроме трактира в музее представлена русская изба-пятистенник конца XIX в., в которой когда-то жила большая семья. Нельзя сказать, что изба эта ухожена, скорее наоборот: вся она какая-то косая, кривая, серая, а поскольку стоит посреди леса – то еще и

одинокая. Хотя, как мне сказали, там живут сейчас беженцы. Вокруг избы находятся хозяйственные постройки, которые обязательно окружали такое крестьянское жилище. Где-то должен находиться скот, где-то надо хранить зерно и прочее, что обеспечивало бы жизнь семьи. Так, рядом с избой построена житница, со специальным подмостком и обязательно с навесом, чтобы привезенный в мешках или рогожных кулях хлеб не намок при разгрузке, если случится дождь. Кроме житницы рядом с избой стоит амбар, и здесь же – колодец, судя по всему, декоративный, потому что, заглянув туда, воду не увидишь.

Выше крестьянского подворья находится деревянная церковь Знамения. Доставили ее сюда из села Пылево, Весьегонского района, в 1981 году и уже на месте отреставрировали. Специальная табличка сообщает, что эта церковь, клетского типа, была построена в 1742 году, хотя в книге Я.В.Малкова «Древнерусское деревянное зодчество», выпущенной в 1997 году Издательским домом «Муравей» (Москва), указывается, что церковь эта построена ровно на сто лет раньше – в 1642 году. Кто здесь прав – не знаю. Известно только, что в церкви Знамения есть уникальная

особенность: она имеет своеобразный шатровый потолок из восьми граней сложной формы и, наверное, поэтому подлежит охране как всенародное достояние.

Что значит: *клетского типа*?

Строили сначала четырехугольную клеть – крытый сруб с полами, потолками, дверями и окнами, а потом к ней пристраивали приделы. Клетские церкви и часовни строились на Руси без малого тысячу лет.

Другой шедевр деревянного зодчества – Церковь Спаса на Сози. (В церковной летописи: «Церковь Преображения на погосте Спасском, что на реке Созь».) Возведена церковь в 1728-1732 гг. Она гораздо больше церкви Знамения, у нее высокое одномаршевое висячее крыльцо и тоже очень редкое устройство потолка – «неба». Вид такого устройства назывался «кораблем». Церковь стоит на возвышенном месте, перед нею площадь, на которой обычно происходят праздничные представления. Главки и барабаны у церквей

и стоящих неподалеку небольших деревянных часовен покрыты осиновым лемехом – небольшими дощечками фигурной формы. Осина со временем серебрится, и создается впечатление, будто главки покрыты серебряными чешуйками.

Клетские часовни во множестве ставились в маленьких удаленных деревнях и селах, иногда в расположенных возле них священных рощах. Священник в часовне был не положен, поэтому службы по праздникам чаще всего отправляли сами крестьяне, они же и крестили, и отпевали. Строили часовни по своему разумению и вкусу. Главное отличие от клетской церкви – отсутствие алтаря. Но

зато в состав часовен чаще входят шатровые звонницы, венчающие притворы трапезных.

Что будет дальше с этими священными экспонатами — неизвестно. Хотели перенести сюда же и знаменитую деревянную церковь Вознесения (еще ее называют Тихвинской), которая находится в Торжке на берегу Тверцы, но затем решили оставить на своем историческом месте, и, судя по всему, сделали правильно.

Еще один экспонат — рига. Так называли большой сарай для сушки снопов хлеба с местом для обмолота. Обычно рига ставилась на задворках, здесь же она почти в центре площади, напротив еще одного ценного экспоната — пожарного депо. Как мне сообщили, это обстоятельство вызывает недоумение у тех посетителей музея, которые знакомы с традиционным русским бытом.

В больших русских селах пожарное депо было обязательно. Обычно в нем были три створчатых въезда, в которых могли находиться три пары запряженных лошадей, пожарная бочка и прочие противопожарные инструменты и приспособления. Профессиональных пожарных на селе не было. Ими становились

крестьяне, каждый из которых хорошо знал, что и как ему делать, случись пожар. Чуть что, кто-то бежит и запрягает пожарную тройку с бочкой, кто-то тащит багор, кто-то ведра. Представленное в музее пожарное депо было построено в 1912 году в деревне Лаптиха Бежецкого района и перевезено в Василёво в 1984 году. Это единственное пожарное депо, сохранившееся в Тверской области, и надо отметить, что из всех экспонатов музея депо выглядит наиболее свежо и естественно.

Один из самых ценных экспонатов – ветряная мельница. Она, правда, стоит здесь без ветряка, но догадаться, что это все-таки мельница, а не баня, можно.

Представлен здесь и большой двухэтажный амбар XIX в. Его привезли из села Сутоки Рамешковского района. А последний экспонат, доставленный сюда в 1989 году, – Часовня Успения XIX в. из деревни Фендераево, Вышневолоцкого района.

Усадебный комплекс в Василёве благоустраивался по проекту замечательного русского архитектора Николая Александровича Львова, который находился в отдаленном родстве с владельцами

усадьбы. Этот архитектор любил использовать в своих парковых постройках валуны, которые находили на местных полях. Здесь, в Василёве, Львов построил из таких валунов необыкновенной красоты арочный мост, который народ окрестный называл «чертовым». Кому-то показалось, что к этому мосту приковывали цепями провинившихся крепостных и даже пытали их каленым железом, а под мостом, в полумраке, якобы устраивали над народом еще более страшные экзекуции.

В действительности никто никого ни к чему не приковывал, тем более не пытал, и во времена Пушкина, когда здесь жили Львовы, репутация у моста была самая что ни есть добрая и «чертовым» его не называли: под мостом тогда находился один из трех каскадных прудов, а в вольерах плавали лебеди да еще мирные гуси и утки.

Вот что пишет об усадьбе Львовых В.Ф.Кашкова в своей книге «Пушкинский путеводитель»:

«Архитектурный ансамбль Василево-Митино был один из грандиозных в уезде. Он был "каменной симфонией" Н.А.Львова, по образному выражению современников. Возведенный на естественных террасах, искусно подправленных опытной рукой мастера, ансамбль стал своеобразной визитной карточкой Торжка для всех, кто ехал или плыл со стороны Петербурга».

Вот на каком месте расположен Музей деревянного зодчества, вот где будут проходить Троицкие гуляния!..

Завершив экскурсию, я встретился с научным сотрудником этого музея Мариной Рябковец, располагающей к себе ясной речью и грустными, уставшими глазами.

— Главное — недостаток финансирования, — с ходу говорит Марина. — А нет денег — нет и квалифицированных кадров!.. Кроме меня в музее есть только директор и кассир. Вот наступят холода, нужны дрова, исправные печи, здания нужно ремонтировать и просто поддерживать в них жизнь. Кроме того, надо охранять постройки от вредных посетителей. Да и добираться сюда каждый день из Торжка и обратно домой тоже

непросто. Транспорта у музея нет, а о личной машине при зарплате в 350 тысяч рублей в месяц даже мечтать не приходится: хватило бы денег на рейсовый автобус.

Я спросил у Марины о будущем музея.

– Трудно сказать, но если так будет продолжаться, то будущее за разрухой. Сейчас у нас два здания в аварийном состоянии; валунный мост – то же самое; ветряная и водяная мельницы разрушаются; наш шедевр – Спас на Сози – тоже в плохом состоянии... Может, в Твери или в Москве какие-то разговоры о спасении культуры идут, но мы здесь «внизу» об этом ничего не знаем и на своем уровне сдвигов не видим. В избе у нас живут переселенцы, и они как-то за нею следят, да еще за последней оставшейся лошадыю. А в целом все грустно, – заключает Марина, все же улыбаясь...

Пройдет очередной праздник, закроется веселая и шумная ярмарка, отгуляют новоторы и гости, разойдутся по домам, разъедутся по деревням и селам, вернуться к своим делам, коих непочатый край, и останутся в одиночестве старинные деревянные постройки – безмолвные свидетели разных эпох и судеб. Даже не

свидетели, а участники. Вырванные из своих родных мест и свезенные сюда для платного обзора, они обречены на постепенное умирание, потому что чье-то «благое начинание» уготовило им роль странного декора на фоне живой природы. В трактире должны варить, жарить, кормить; в церкви – служить молебен; в амбаре – хранить зерно; пожарное депо должно быть готовым к тушению пожара, а мельницы – ветряные и водяные – молотить зерно... Без всего этого постройки оказываются мертвыми. Их не способны оживить ни экскурсии, ни реконструкции. Дом должен жить изнутри. Причем той жизнью, которая была изначально в него заложена: сперва строителями, а потом и поколениями его жителей.

Сумеют ли в Торжке, в котором и без того проблем множество, найти силы и средства, чтобы оживить свой уникальный музей? Смогут ли найти некую сложную формулу, которая бы соединила уходящее с настоящим? Иначе музей превратится в унылое и заброшенное кладбище. Причем кладбище именно для того, что так хотелось бы сохранить...

Но... сейчас мы с вами на празднике! Вокруг деревянных построек множество народу, слышится детский смех, громкий веселый говор, играет гармонь, звучит песня, и потому всё грустное – прочь...

Вход на Троицкие гуляния был платным, что справедливо. Все-таки задействованы различные городские службы, для которых организация праздника – работа. Тем не менее кто очень хотел, мог попасть на территорию музея и просто так. С гостей праздника, которых встречали у входа принаряженные в яркие народные одежды новоторки, требовали исполнения какого-нибудь номера, например песни или стиха или просто шутки. Особо важным гостям преподносили традиционные хлеб да соль: только что испеченный золотистого цвета каравай. Наконец-то и я, впервые в своей жизни, удостоился такого внимания...

До этого я наблюдал подобное чествование лишь с экрана телевизора. Вспомните, как какой-нибудь важный гость сходит по

трапу самолета, или выходит из поезда на перрон, или высаживается из лимузина, а его уже встречают красавицы в народных костюмах и с поклоном преподносят каравай. И эти высокие гости вели себя как-то неловко, почему-то терялись, нервничали... Сначала осматривали каравай, потом, неуклюже наклонившись, откусывали от него или отщипывали кусочек своими неприспособленными для этого дела руками и клали в свой начальничий рот. А иные, особенно высокомерные, не делали даже и этого: просто брали у красавиц каравай и передавали своим помощникам или охране, считая для себя невозможным прилюдно жевать. И каравай, только что бывший в фокусе всеобщего внимания и находившийся в эпицентре события, в одно мгновение уходил даже не на задний план, но вообще переставал для всех существовать. А между тем мне интересна судьба этого недоеденного каравая: что с ним происходит, после того как символический акт гостеприимства уже совершен? Куда его девают после торжественной церемонии? Может, высокий гость затем спохватывается, мол, куда дели каравай? Или, может, охрана съедает его тут же за углом?

В отличие от официозных и казенных, каравай в Василёве предусмотрительно разрезали на кусочки, так что ни отщипывать, ни тем более откусывать его не пришлось, равно как и размышлять о том, что с ним случилось после церемонии: весь каравай был вскоре съеден.

Сразу же у входа в музей начиналась ярмарка. На ней были представлены изделия декоративно-прикладного искусства, и я уже было направился к первому лотку с какими-то яркими и необычными игрушками, но тут мое внимание было отвлечено появлением необычного существа – искусственной лошади.

Этот забавный номер всегда пользуется успехом, и, наверное, многие хотя бы раз в жизни его видели. Не знаю точно, как это делается, но, кажется, сначала создается муляж лошади – с гривой, конской мордой, хвостом, уздечками и шорами, – а затем все это надевается на двух артистов, которые, как могут, имитируют это

умное парнокопытное животное, добавляя в его поведение немного человеческой дури.

Но здесь модель лошади была до предела упрощена. Обыкновенную мешковину натянули на двух самодеятельных артистов и там, где должна находиться голова, – пришили еще один мешок, в нем прорезали дырки для глаз и сделали некое подобие рукава, который при богатом воображении можно принять за вытянутую лошадиную морду. «Рукав» этот не был жестко приспособлен и потому свисал вниз, больше напоминая короткий толстый хобот, нежели морду лошади. Ни гривы, ни ушей, ни ноздрей у этого существа не было, так что где-нибудь в Африке оно вполне сошло бы за слона, а в Австралии – за кенгуру. Здесь же, в исконно русском крае, все прекрасно понимали: это лошадь.

– А может, не лошадь? – спросил я у сопровождавших меня организаторов праздника.

– А что же это, по-вашему? – ответили мне вопросом.

На гриву, ноздри и прочие конские детали, сказали мне, нужны большие средства, а поскольку денег выделено не было, то и лошадь оказалась соответствующей. Как говорится, чем богаты...

Артистов, как мне показалось, в эти мешки на время праздника попросту зашили, чтобы они уже никуда не делись. Видимо, для большей красоты к туловищу описываемой лошади были пришиты красные, синие и зеленые лоскуты, так что настоящие кони, если бы увидели – шарахнулись. Но то кони, а народу нашему, особенно детям, именно такое и нравилось. Лошадь все время норовили покормить, просовывая в условную пасть конфеты, булочки, печенье, а один гость праздника пытался засунуть в рукав целый шашлык, и, когда кто-то из детей сказал с укором, что лошади не едят мяса, из пасти послышалось глуховатое: «Едят-едят!»

Нетрудно догадаться, что кормили и поили лишь первую половину условного животного, следовательно, того артиста, который был спереди. Второму, видимо, не доставалось ничего, а поменяться местами они не могли ни по техническим причинам, ни из-за большой разницы в росте: в этом случае выделялась бы не голова, а задняя часть лошади. Наверное, поэтому к концу праздника эта наугощавшаяся половина едва волочила ноги, в то время как задняя часть животного была в полном порядке. От этого лошадь уже больше походила на айболитовского Тянитолкая...

Теперь, отвлекаясь от этой диковинной лошади, я расскажу о тех изделиях декоративно-прикладного искусства, которые были выставлены на обозрение. Не обо всех, конечно, но лишь о тех, которые успел увидеть.

Что такое наша русская ярмарка вообще, я точно не знаю. Наверное, это большой базар, только не совсем обычный, в чем-то праздничный, с бесшабашными гуляниями, песнями, хороводами; не только продажа и покупка навезенного отовсюду товара, но и своеобразный выход энергии для неизбалованного весельем трудового народа. Ярмарка – это наш российский карнавал. Здесь, в Василёве, ее масштаб был не ахти каким. Просто стояли у своего лотка продавцы, демонстрируя товар, который произвели своими

руками. Нечто среднее между выставкой и магазином. Смотри, любуйся, но если хочешь и есть деньги, то можешь купить.

Что же мы здесь видим?

Вот принаряженные девушки показывают всевозможные тканые изделия – вышивку крестом и филейную гладь: полотенца, скатерти, накидки на подушки, салфетки, покрывала, занавески, лоскутные одеяла. Все это демонстрируют девушки-мастерицы из Твери, из акционерного общества «Лучинушка», – Оля Ковалева и Клава Смирнова. Рядом работы членов акционерного общества «Оберег» при школе-интернате номер два. Возглавляет это общество Константин Анатольевич Котовский. Он на празднике, со своими работами. Старица представлена Центром русской культуры. Изделия показывали и продавали вышивальщицы Лидия Михайловна Карасева и Тамара Козакова. Кроме работ вышивальщиц, были представлены мягкая игрушка, плетение из бересты, расписные разделочные доски и матрешки...

...Здесь эти матрешки были настоящими, в виде полноватых крестьянских девок, а не засунутых друг в друга горбачевых, ельциных, сталиных, лениных или брежневых, какими торгуют на Арбате или в других столичных местах, привлекая иностранцев. Из них, кстати, только матрешка-брежнев действительно похожа на прототипа, потому что именно в том месте, где обычно идет расширение шеи у матрешки, шло расширение и у Леонида Ильича. Так совпало! У других же советских деятелей такого сходства с матрешками нет: ни своими головами, ни туловищами, ни прочими частями тела они под наши матрешки не подходят, и потому выглядят эти деревопродукты просто уродливо. Но все равно их делают, а иностранцы – покупают...

Далее мое внимание привлек прилавок с куклами. Изготавливает их торжокская мастерица Эмма Александровна Васильева. Шьет им костюмы, рисует лица, делает парики и прочее. Она сама и ее продукция в Торжке хорошо известны. В местном Доме культуры есть даже выставка ее «кукольных портретов» – политиков и деятелей культуры, – но только персоны эти не

общероссийского, а районного масштаба. Говорят, что никто Эмму Александровну делать куклы не учил, она сама каким-то образом всему научилась. Вообще, на ярмарке куклы были самые разные: сказочные персонажи, клоуны, звери... Особенно привлекают полуметровые Баба-Яга с длинным крючковатым носом и такого же размера ее извечный товарищ по темному ремеслу – Кощей Бессмертный. Действительное назначение этих кукол и мягких игрушек мне неизвестно, хотя промысел не новый, идущий из глубины веков. Видимо, такие куклы и игрушки нужны и не только для детской забавы.

...Сейчас, в связи с проникновением к нам западной кино- и телепродукции, в наши дома ворвались чуждые нам монстры и чудовища, всевозможные киборги, терминаторы, вурдалаки и еще неведь что. Кричат, визжат, брызгают слюной, бряцают клыками и челюстями! А жаль. Ведь у нас самих много чего есть достойного, не менее страшного и прожорливого. Те же Баба-Яга и Кощей Бессмертный. Еще неизвестно, как бы повел себя

хвалённый заморский Терминатор, увидав летающую в ступе бабушку с крючковатым носом, пытливым взглядом и увесистым помелом... А ведь есть еще у нас Змей Горыныч о трех головах, затаившийся в листве Соловей-разбойник, есть Леший, ведьмы разные, чудища поганые и еще многое прочее, что незаслуженно забыто и высокомерно оттеснено на задний план. Пусть страшные, ничего, что поганые и злые, но зато свои, родные, домашние...

На нескольких лотках расположились всевозможные деревянные поделки: разного размера черпаки, братины – большие чаши, куда наливали брагу или пиво, пускали по кругу, поочередно пили и тем самым братались; небольшие ковши, из которых тоже угощали гостей, кроме того – подносы, ложки, половники...

– А что это такое? – спрашиваю у девушек, представляющих товар.

– Это черпаки, – отвечают мне.

– А что же ими черпать?

– Как что? Вы купите – и сразу найдёте что черпать, – отвечают, улыбаясь, девушки.

– Так ведь нечего черпать, – говорю я, разглядывая небольшой черпачок, который мне чем-то понравился. – Купить просто так, для декоративного оформления интерьера, – нехорошо. Вещь должна использоваться по назначению. Вот Лувр в Париже – огромное здание, а не декоративное: французы нашли ему применение.

Черпачок же этот вроде бы совсем крохотный, а куда его?

Тем временем вокруг нас уже собралось несколько человек.

– Ну что значит «нечего черпать»? Не может такого быть, чтобы в хозяйстве ничего не надо было черпать, – сказал какой-то мужчина.

– Знаю, – отвечаю я, – но вот ломаю голову, напрягаюсь изо всех сил и никак не могу представить: что в нашей жизни можно черпать? Если надо, скажем, из кастрюли налить суп, то пользуемся

половником; дальше для супа нужна ложка, а потом, для второго, уже вилка или просто руками... Но чтобы черпать?.. Просто нечего черпать, – отчаялся я, но черпак из рук не выпускаю.

– Да зачем выяснять? – сказала принимавшая участие в обсуждении проблемы женщина. – Лувр какой-то выдумал... Вот зануда!.. Купите, поставьте дома и пусть стоит, вещь-то вон какая красивая! С ручкой, резьба уникальная, это же произведение искусства!

Купил я все-таки этот черпак. Ведь, действительно, иной раз хочется чего-нибудь зачерпнуть – и нечем. Так теперь хоть будет чем...

Из деревянных игрушек я обратил внимание на небольшую скульптурную композицию, изображающую начальную сцену одной известной драмы: стоит, виновато потупя очи и облокотившись двумя руками на посох, чтобы не свалиться, несчастный старик; перед ним разбитое корыто, а по другую сторону этого корыта – старуха, в непреклонной позе, засунув обе руки в рукава и скрестив их на своем старушечьем животе, да с такой страшной и недовольной рожей, что не

приведи Господь!

*Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось.*

Уж не знаю, с кого умелец вытесывал эту старуху, но, видимо, где-то в глухих тверских лесах или на болотах обитают такого рода особи. Так ведь надо их найти, уговорить позировать, как-то объяснить, зачем все это нужно... А вот золотой рыбки в этой сценке

нет. Но, может, это вовсе и не начало драмы? Может, как раз наоборот, это финал и уже вся эта история заканчивается? Что толку гадать, итог-то один – разбитое корыто...

Скульптурную композицию я покупать не стал, но вот деревянную игрушку, которая живо напомнила мне детство и которую я уже, наверное, лет тридцать не держал в руках, купил не задумываясь. Что же это за игрушка?

Это небольшой кружок фанеры, расписанный узорами: ромашками с зелеными лепестками на красном фоне. На дощечке стоят четыре деревянные курочки и один петух с поднятым кверху большим хвостом. Птицы, как и сама дощечка, тоже разрисованы в ромашку. Так вот, туловища этих куриц (и, соответственно, петуха) жестко прикреплены к фанерному кружку, но их головы и вытянутые шеи – свободно болтаются на тоненьком

штырьке. К каждой из этих куриных шей прикреплена отдельная нитка, которая затем пропускается вниз через небольшое отверстие. Там нитки соединяются и к ним прикрепляется груз в виде деревянного шарика. И когда всё это вращаешь, то куры (и, соответственно, петух) ударяют по фанерке головами, словно молоточками, изображая клевание зерен. Интенсивность клевания зависит напрямую от скорости вращения кружка. Игрушка почему-то называется «Куры авторские»... Признаюсь, иногда, втайне от всех, я не спеша вращаю эту игрушку: куры клюют зерно и постукиванием успокаивают нервную систему, расшатанную суматошной Москвой. По такому же принципу устроены еще несколько деревянных

игрушек, главный персонаж которых – медведь: он и по наковальне стучит молотом, и руки моет под умывальником, и даже работает на компьютере. Но мне больше понравились именно клюющие курочки...

Среди деревянных игрушек я заметил также Емелю-дурака, нарумяненного и почему-то с очень тонкой талией. В одной руке этот Емеля держал ведро, а в другой – только что пойманную щуку. Бедная щука была выгнута дугой, больше напоминая небольшое коромысло. Был здесь и воин-богатырь, за доспехами которого было невозможно разглядеть, есть ли у него руки, и очень интересная игрушка Леший.

Этот Леший представлял собою обыкновенный лесной пенёк, поросший мхом и грибами-поганками, и из пенёка торчала смешная, болтающаяся на пружине голова, как и пенек, обросшая мхом. Кроме головы, из этого пенёка выглядывали большущие лешачьи руки с ногтями, выкрашенными в зеленый цвет. На голове у Лешего как-то отстраненно сидела маленькая птичка, тоже почему-то зеленая, но не попугай. Вроде очень смешно и забавно. Но это здесь, среди бела

дня, на ярмарке, где много народу и даже есть милиция. А попадись такое ночью, где-нибудь в лесу или на болоте, – вмиг зайкой станешь.

Еще я купил две маленькие расписные глиняные игрушки: петушка и коровку. Петушок этот классический, гордый, стройный, с поднятой кверху головой, сразу видно, что делал этого петушка опытный мастер. А вот коровка попалась странная. Она, во-первых, меньше петушка; во-вторых, взгляд у этой коровки какой-то удивленный, а на голове, между рогами, кудрявый красный чубчик, а в носу – большое синее кольцо; кроме того, у коровки почему-то всего две ноги, а вместо туловища идет к хвосту простое сужение организма, как это устроено у тюленей или моржей, и все заканчивается маленькой дырочкой, в которую нужно дуть, потому что коровка, как мне подсказали, это еще и свистулька. И петушок, оказывается, тоже! Любопытно, но коровка, несмотря на то что

меньше петушка, издает, как и положено корове, звук низкий, а петушок пищит довольно высоко...

Была там еще такая же глиняная игрушка-козел, с большими желтыми растопыренными рогами и с коричневой в белый горошек бородой, но козла я почему-то покупать не стал и теперь очень

жалею: была бы у меня еще и свистулька-козел...

Несколько слов об этих самых свистульках надо обязательно сказать. Если кто-то считает, что их придумали для пустой забавы, лишь для того, чтобы люди свистели от нечего делать, то он глубоко

ошибается. Древние славяне с помощью таких свистулек прогоняли нечистую силу перед пахотой. Выходили в апреле толпой в чисто поле и давай свистеть что есть мочи. Шум вокруг Торжка поднимался невообразимый, зато злые духи пугались и уходили туда, где не свистели. Но там, где не свистели, народ наш древний дико кричал; а где не кричал – топал ногами, трещал трещотками и хлопал хлопушками, – словом, отовсюду старался злых духов прогнать подальше. Вот и оставались для несчастных Лешего, Бабы-Яги и их гонимых друзей лишь непроходимые лесные чащи да болота. А поживи-ка на болоте месяц-другой среди лягушек, головастика, водорослей вонючих и прочей гадости – ещё и не таким злым станешь. Кроме того что народ в эти свистульки свистел, он еще их закапывал под пороги своих изб. Опять-таки чтобы в дом не проникла нечистая. Поэтому археологи часто находят свистки именно под порогами древних строений. Мне говорили, что и сейчас иной новоторжец не прочь подложить под свой порог какого-нибудь свистящего козла или петуха. Выглядели эти глиняные свистки очень просто. Они не разукрашивались, что лишний раз доказывает их сугубо деловое предназначение. Игрушками свистульки никогда не считались, как не считается игрушкой и свисток постового или футбольного судьи.

Прошли столетия, и урожай стал зависеть не от свиста, а от плана. Свистки забылись, и они уже мало кого интересовали, но нашлась женщина (опять тверская женщина!), которая увидела в таких вот свистульках нечто большее, чем средство спасения от нечистой. Оказывается, стоит только всех этих козулек, петушков, лошадок и коровок разукрасить, как сразу же они превращаются в живые персонажи сказок, побасенок, преданий и могут явить собой иллюстрацию истории и культуры края. Нужно только суметь найти цвета, орнамент, сочетание красок; надо знать историю местности, традиции своей земли, любить и чувствовать природу, и не только местную; надо понимать характер народа, который живет в этих местах, чтобы уловить его черты... Словом, надо знать и уметь очень многое. Еще ко всему этому необходимо добавить трудолюбие и

усердие да еще робость перед Господом. Лишь тогда можно выразить в невзрачном кусочке глины сущность окружающего тебя мира. А чтобы этот необозримый мир созданное тобою не отверг, надо суметь маленькой фигуркой доказать свою любовь к нему. Не пустыми признаниями, но творчеством. Вот задачка!

...Галина Алексеевна Климовская – торжокский самородок, исследователь традиций, быта и искусства края, учитель, художник, поэт, скульптор, ученый-краевед. Родилась в Торжке в семье с богатой и славной историей. Она прямой потомок знаменитых торжокских фамилий – Пожарских и Шитаревых. Владение искусством поделок получила по наследству: изделиями из глины занимался дед. Свою первую фигурку Галина Алексеевна слепила еще до войны. В 1958 году её и таких же комсомольцев забросили в тайгу, где они расчищали площадку под строительство Братской ГЭС и города. Там же Климовская получила профессию лесоруба пятого разряда! В 1961 году возвратилась в Торжок.

Ее дочь Надежда вспоминает, что мама привезла из тайги множество впечатлений и сюжетов о медведях, о природе Сибири, о жизни строителей. У нее тогда были написаны стихи и рассказы, которые печатались в местной торжокской газете. До 1974 года Галина Алексеевна работала директором Торжокского дома пионеров. А лепкой серьезно начала заниматься в 1968 году. Как активную комсомолку, её убедили открыть мастерскую глиняной игрушки, и она выполнила партийное поручение, но уже через год ушла из мастерской в Педагогическое училище, где до самой пенсии преподавала изобразительное искусство. Днем Галина Алексеевна находилась в аудитории, а по ночам создавала сказочный мир глиняной игрушки. И достигла она в этом деле высокого мастерства и признания. Её игрушки видели на выставках в Москве, Ленинграде, Мурманске, Архангельске, Суздале и даже за рубежом: в 1994 году она полтора месяца провела во Франции, демонстрируя свое искусство. Г.А.Климовская окончила два института, участвовала во множестве научных экспедиций, увлекалась астрономией, археологией, историей и краеведением. У нее хранятся рукописи двух написанных книг: о золотном шитье и история Торжка. Кто хочет познакомиться со степенью профессионализма и компетентности Климовской, может прочесть ее статью о золотном шитье во втором номере журнала «Тверская старина» за 1995 год. Более серьезного и скрупулезного материала об этом промысле я не знаю. Представляю, какова её книга! Кроме того, Климовская была страстным туристом. Так, вдвоем с мужем они перешли Кавказский хребет! Она даже ходила в связке через ледники. А в море заплывала за горизонт. Летом её нельзя было застать в Торжке, потому что Галина Алексеевна путешествовала и жила в палатке. Любила она также и рыбалку. И не только летнюю... 20 декабря 1995 года, в стужу, она отправилась на очередную рыбалку, на озеро близ деревни Борисцево. В семь утра шла вдоль железнодорожного полотна, а навстречу двигался снегоочиститель. И каким-то образом этот снегоочиститель скребком зацепил Галину Алексеевну... Спустя

несколько часов она скончалась. Галина Алексеевна Климовская похоронена на кладбище в двухстах метрах от дома, в котором жила.

Несчастный случай – проклятый снегоочиститель...

Счастье для земляков, для нас всех – такое явление, как Галина Алексеевна, с её талантом, трудолюбием, подвижничеством и красотой. Вечная ей память!

Галина Алексеевна Климовская

Вернемся на Троицкие гуляния...

После знакомства с деревянными и глиняными игрушками я остановился у лотка с изделиями из бересты. Запомнились удивительно легкие воздушные берестяные шкатулки разных размеров с выдавленным узором и аккуратно прошитые лыком.

– Для чего эти шкатулки? – зачем-то спросил я.

– Чтобы туда что-нибудь положить и кому-нибудь подарить, – так же просто ответили мне.

Рядом со шкатулками – изящные кулоны с естественным природным рисунком, поэтому каждый такой кулон уникален. Эти изделия представлял на ярмарке Анатолий Романович Цалкин, с которым я успел поговорить.

Ему пятьдесят два года, по профессии технолог, а работает машинистом насосной станции. Берестяными поделками занимается в свободное время. К творчеству тяготел всегда. То рисунком занимался, то фотографией, но настало время, когда подобные занятия стали не по средствам: кисти и краски слишком дорогие, фотопринадлежности и того дороже. Иное дело береста. Пока еще вроде бесплатно. Да и особенного помещения не надо. Вся мастерская Анатолия Романовича – в одном из углов его небольшой двухкомнатной хрущевки, а весь инструмент – несколько ножей да просечки. Как видите, промысел не слишком затратный.

– Покупают ли эти изделия? – спрашиваю.

– Довольно слабо... Ярмарка – раз в год. Нужно выходить куда-то на рынок, где еще могут купить.

Анатолий Романович сдал немного своих изделий в Тверь: там при гостинице есть магазин. Кроме того, несколько месяцев назад отправил десяток изделий в торжокский музей. С тех пор об этих изделиях ни слуху ни духу: значит, не продали. Пробовал, кроме бересты, заниматься плетением из прутьев, но этот промысел занимает много места. Использовал в качестве мастерской гараж, но там холодно.

– Как же эти коробочки делаются? – спросил я Анатолия Романовича, разглядывая легкую круглую и почему-то очень теплую берестяную шкатулку.

– Вот эти коробочки прошиты липовым лыком. Сначала я шил берестой. Все очень просто, и вот эта-то простота и прельщает. В ней вся суть. Но простота – не примитивность.

Стоимость кулона пять тысяч рублей, а шкатулок – от десяти до двадцати пяти тысяч, в зависимости от размера. Так что больших доходов Анатолий Романович не имеет. Изделиями такими народ любит, но покупать не спешит. И вообще, пройдет ярмарка – где

найти этот товар? Только на квартире у Анатолия Романовича. Но где же искать эту квартиру? Приезжали, говорит, какие-то ребята из Москвы, набрали образцов, хотели наладить производство, чтобы торговать в столице, привозили для сравнения такие же изделия из Томска, где также есть берестяной промысел. Но затем уехали, и след их простыл.

Я купил две шкатулки, несколько кулонов и спросил, много ли таких мастеров?

– Нет, – ответил Анатолий Романович. – Знаю только Василия Васильевича Красноперова: вот кто действительно владеет старинным промыслом! А больше... не знаю никого.

Я поблагодарил Анатолия Романовича за рассказ, за его творчество, положил в сумку берестяные поделки и направился дальше. И тут мне встретился лоток со знаменитым торжокским золотным шитьем...

Что же это за чудо! Даже не знаю, есть ли у нас в России еще что-либо подобное, столь же безоговорочно прекрасное? Может, только природа наша да древнерусские храмы...

Проезжая через Торжок, Пушкин, который, конечно же, понимал ценность местного золотного промысла, купил вышитые золотом пояса и подарил их княгине Вяземской. И надо же! Княгиня кокетливо отругала Александра Сергеевича:

«Как можно так легко обращаться со своими прекрасными стихами и так сорить деньгами?»

Об этом промысле мы поговорим отдельно, не спеша, а пока я наблюдал, как совсем юные начинающие золотошвеи демонстрировали расшитые с использованием самых разных швов полотенца, салфетки, варежки и еще много чего, в том числе разноцветные бархатные шкатулки, также расшитые золотой и серебряной нитками; записные книжки с золотыми узорами на обложке и, конечно, женские украшения – серьги, броши, пояса...

Представляли этот товар ученицы Торжокского училища золотного шитья, милые и улыбчивые. Выслушав мои восторги, они пригласили меня в свое училище и музей, где, по их словам,

находятся подлинные шедевры этого древнего промысла. Мы договорились о встрече в училище во второй половине дня, и я, увлекаемый потоком нарядных гостей праздника, направился дальше.

...Здесь я должен рассказать о том, что произошло со мною в последующие несколько минут.

Неожиданно я был буквально выключен из окружающей меня действительности и перенесен в совершенно иную реальность. Виною тому обыкновенные частушки, и даже не частушки, а лишь один их куплет, который внезапно запела какая-то резвая исполнительница, да так громко, что и без того быстроходная Тверца метнулась в сторону Волги. В некоторых местах обнажилось дно с оглушенными рыбами и пятившимися в сторону Прутни раками. При этом народная исполнительница так размахивала руками, что было

страшно за гармониста. Как человек впечатлительный, я уже не мог нормально существовать, и люди с развитым воображением меня поймут. Частушка такая:

*У меня на чердаке
корова отелилась.
Я сама не знаю, как
она туда забила...*

Дальше шли другие куплеты, с характерными повизгиваниями и прикрикиваниями, но их я уже не слышал, да и судьба гармониста меня больше не волновала. В моем воображении отчетливо вырисовалась удивительная картина: вот обыкновенная деревенская изба с огромным чердаком; там, на чердаке, на корточках сидит измученная родами корова, которая, вместо радости от деторождения, виновато смотрит в глаза каждому, прося о помощи; рядом с коровой едва держится на ножках и шатается только что родившийся теленок, который не понимает, что происходит; вот хозяйка стоит ни жива ни мертва, только всплеснула руками да заохала; старик-хозяин мечется от сарая к избе и обратно в поисках какого-нибудь спасительного для ситуации решения... А вокруг уже собираются соседи и даже жители окрестных сел; все они что-то обсуждают, разводят руками, вздыхают, качают головами, некоторые крестятся; а вот уже кто-то несёт доски, чтобы соорудить хоть какое-то приспособление и снять с чердака корову и теленка; кто-то предлагает вызвать пожарную команду... При этом никто не смеется. Дело серьезное: корова в предродовых схватках каким-то образом забралась на чердак деревенской избы, там счастливо разродилась и зывала о помощи. Бедное животное, усевестившееся от содеянного, могло только мычать, потому что даже и шевелиться особенно было нельзя: изба в любой момент могла рухнуть под её тяжестью...

Вне всякого сомнения, в основе этих частушек лежит подлинный эпизод из сельской жизни Тверского края...

Были на празднике и другие забавные частушки, но запомнилась только еще одна, которую радостно пела старенькая бабушка,

одетая в народный костюм и окруженная перевозбужденной праздничной толпой:

*Свет погас – это не шутка.
Раз на ферме случай был,
Что впотьмах осеменатор
Аж быка осеменил.*

Уже мое воображение принялось рисовать и эту картину, но тут сопровождающие привели меня в чувство, и мы двинулись к тому месту, где проходил детский фольклорный праздник.

Выступление детских фольклорных коллективов из тверских городов, сел и деревень проходило на поляне возле церкви Спаса на Сози, и это была, несомненно, самая трогательная и искренняя часть праздника. Здесь просто нельзя было остаться равнодушным и безучастным. Посмотрите, какие названия у детских ансамблей!

«Жерелочки», «Веночек», «Колядки», «Петрушка», «Зернышко», «Журавушка», «Егорка», «Вечорки», «Колокольчик», «Распев», «Ладушки»... Произнесите эти названия вслух и услышите в них столько добра, тепла, гармонии...

Я бросился фотографировать разодетых в народные костюмы детей. Они меня тотчас окружили, завязался разговор... Оказалось, «окружили» меня «Колядки», детский фольклорный коллектив из Торжка. Детишки оказались веселыми, открытыми и разговорчивыми. Впечатление, что мы знакомы уже давно.

– Какие песни поете и что в них находите? – спрашиваю у «Колядок».

– Самые разные. Из разных областей России. Водим, например, северные хороводы, – отвечает Юля.

– Хороводы водите с мальчиками? Пускаете их?

– Пускаем. (Смех.)

– Многих?

– А вот они все: Вася, Толя, Дима и Саша. А больше никого не пускаем.

Я спросил Васю, где и кем работают его родители?

– Мама у меня была спортивным педагогом в спортшколе, а для души пела в хоре. Затем она женилась... *(Общий хохот!)*

– Вышла замуж, – поправил я Васю.

– Да, вышла замуж, и папа ей разрешил петь в хоре... Многих мужья не пускали. А мама вот уже двадцать лет поет.

– А папа кем работает?

– Он столяр.

– Какие песни нравятся больше всего?

Отвечает Оля, самая маленькая из «Колядок». Ей десять лет.

– Больше всего нравится «Гуляй, Настя!», нравятся веселые плясовые песни, еще хороводная «Девка по саду ходила», нравятся частушки «Дудится-вадудится вода» и «Под лесом»...

– А какие музыканты тебе нравятся?

– Люблю «На-На», – быстро отвечает Оля.

Оказывается, на каникулы «Колядки» ездили выступать на юг, в лагерь «Орленок», и туда приезжали эти самые «На-На», давали концерт и произвели на Олю большое впечатление.

– А еще я люблю «Иванушки-интернейшнл» и Филиппа Киркорова: он очень похож на Кота в сапогах, – призналась Оля под общий смех.

– Книжки читаете какие-нибудь?

На этот вопрос ответила опять Юля.

– Читаю Пушкина, Достоевского, Толстого, а из музыки слушаю Чайковского и Римского-Корсакова.

– Политикой интересуетесь? – спросил я девочек. – И вообще, как живется? Что беспокоит?

– Было бы побольше спонсоров, чтобы можно было ездить и выступать, – ответила одна из девочек.

– Сколько вам лет? – спросил я эту девочку.

– Мне четырнадцать!

– Скоро появятся у вас и спонсоры, – предрек я, под хохот остальных «колядок».

Среди детей я увидел темноволосую девочку с восточными чертами. Спросил: «Откуда?» Оказалось, живет здесь, прямо в Митине. Мама русская, а папа узбек. Жили в Фергане. Там родители преподавали в училище. Потом семья переехала под Торжок.

– Узбекский язык знаешь?

– Нет, к сожалению. Пою только по-русски.

– А по Фергане скучаешь?

– Немного, да. Там я ходила в бассейн, и у меня о нем самые лучшие воспоминания. А здесь такого бассейна нет.

Ничего странного в ответе девочки нет: в жаркой Фергане прохладный бассейн действительно бесценен и потому особенно памятен.

– Что удерживает в «Колядках»? – спросил я Аню, которая в ансамбле уже пять лет.

– Народные песни.

– Кто-то пел в семье?

– Дедушка.

– А кто вам песни подбирает?

Отвечает Наташа:

– Все песни подбирает Елена Алексеевна. Она нам вторая мама...

Елена Алексеевна Зуева – бессменный руководитель и создатель «Колядок». Закончила институт и приехала работать в Торжок. В 1992 пошла в торжокский Дом школьников и предложила создать детский ансамбль, ее поддержали, и она из третьих классов набрала группу – двадцать человек. Сегодня «Колядки» имеют областную славу, поскольку не только участвуют в различных конкурсах, но и побеждают в них. Муж у Елены Алексеевны – боксер. Мастер спорта, тренер. Тоже занимается с детьми.

– А не поет? – спросил я на всякий случай. – Синтез кулачного боя с народными песнями очень органичен и на русских праздниках был всегда уместен.

– К сожалению, не поет, – ответила, улыбаясь, Елена и уже серьезно продолжила: – Эта работа – вся моя жизнь. Не представляю себя на другом месте. У меня совсем недавно умерла бабушка. И в последние дни, когда она уже безнадежно болела, я старалась быть рядом, часто навещала и записывала с ее слов песни. Как же так? Я ходила по селам, деревням, искала песни, записывала их, а под боком жил близкий человек, и я ничего не знала...

Валентина Федоровна Кашкова говорит, что в каждом доме имеется свой архив. Но есть еще самое ценное – наши старшие близкие. Пока они рядом, нам кажется, что это навсегда. И хотя многое нам дают наши бабушки, дедушки, у кого есть – няни,

сколько же мы упускаем из-за своего невнимания к ним! А ведь стоит только приглядеться, прислушаться... Быть может, это единственная ниточка, связывающая нас с прошлым семьи, родительского дома, родного края, села, деревни...

Вспомним Александра Сергеевича и его няню Арину Родионовну Яковлеву. Кем она была для него, простая крепостная, получившая вольную в год рождения Пушкина и отказавшаяся от неё, чтобы нянчить маленького Сашу? Что скрывается за этой сухой фразой: «отказалась от вольной»? И когда узнаешь ответы на эти вопросы – задаешься новым вопросом: о роли этой скромной женщины в истории русской литературы.

Поразительно! Будто самим Богом она послана Александру Сергеевичу, да и нам всем. Ведь сюжеты сказок Пушкин взял из рассказов няни. Это она прививала ему любовь к народным песням, былинам, она рассказывала ему «предания старины глубокой», от нее он впервые услышал народные слова и выражения, повести и сказки

о разбойниках, привидениях, домовых, русалках. Арина Родионовна сумела передать, а Пушкин – уловить необычайно глубокий смысл и потаенную особенность русских народных сказок и преданий. В 1816 году он написал стихотворение «Сон»:

*...Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, –
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...*

Кучер Пушкина рассказывал, как, будучи в Михайловском, Александр Сергеевич утром просыпался и первым делом бежал к няне: «Здорова ли мама?» Так он ее называл. Говорил: «Не та мать, что родила, а та, что своим молоком вскормила».

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках...*

Няня Пушкина, крепостная русская женщина, вскормила и всю нашу русскую литературу. Есть в этом чуде и справедливость, и добрый смысл. Давайте же внимательнее присмотримся к тем, кто рядом, кто заботится и печалится о нас.

Будем запоминать, а лучше – записывать их рассказы, биографии, истории из жизни и быта, случаи, приключения, – кто знает, чем отзовутся они в нас спустя годы или даже десятилетия. Так мы сможем сохранять память, восстанавливать столь недостающую в России связь времен и уже не будем ощущать себя временщиками, без роду и племени. Ведь догадайся раньше Елена Алексеевна, с кем живет и кто рядом, сколько бы она смогла сберечь и передать своим воспитанникам, а поющие дети рассказали бы всем остальным!..

...Тем временем подошла очередь выступать «Колядкам», они сразу же стали серьезными, сосредоточенными, ведь здесь где-то стоят и ждут их выступления родители, бабушки, дедушки, друзья, и, конечно, им стало не до меня. Настоящие артисты!

Я отошел чуть в сторону.

Сменяя друг друга, дети пели, плясали, разыгрывали забавные сценки и старинные обряды. Оторваться от их лиц, особенно от их глаз, было невозможно... Я отснял всю оставшуюся фотопленку и ужасно жалел, что не взял с собой еще.

– Откуда же в ваших краях столько милых девочек? Вообще, почему новоторки такие красивые? – не выдержал и спросил я у организаторов этого масштабного гуляния, после того как у меня закончилась фотопленка.

Мне с гордостью объяснили, что, мол, это факт общеизвестный и вовсе не удивительный, а для того, чтобы у меня и совсем не возникло никаких сомнений, рассказали известную среди местных жителей легенду, которая, вообще-то, не легенда, а чистая правда.

Оказывается, некогда Екатерине Второй было преподнесено уникальное, невероятной красоты, платье, расшитое руками новоторжских золотошвеек. Нигде в целом свете больше не сыскать

таких мастериц, и, конечно же, царственная Екатерина пришла в неописуемый восторг от своего наряда. Говорят, императрица вертелась в этом платье перед зеркалами несколько часов, совсем позабыв про свои обязанности. Трудно поверить, но в жизни Екатерины это было единственное платье, в которое она нарядилась дважды! А я, зная причуды женщин, думаю, что в своих потайных будуарах она еще не раз надевала это платье и позировала в нем перед зеркалами, примеряя к нему свои самые дорогие украшения, в то время как придворная челядь, выглядывая из-за комодов и шкафов, шептала ей:

– Ой, как вам хорошо, матушка!

– Сама фишу, что «корошо»! – кокетливо отвечала Екатерина с немецким акцентом, не отрываясь от зеркал. Давно такого с нею не случилось...

И вот, восхищаясь новоторжским платьем, императрица якобы потребовала немедленно доставить к себе во дворец ту самую

девушку-мастерицу, своими руками вышивавшую необыкновенной красоты узоры, которые, казалось, даже и не вышиты, а отлиты из драгоценного металла: так плотно были прижаты друг к другу тончайшие золотые нити.

Слово императрицы – закон! Это сейчас дело бы утонуло в волоките, интригах и демократических процедурах, а тогда уже через пару дней во дворец привезли крестьянскую девушку и, проинструктировав, представили пред высочайшие очи Екатерины Великой... И Екатерина, взглянув на крестьянку, была поражена, сколь некрасивой оказалась девушка, и немало удивилась всевластная императрица разнице между девицей и сотворенным ею золотошвейным шедевром!..

О, видел бы кто в этот момент взгляд Екатерины! Как она повела своими царственными бровями, как сверкнула очами! Страх божий! И вот, поблагодарив и по-царски одарив крестьянскую

девушку, Екатерина будто бы повелела собрать со всей Империи двести самых красивых и статных крестьянок и направить их жить в Торжок, да не просто жить, а обучаться золотошвейному ремеслу, потому что, как рассуждала императрица, «красифые феши должно делать красифым людям»...

– Вот, – сказали мне организаторы праздника, – откуда новоторки такие красивые и милые.

Легенда забавная и, учитывая нравы наших российских самодержцев, правдоподобная. Могли, могли наши властители сотворить и такое. И все же я (скверный характер!) почему-то засомневался в реальности этого события и решил проверить, как же было (и было ли?) на самом деле.

Я обошел многие музеи и архивы, встречался с самыми искушенными специалистами и старожилами, подробно расспрашивал их, поднимал всевозможные исторические документы, записки, мемуары и наконец докопался до истины, о чем и спешу поведать всем, включая и самих новоторов, для которых мои открытия могут оказаться неожиданными.

Действительно, Екатерине Второй однажды подарили расшитое в Торжке платье, и это платье, действительно, было ею надето дважды, и, на самом деле, императрица, придя от него в восторг, потребовала к себе во дворец мастерицу... Но далее было совсем не так, как мне рассказывали в Торжке. Было, оказывается, как раз наоборот. Девушка, которая предстала перед Екатериной Второй, была необыкновенной красоты. У нее были огромные голубые глаза, длинные ресницы, светлые волосы, заплетенные в длинную косу, а щеки ее были румяны от великого смущения и робости, которые охватили молоденькую крестьянку перед лицом матушки-императрицы. От волнения руки у девушки были беспомощно сжаты в кулачки и скрещены на груди, так что Екатерина, желая разглядеть пальцы умелицы, сама взяла их в свои руки.

– И что, – императрица обратилась к Потемкину, не выпуская из рук ладони девушки, – у них там фсе такие?

Князь Потемкин, большой знаток данного вопроса, утвердительно закивал.

И тогда Екатерина, немного поразмыслив, повелела отобрать двести новоторжских крестьянок-красавиц и направить половину из них в Москву, а другую половину в Петербург и выдать их там замуж, для того чтобы и в столицах наших появились такие же красавицы, такие же умелицы, какие в изобилии имелись в этих краях.

— Там они еще нарошают, — сказала Екатерина, подозрительно посмотрев на Потемкина и на подошедших к тому времени братьев Орловых.

— Нарожают-нарожают, матушка, — хором согласились вельможные верноподданные, лукаво переглядываясь.

Вот какие исторические открытия удалось совершить мне, после того как я побывал на празднике в Василёве, и предлагаемые вашему вниманию любительские фотоснимки будут порукой тому, что я рассказал абсолютную правду. А вы, если увидите на улицах Москвы и Санкт-Петербурга длинноногих красавиц, знайте, откуда они взялись и кому своей красотой обязаны...

Вообще, на этом празднике было столько красивых девчат, что я не знал, в какую сторону глядеть. Признаюсь, я совсем забыл, что являюсь официальным гостем праздника и вести себя должен строго. Почему-то вспомнилось, как в далекой моей юности в Свердловске, на Площади 1905 года, к очередным октябрьским праздникам были вывешены огромные портреты Маркса, Энгельса и Ленина. Так вот, Энгельс и Ленин, как и положено, были изображены серьезными, целеустремленными и не вызывали никаких сомнений в своих политических и иных пристрастиях, а вот Маркс...

Безымянный уральский художник изобразил его каким-то очень живым, с лукавым, более того – с блудливым взглядом, так что проходившие по площади уралочки, глядя на классика, смущались и чувствовали себя неловко... Несомненно, то была идеологическая диверсия, и в эпоху тоталитаризма и застоя она произвела на меня такое впечатление, что многие годы я всерьез увлекался ортодоксальным марксизмом, из-за чего несколько раз едва не пострадал... Но сейчас, находясь немного в стороне от шумного и веселого

праздника и разглядывая со стороны молоденьких красавиц в народных одеждах с удивительными орнаментами, я думал о странном парадоксе. Ведь все эти чудесные орнаменты появились не

случайно. В глубокой древности их старательно вышивали по краям одежды, особенно на шее, груди и на рукавах... чтобы туда, внутрь, под одежду, не мог забраться бес. Яркий, неповторимый узор, оказывается, отпугивал нечистую силу, и девушка могла спокойно жить, заниматься своим делом. А парадокс в том, думал я, что вот одних бесов они этими узорами отпугивают, а других... И еще вот о чем. Несколько раз я упоминаю в этом очерке словосочетание «народный костюм» или «народная одежда», и у читателя, вероятно, появляется уже некоторое раздражение: «Что значит "народный"? и почему об этом не рассказать?»

Но как расскажешь о народной одежде? Она столь разнообразна, что только на описание этих разнообразий потребуется отдельная экспедиция и многолетние исследования. Ведь не только в каждом уезде тверского края, но и в каждом селе и даже в каждой

деревне у народной одежды имеются свои особенности и детали. С мужской одеждой еще как-то разобраться можно: косоворотка туникообразного покроя, которая подвязывается поясом, да на праздник белая рубаха с вышивкой на груди. Много ли мужику надо? А вот с женским нарядом – просто беда!

Тут и рубахи разные: «жальные», «сенокосные», «венчальные», «спальные», «купальные»... и все обязательно с искусно вышитыми подольниками; и яркие сарафаны поверх рубах, да так, чтобы сарафаны эти были непременно с нарядной вышивкой, с всевозможными «обкладками», «плетеньками», «нашивками» и еще бог знает с чем; и пояса с различным орнаментом и расцветкой, желательно золототканые или, на худой конец, шитые из позумента; и головные уборы – все эти девичьи повязки и ленты, женские платки, нарядные ряски, кокошники, какие-то «сороки», причем разных видов, и есть еще «шлыки с рогами» (значит, есть «шлыки без рог») и «позатыльники», – и все это не просто так, а подавай с блестками, с жемчугом, расшитое золотой или серебряной ниткой, словом, чтобы блестело и сияло; а еще добавьте сюда обувь, и тоже желательно расшитую золотом или серебром; да надо поверх всего этого надеть всевозможные «обереги» – цепочки, янтарные ожерелья, браслеты из жемчуга, кольца с камнями, перстни и прочее, что противодействовало бы всякому «яду и чародейству».

Представьте, что все это тверские красавицы требовали с тверских мужиков. И не только в молодом возрасте. (Вон, на Троицких гуляниях полно старушек – и все они в новеньких народных костюмах!) А куда прикажете деваться мужику? Здесь мелочиться – себе дороже будет. Не купишь жене какую-нибудь «сороку», не подаришь вовремя «позатыльник» или «оберег» из жемчуга, не дашь денег на «шлык с рогами» – того и гляди, сам с рогами ходить станешь... Знаете, я прочитал несколько книг по истории тверской народной одежды, и ни в одной из них даже словом не обмолвились о мужских портках. Не о том, какого цвета они или фасона, но вообще: имелись ли они у здешних мужиков?

Ответ очевиден, когда узнаёшь, с какими расходами сталкивались тверские мужчины, чтобы приодеть своих ненаглядных.

Вообще, изучению народной одежды тверского края люди отдают годы и десятилетия, как, например, Людмила Эльмаровна Калмыкова, посвятившая народному искусству Тверской земли всю жизнь. Проще уж направить читателя к ее книгам и исследованиям. (См. «Народное искусство тверской земли». Тверь, 1995.)

...Тут меня, размечтавшегося о чем-то великом и значительном, находившаяся рядом Валентина Федоровна осторожно взяла под руку и сказала, что пора ехать в Митино обедать, потому что в училище нас уже ждут торжокские золотошвеи, а после них надо идти в гости к местным поэтам.

Троицкие гуляния еще вовсю продолжались, а я был вынужден спешно удалиться...

* * *

Спустя некоторое время я напечатал фотографии фольклорного праздника и еще раз поразился красоте молоденьких новоторок. Отослал эти фотографии Валентине Федоровне Кашковой в Торжок, и, спустя некоторое время, она мне написала:

«Знаете, почему фотографии такие славные? Девчушки (а что такое по 12-14 лет: девчата пробуют силу своего девичьего обаяния!) не в глазок фотоаппарата смотрели – они видели ваши глаза, которые метали искры восторга, и отвечали вам бессознательным, генным, прелестным, хитрым кокетством (помните, у одной взгляд из-под прищуренных ресниц, будто и не смотрит!). Так, наверное, делали их юные прабабки, когда подглядывали за “большими”, – ведь таких, в 10-13 лет, в *большой* хоровод не пускали, они свой водили, где-то сбоку, полуобиженно.

А тут эти акселератки – героини дня! Все на них смотрят, ахают! И они – как цветы после дождика! Можно научить петь, танцевать, что-то “разыгрывать”, но быть милой и обаятельной может научить только природа души. Вот как хороша и живуча эта наша природная способность!..»

Я показывал фотографии этих милых тверских девочек всем своим знакомым и друзьям, и, знаете, никто не остался равнодушен, были даже такие, кто плакал.

Почему?

Наверное, потому, что вместе с удивлением – откуда взялась эта родниковая красота, ведь там, в сельской тверской глуши, просто ничего нет и, кто знает, есть ли сегодня в России более нищий край? – закрадывается осторожный вопрос: не в этих ли тверских девочках надежда на спасение России? Не ради них ли и таких, как они, стоит нам, сильным и взрослым, жить, трудиться и хоть что-то успеть сделать? Ведь это наши российские мамы двадцать первого века!

Покидая праздник, я неожиданно увидел Режиссера. Он с кем-то беседовал. Мы перемигнулись, но подходить к нему я не стал, тем более что мы должны были вскоре встретиться за обедом.

На выходе, у самых ворот, уже знакомая нам старенькая исполнительница продолжала без устали петь:

*Развалилась поленница
пятнадцати кубов.
Не развалится Россия –
это же не куча дров!
Э-э-эххх!!!*

Глава IV

Режиссер и ножницы

Чем кормили на обед, пересказывать не буду, потому что единственное, чем он отличался от завтрака, так это наличием первого блюда. Да еще, пожалуй, более оживленным видом разносчиц. Правда, народу в столовой почти не было. Совещание пожарных уже закончилось, и они благополучно разъехались.

После обеда у меня еще оставался час до встречи в Училище золотного шитья, и мы с Режиссером, укрывшись в тени, могли поговорить.

– Ну как вам Троицкие гуляния? – спросил я.

– Замечательно! Сколько людей! И лица у всех добрые, приветливые, давно такого не видел. Что особенно хорошо – очень много детей. А как эти дети поют, как пляшут... Поразительно! Все-таки мы в Москве ничего не видим и не знаем. Страны своей не знаем. Все что-то пишем, вещаем, пытаемся кого-то учить, а надо бы самим поучиться, присмотреться...

Я тоже выказал восхищение увиденным и услышанным, но меня никак не оставлял вопрос: какое это все имеет отношение к Пушкину? Понимаю, что Пушкин дорог каждому, что он наш самый великий поэт, и уже этого достаточно, чтобы чествовать его до скончания века. Но меня интересовала не символическая, а буквальная связь народного праздника в Василёве с поэтом. Существоует ли она? Об этом я и спросил Режиссера.

– Как это, «какое отношение к Пушкину»? Еще надо подумать, кто к Пушкину ближе: вот все эти люди или мы с вами?.. Когда я был таким молодым, как вы, мне попалась книжка, изданная в конце прошлого века, и там интересный факт приводится, во всяком случае многозначительный. Когда Николай Первый помиловал Пушкина и

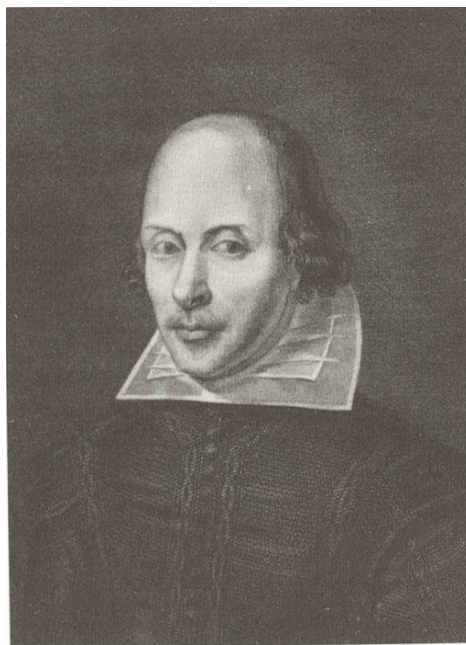
разрешил ему покинуть Михайловское, то за Александром Сергеевичем приехал в деревню офицер, чтобы срочно увезти его в Москву, где находился тогда государь. И это оказалось для всех, включая Пушкина, полной неожиданностью. Арину Родионовну и всех близких к Пушкину охватил ужас. У них возникло ощущение, что его у них отнимают. Им показалась, что поэт исчезал из среды живых людей, в то время когда, казалось, он, наоборот, возвращался в их среду. И если проследить за дальнейшей судьбой поэта, то это ощущение было не так уж далеко от истины.

— Тем более что его впоследствии всегда тянуло в деревню, — зачем-то добавил я.

— У нас представление, будто Пушкин — такой франт в цилиндре, с бакенбардами, во фраке, с тростью, куда-то все глядит вверх... Посмотрите, каким его изображают. Этаким столичный светский лев. А он ведь был другим. Конечно, он «переболел» всей этой героикой, Байроном, Бонапартом, но вот поездил по России, побывал на Юге, на Кавказе, посмотрел, прислушался, на многое стал смотреть иначе... И, потом, он открыл для себя Шекспира... Он писал: «...до чего изумителен Шекспир! Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик!» Пушкин тогда говорил, что у него после чтения Шекспира кружится голова.

— Что же он открыл для себя вместе с Шекспиром?

— То, что великий поэт просто так, ни с того ни с сего, не появляется. Его, условно говоря, готовит не одна эпоха и не одно поколение. Идущие из глубины веков предания, легенды, былины, сказки, всевозможные летописи, сказания, а еще песни, поговорки, пословицы, то есть весь культурный пласт, который накапливается в

148. В. Шекспир.
Ж. Годофруа, с оригинала М. Фельтона. 1796

народе, в его сознании, традициях и привычках. Когда этого накопится достаточно, появляется литература – поэты, драматурги, писатели, но это еще только предтечи будущего великого поэта. Шекспир, например, был высшей точкой целой плеяды драматургов, он смог уловить, услышать то, что было до него, и понял, как может быть после. То же и Пушкин.

– Вот отчего у него закружилась голова!

– А у кого бы не закружилась? Но это головокружение не от успеха, а от величайшего самостоятельного открытия. От того, что он услышал свою страну, увидел ее просторы и, что еще важнее, ее скрытый от поверхностного взгляда, невероятно богатый, накопленный многими веками творческий смысл. Вот от чего «Борис Годунов» и радостный крик «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!».

– Не это ли имел в виду Глинка, когда говорил, что музыку пишет народ, а композиторы ее лишь аранжируют? – включился я в размышления Режиссера.

– В музыке то же самое... И вот Пушкин бросается собирать русские песни, поговорки, сказки, былины... Он начинает всерьез заниматься изучением истории. Ссылка его в Михайловское – это, конечно, наказание для него, но... Вот он в Святых Горах одевается по-крестьянски: белая рубаха, широкие мужицкие портки с бахромой, на ногах берестовые поршни вроде глубоких калош; подпоясывается красной лентой, которую закидывает через плечо, а на голове большая с широкими полями соломенная шляпа. Ничего, правда? Вот бы такой памятник ему поставить...

– Пушкин в соломенной шляпе? – трудно представить.

– И в таком виде он появляется на ярмарке или на базаре, ходит среди народа, толкается, слушает речь, записывает меткие выражения, необычные фразы, песни, и сам он тоже поет. Много раз его видели среди слепых рассказчиков или певцов. А сколько сказок он записывал, легенд, историй! И не только в Михайловском, но и в Болдине. Там столько преданий сохранилось, рассказов, легенд, связанных с Пушкиным. Вот Александр Сергеевич идет по ярмарке, ко всему присматривается, прислушивается, вдруг слышит:

*Бабы, мужики и господа,
Подходите, у меня посуда больно дешева.
У нас руда своя,
Мы ее роем у двора,
В воде растопляем,
Горшки из нее слепляем,
На огне для прочности закаляем,
На базаре для продажи выставляем.*

«Барин, купи кружку, будешь пиво попивать да казаринцев вспоминать», – это мужик к Пушкину так обращается. И Пушкин купил эту казаринскую кружку и увез с собой в Москву... Там, в Болдине, есть хор бабушек, который до сих пор поет те самые песни, которые слушал и записывал Пушкин. Представляете?! А вы спрашиваете, какая связь! Пушкин – это великий собиратель. Ведь Русь полна сказок и преданий. В каждом районе, уезде, селе что-то свое неповторимое. Есть целый том «Сказки и легенды пушкинских мест»...

– То есть Россия – это своеобразный, насыщенный бульон, и Пушкин это вовремя уловил, – так?

– Он писал: «...до обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания». Это Пушкин-то, царскосельский лицеист, называет свое образование «проклятым»! А все потому, что открыл для себя нечто очень важное. Может быть, самое важное. До него это тоже интуитивно понимали Радищев, Карамзин, Жуковский, но – здесь уже Божий Промысел – надо было родиться Пушкину. Вот луч света ударяет в призму, а уже из нее исходит многоцветием. Так у нас Пушкин. Культура до него и после. Счастливый он господин, очень счастливый!

Немного помолчав, Режиссер продолжил:

– Мы часто слышим слово «элита». Везде у нас эта самая «элита» мелькает. Включишь телевизор – и только слышишь про нее. А действительная элита где-то в другом месте...

Тут Режиссер улыбнулся, вспомнив эпизод:

– Пушкин как-то был в Александринском театре, и там играла очень известная артистка, любимица театральной публики Варвара Асенкова. А рядом с ним сидели какие-то молодые люди, которые кстати и некстати хлопали ей, раздражая Пушкина, совершенно равнодушного к тому, что происходит на сцене. И вот эти двое, видя, что их сосед столь холоден к их любимой актрисе, стали между собой довольно громко шушукаться и даже обозвали Пушкина дураком.

– И что Александр Сергеевич?

– Он им сказал, что, во-первых, он не дурак, а Пушкин, а во-вторых, не бьет их по роже лишь потому, что не хочет, чтобы Асенкова приняла пощечины за аплодисменты в свой адрес, – Режиссер расхохотался. – Вот какой господин был! Удивительный!

– С чувством юмора было все в порядке...

– Но слушайте дальше... Это насчет «элиты». А теперь сравните... Как-то Пушкин на Новый год был у цыган. И там была одна цыганка – Таня, которая здорово пела. Ее позвали спеть Пушкину романс...

Здесь я признаюсь, что этот рассказ Режиссера был лишь приблизительным, и, чтобы его не перевирать, мне пришлось впоследствии отыскать его в книге. Эпизод оказался таким ярким, что лучше, если я его приведу полностью. В дальнейшем мы иногда этим приемом будем пользоваться, в чем большого греха нет. (См. «Разговоры Пушкина», М., изд. Федерация, 1929, С.143.)

«Бежит ко мне Лукерья, кричит: “Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят”. Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила... И только он [Пушкин – авт.] меня увидел, так и помер со смеху, зубы-то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам:

“Поваренок, кричит, поваренок!..” Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: “Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери” [Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна]. Они так и залились. А он приставать: “Что ты сказала, что ты сказала?” –

“Ничего, – говорю, – сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете”. А Павел Войнович Нащокин говорит ему: “А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет”... Тогда были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: “Друг милый, друг милый, с-далека поспеши”. Как я его пропела, Пушкин... кричит: “Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!..”»

– Видите, как искренне и как безудержно радовался цыганской песне и как реагировал на игру известной актрисы в Александринском театре. Вот и ответ насчет «элиты»... А как он восхищался русскими сказками, поговорками, пословицами... Вот вам и связь этих народных гуляний с Пушкиным. Самая прямая. Неразрывная!

Режиссер замолчал, а я решил рассказать о своем вчерашнем разговоре с Валентиной Федоровной, о том, как восстанавливалась память о Пушкине в Торжке. Режиссер не особенно был увлечен моим рассказом: чем его удивить? – но, услышав слово «реанимация», тотчас отреагировал.

– Да какая «реанимация»? Господь с вами! О чем вы говорите? Слово-то какое подобрали... Все мы никак не успокоимся, все нам надо заниматься «реанимацией», «реабилитацией»... Что за страна такая! Хоть кол на голове теши... Это нам надо реанимироваться, а не Пушкину. Это мы помрем без него, а не он без нас. У него-то, слава Богу, все в порядке. Он жил счастливо, узнал настоящую любовь, столько дал своей стране, нам всем...

Я виновато молчал, а Режиссер погрузился в раздумье, расстроенный дурацким и неуместным словом.

– Пушкин был к тридцати годам очень мудр. Он понял, кто творец культуры и где ее искать. Проза жизни – вот где должен вестись поиск. Он там и искал. И вся великая литература наша находилась в этом поиске. А уйдешь от этого в сторону, соблазнишься на какую-нибудь, как они сейчас говорят, «эксклюзивную» тему – и все... Может быть успех, признание, но вскоре от этого ничего не останется. И, посмотрите, простые люди считают

Пушкина своим... Мы вот часто говорим «простые люди». А для Пушкина простых людей не было.

Режиссер привстал со скамейки, и я мог наблюдать, как он не спеша прогуливается. И пока он это делает, самое время рассказать о нем и о его деле, чтобы не возникло представление, будто Режиссер мой лишь прогуливается, немного о чем-то размышляет да еще спит, хотя именно для того он и поехал со мною в Торжок.

Я уже рассказывал, что он очень известный режиссер и создатель знаменитого московского театра. Настолько знаменитого, что мы даже не уточняем, какого именно, тем более что для нашего очерка это совсем не важно. Важно другое. Режиссер мой всю свою жизнь связан с Пушкиным. Он поставил несколько спектаклей, которые имели большой успех у зрителей и критиков. Но из всех его пушкинских работ я видел лишь «Бориса Годунова», да и то лишь после настоятельных рекомендаций моих друзей, считающих этот спектакль выдающимся.

Дело в том, что я редко бываю в театре, а если и прихожу, то с трудом выдерживаю до конца спектакля. Почему-то никак не могу увлечься представлением, даже если в нем заняты выдающиеся артисты. Сам театр, с его закулисой и внутренней беспокойной жизнью, мне гораздо интереснее продукта театра, который кажется беднее и скучнее, несмотря на то что украшен декорациями, яркими костюмами, париками и прочим художеством.

Я больше люблю репетиции. Там бывает интереснее, потому что присутствует то, что называется «творческим процессом». Все же актер – это профессия повтора. Можно, конечно, вносить в роль что-то свое, вкладывать эвристический смысл в уже существующее, всякий раз находить новые движения, выражения лица, оттенки и нюансы. Но в действительности надо неукоснительно следовать тем установкам, которые сформулированы режиссером. Поэтому на репетициях происходят самые настоящие драмы, ломки характеров, нервные срывы и даже истерики. Артисты на режиссера могут обижаться, сердиться, даже тайно ненавидеть его, но какой может

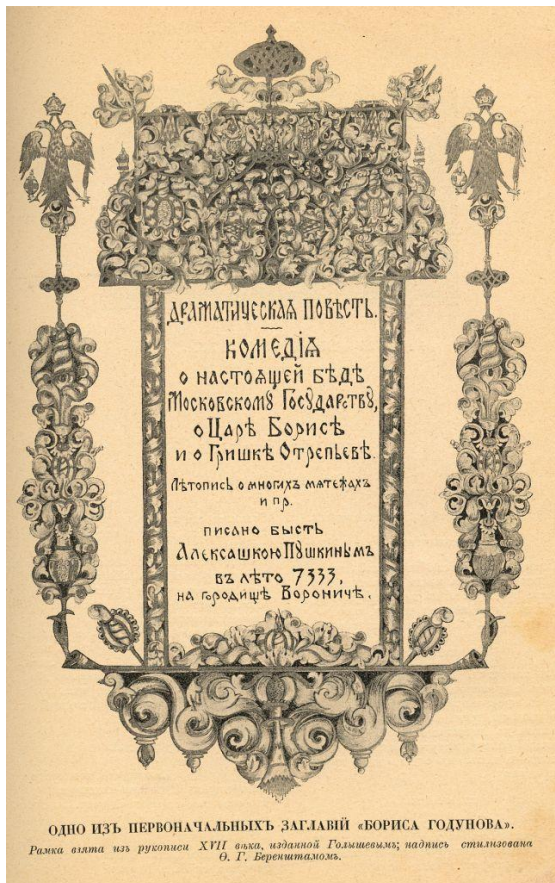
быть протест? Не нравится – ищи другой театр, другого режиссера. Правда, когда спектакль наконец поставлен, сыграна премьера, зал рукоплещет, раздаются «браво!» и зрители дарят цветы – актер забывает обиду, готов сознаться в собственной ограниченности и прочих недостатках и уже виновато, даже с благодарностью поглядывает на режиссера... Но назавтра новая работа, новые репетиции, а значит, новые драмы.

Итак, поскольку я не часто бываю в театрах и мало разбираюсь в утонченном театральном искусстве, то не могу вполне оценить и деятельность моего Режиссера. Соглашаясь с многочисленными оценками и характеристиками, которые обычно бывают в превосходной степени, сам я не в состоянии понять его значение. Мне Режиссер интересен без театра, сам по себе, хотя иногда он и говорит мне с некоторым упреком: «Ну, вы хоть придите, посмотрите спектакль. Там, все-таки, тексты неплохие и актеры стараются».

И несколько раз я был на его спектаклях, даже сидел рядом, и признаюсь, был увлечен Режиссером больше, чем происходящим на сцене. Обычно, в начале спектакля, он заводит артистов своим фонариком. При этом Режиссер машет руками, делает специальные знаки, помогая артистам лучше сыграть. Если у них не получается, Режиссер злится, ругается и даже апеллирует к небесам. Поразительно, но он еще успевает следить за тем, чтобы технические работники театра исправно закрывали двери, если кто-то выходит или входит в зал.

Представляю, каково артистам! Они на сцене, перед публикой, и видят, как из глубины зала Режиссер без конца мигает фонариком, подает какие-то сигналы... Я бы сошел с ума. А актеры ничего. Говорят, что так им даже легче играть.

– Это они так говорят, а на самом деле только и мечтают, чтобы я куда-нибудь исчез, – признался как-то Режиссер. – А как исчезнешь? Только выйдешь из зала – они начинают свое городить. У нас ведь все желают творить, все хотят самостоятельности или, как его... «суверенитета». А в итоге разваливают спектакль.

Итак, однажды я пошел на «Бориса Годунова», а перед тем специально прочел пушкинскую трагедию и таким образом подготовился к спектаклю. Режиссер присутствовал в зале первые пятнадцать минут, мигал фонариком на все четыре стороны, а затем незаметно исчез. Таким образом, от спектакля меня больше ничего не отвлекало. Артисты играли вдохновенно. Видно, что они любят играть этот спектакль. Зрители следили за действием с повышенным вниманием. Я вышел из зала минут за десять до конца... Весь оставшийся вечер и даже всю ночь у меня в ушах звучали песни из спектакля, а

голова была занята мыслями об увиденном.

Женские голоса

*Человек живёт как трава растёт.
Человеческий век яко травный век.
Поутру трава растёт-цветёт –
Со вечеру опадёт.
Человеческий ум яко дым ветром несёт.
Со вечеру человеке во беседе сидел –
Поутру человеке – представился.
Он и очи зажал, и устами замолчал,
И свои древние руци ко своему сердцу прижал.
Соходилися соседи, его сродственники.
Они стали человека водою омыwać...*

– *Вы почто меня водою оmyваете?*
Не оmyл я свои грехи горячими слезьми.
Они стали человека землёю осыпать...
– *Вы почто меня землёю осыпаете?*
Не рассыпал я грехи пред духовным пред отцем...

На смертном одре русский царь Борис Годунов принимает от патриарха обряд пострижения в монахи.

Царь
Благослови меня, святой отче.

Патриарх
Желаешь ли быть причислен к лику монашествующих?

Царь
Да, если поможет Бог.

Патриарх
Вольною ли твоей мыслию приступаешь ко Господу?

Царь
Да.

Патриарх
Не каким-либо принуждением или насилием?

Царь
Нет, святой отче.

Патриарх (бросает ножницы)
Возьми ножницы и подай мне их.
(Царь поднимает и подает ножницы. Патриарх снова бросает их на пол.)

Патриарх
Возьми ножницы и подай мне их.
(Царь подает. Патриарх снова бросает ножницы.)

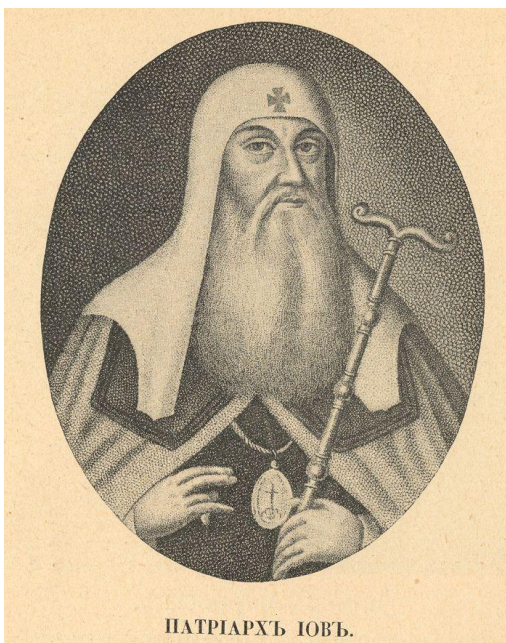
Патриарх

Возьми ножницы и подай мне их.

(Царь подает. Патриарх начинает пострижение.)

Вот этот обряд пострижения в монахи умирающего Бориса Годунова и запомнился мне особенно. Не точностью соблюдения его, не томительным напряжением, в котором в это время пребывают артисты и зрители, а... обыкновенными ножницами, теми самыми, которые были трижды брошены наземь патриархом и которые

трижды поднимал царь Борис.

ПАТРИАРХЪ ЮВЪ.

Посмотрите при случае внимательнее на безобидные ножницы! «Два кольца, два конца — посередине гвоздик». Но кроме этого — скрепленные между собою в одном месте две прямые линии, безобидные и незатейливые. Расходящиеся и сходящиеся по мановению чьей-то десницы, эти линии стремятся навстречу, пересекаются... и тут же расходятся. Но расходятся уже не безобидно, не безопасными колечками, как в своем начале, а остро заточенными и

обращенными лицом к лицу лезвиями.

О, как опасен момент их скользящего соединения! Какой ни с чем не сравнимый звук от соприкасающихся плоских лезвий и какой динамизм в движущейся смертельной точке этого соприкосновения! Не оттого ли цирюльники, прежде чем отрезать клочок волос, любят пощелкать ножницами над ухом клиента?.. Соединенные между собой и обращенные навстречу, опасные лезвия как будто нейтрализуют друг друга и тем гасят агрессию ножниц, превращая их в обычный

бытовой предмет. Но попробуйте разъединить эти заточенные лезвия...

Видели ли вы когда-нибудь половинку ножниц? Обратите внимание, сколь угрожающе выглядит она. Если и захочешь, эту половинку никак не возьмешь лишь двумя пальцами, как это мы запросто делаем с ножницами. Взять ее можно, лишь зажав в кулак. И тогда у вас в руках – опасное и готовое ко злу оружие.

Ножницы, с философской точки зрения, инструмент более сложный, чем гильотина. Там, несмотря на техническую сложность, одинокий нож. Он максимально откровенен, его движение предопределено и находится в жестких рамках. Нож гильотины – единственный и очевидный виновник содеянного. Иное дело – ножницы. Здесь два ножа, две режущие плоскости, и, лишь соединяясь, они способны резать, разделяя ответственность за совершенное: поди разберись, которая из двух половинок разрежала...

И когда задумаешься над этим, становится понятным, для чего мой Режиссер ввел в спектакль столь подробный ритуал посвящения царя в иноки с троекратным бросанием ножниц. Вовсе не только для того, чтобы напомнить современной театральной публике сокровенные таинства пострижения. Что-то еще хотел сказать. Скорее всего, пытался обратить внимание на какие-то особенные *линии* пушкинской трагедии, которые движутся друг другу навстречу, сходятся в одной точке и тут же расходятся вновь. Что же это за драматические линии?

Патриарх бросает ножницы и требует, чтобы царь подал их...

Ох ты Россия, мать Россия, мать российская наша земля...

Бедный и безвестный черноризец твой в монастырской затемненной келье мечтает о том, чтобы владычествовать над тобою и твоими народами. Ради этого он готов оставить монастырь, предать монашеский обет, готов предать и тебя самую, и Бога и идти по кровавому пути насилия, чтобы голову и сердце твои отдать в руки чужеземцев. Море крови, неисчислимы бедствия, братоубийство... Этим умощен путь к московскому престолу.

*Кровь Русская, о Курбский, потечет –
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу!..*

Знает себе цену самозванец! Но знает и то, что он лишь половина роковых ножниц. Оттого и говорит уверенно:

*...Но пусть мой грех падет
не на меня –
А на тебя, Борис-
цареубийца!*

*Эх ты Россия, мать Россия, мать российская наша земля...
Ей да ой вот и мать российская наша земля...*

Твой государь, всех христиан самодержавный царь, владыка и повелитель неделимой и необозримой земли *от моря до моря*, чья державная власть держится на диком произволе, насилии и лжи, чей

путь к власти усеян интригами, изменами, оговорами и, конечно, трупами, горами трупов, потому что не может утвердиться по-другому самодержавная власть в России, – перед ликом смерти своей спешит каяться, торопится принять монашеский обет и сменить царскую тогу на клобук:

*Ударил час, в монахи царь идет –
И темный гроб моею будет кельей...*

Отчего государь всея Руси Борис стремится прийти туда, откуда столь же неистово торопится удрать молодой монах Григорий? И почему монах так страстно желает участи того, кто перед смертью счастлив успеть покаяться?

Есть ли ответ на эти вопросы и есть ли способ остановить это неотвратимое встречное движение двух опасных режущих плоскостей? Наверное, ответ есть. И не один. Известно лишь, что точка их соприкосновения – жестокая битва, где, пресытившийся русской крови, победитель цинично провозгласит: «Довольно: щадите русскую кровь!»

Самозванец

На войне кто не бывал, тот и горя не видал.

Хор

*На войне кто не бывал, тот и горя не видал.
Кто бежит без руки, кто лишился ноги,
кто изрезан, кто исколот, а кто плавает в крови.
Кто изрезан, кто исколот, а кто плавает в крови.*

Есть только одно средство, могущее предотвратить это смертельное движение, и лишь одна сила, способная остановить губительный порыв: *любовь*.

Второй раз бросает патриарх ножницы, и вновь поднимает их с пола царь... Еще две стремящиеся навстречу линии пушкинской драмы сходятся вместе, чтобы тут же разойтись: *любовь* и *власть*.

Трудно уловить момент их пересечения. Здесь точка соприкосновения едва видимая, а часто невидимая вовсе. Обе половинки «ножниц» не только не уживаются — они настолько противоположны, что вообще исключают какие-либо компромиссы.

Если перед тобою когда-нибудь встанет неразрешимая дилемма: *любовь* или *власть*? — успокойся. Выбора у тебя уже нет. Задавший себе такой вопрос, уже знает ответ. Он выбрал *власть*.

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Кто не стремится к власти — пусть не к верховной, не заоблачной, не царской, но к власти хотя бы небольшой? Кто не хочет повелевать, командовать и управлять? Да еще если к тому есть серьезные основания или, как говорят, предпосылки. Попробуй уклонись, откажись, отвергни выпавший жребий. Только ступишь на этот путь, едва добьешься видимых успехов, как само Провидение уже шепчет тебе: *«Не жребий это, а судьба твоя. Повинуйся ей»*. И ты, только-только бывший хозяином своего желания и своей

потаенной мечты, — уже их раб. И нет ничего, через что нельзя было бы перешагнуть.

Где оказываются те цели, ради которых ты вступил на путь, ведущий к власти? Где слова и дела, которые должны были украсить этот путь? Осталось ли что-нибудь от твоей души, от твоего сердца, от глаз, от голоса, от жестов?.. Ничего не осталось, потому что путь к власти не оставляет в стороне ничего, ни одной твоей клетки, ни одного атома... Так красивый и хищный морской цветок поглощает

зазевавшуюся рыбешку: плавно и грациозно. И вот уже в то же самое зеркало смотрит совсем другое твое «я». И что бы ни делал ты, что бы ни говорил – в ушах твоих все время раздается малиновый звон колоколов и ласковый, непорочный голос мальчика:

*Царю небес, везде и присно сущий,
Своих рабов молению внимли:
Помолимся о нашем государе,
Об избранном тобой, благочестивом
Всех христиан царе самодержавном.
Храни его в палатах, в поле ратном,
И на путях, и на одре ночлега.
Подай ему победу на враги,
Да славится он от моря до моря.
Да здравием цветет его семья,
Да осенят ее драгоценные ветви
Весь мир земной – а к нам, своим рабам,
Да будет он, как прежде, благодатен,
И милостив и долготерпелив,
Да мудрости его неистощимой
Проистекут источники на нас;
И, царскую на то воздвигнув чашу,
Мы молимся тебе, царю небес.*

Конечно, не обязательно это звон колоколов, далеко не всегда голос мальчика. Могут быть и другие зазывные мотивы, иные голоса, все в том, о каком уровне власти идет речь. Но если трижды тебе снится сон, что лестница крутая ведет на башню и с высоты видится Москва, а внизу народ кипит, что муравейник... тогда непременно колокольный звон и обязательно голос мальчика.

В этом случае остается лишь один шанс спастись от губительного соблазна.

Писать о том, что такое любовь, нет особой необходимости, потому что все равно ничего нового здесь открыть нельзя. Просто, вдруг случается так, что всё вышеперечисленное, включая цели и средства, планы и прожекты, оказывается лишенным всякого смысла,

более того – становится глупым, мелким и непотребным. И вот идущий на царский трон и для этого ведущий за собою легионы войск в одночасье готов от всего отказаться, согласен даже презреть свою цель, еще только что казавшуюся непоколебимой и вполне достижимой. Власть как высокая и благородная цель исчезает, она любви не нужна:

*Что Годунов? Во власти ли Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нет, нет. Теперь гляжу я равнодушно
На трон его, на царственную власть.*

Самозванец, замахнувшийся на трон и свершивший чреду предательств, вновь готов стать ничем:

*Твоя любовь... что без
нее мне жизнь,
И славы блеск, и русская
держава?
В глухой степи, в
землянке бедной – ты,
Ты заменишь мне
царскую корону,
Твоя любовь...*

Вдруг царские палаты расступаются перед хрупкими васильками в чистом поле, корона меркнет перед сплетенным из полевых ромашек девичьим венком, а царский жезл и держава уступают щебетанию птиц, мирному жужжанию насекомых и ветру, доно-

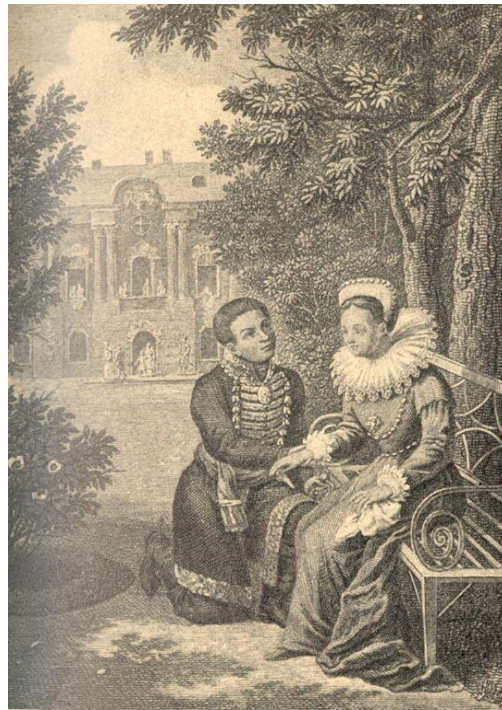
ИСТОРИЧЕСКАЯ МАРИНА МНИШЕКЪ.

сящему какие-то далекие звуки. Человек останавливается, и уже нет в нем агрессии, нет стремления покорять и подчинять, есть умиротворение, желание покоя и лишь одна цель: чтобы любимая была рядом. Вот когда мы близки к Богу.

Но что же! Чем отвечает самозванцу его любимая на готовность жертвовать царством, а возможно, и жизнью?

В сцене у фонтана любовь и власть пересекаются, линии расходятся острыми лезвиями, обращенными друг против друга, и уже самозванец ведет полки на Москву не ради трона, но ради любви к Марине. Высокая цель – московский престол – становится лишь средством: только в этом случае любимая отдаст ему свою руку.

Но власть, как и любовь, не знает компромиссов, не терпит соперничества. Она как средство долго существовать не может, и вот она уже – цель, и не прощает временной слабости.

Самозванецъ объясняется въ любви Маринѣ

*...Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться.
Прощай навек. Игра войны кровавой,
Судьбы моей обширные заботы
Тоску любви, надеюсь, заглушат.
О как тебя я стану ненавидеть,
Когда пройдет постыдной страсти жар!*

Где теперь оказываются милые сердцу полевые ромашки и васильки? Где тот теплый и ласкающий лицо ветерок, что доносил

знакомые звуки, и где сами эти звуки? Что осталось в душе от трепета? Где та сияющая улыбка на безмятежном лице?

Все исчезло. Ритм привычной жизни восстановлен. Река вошла в свои берега. Лишь где-то в глубине души затаились редкие укорительные воспоминания о былой «постыдной страсти»!

Х о р п л а к а л ь щ и ц

*Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая?
Ой, милый мой жених, прекрасный королевич.
Ой, не мне же ты достался, не своей невесте.
Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая?
Ой, да в темной могилке, на чужой сторонке.
Ой, никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать.
Ой, моя родимая матушка...
Ой, куды деваться, родимая...*

И в третий раз брошены ножницы наземь. И еще повелительнее патриарх приказал царю: *«Поддай мне их»*. И в последний раз новообращенный монах поднял ножницы и подал патриарху.

Это вековые скрешивающиеся линии: нашего народа и нашего государства. Здесь можно размышлять бесконечно. Тема эта столь же неисчерпаема, сколь неисчерпаемы горе и несчастья от вечного противостояния *народа и власти* в России.

Годунов
*Ой Россия ты Россия,
Мать российская наша земля.*

Хор
*Ох да вот и мать российская наша,
ой да ты земля.*

Годунов
Много горя приняла...

Хор
Ох да вот и много горя ой да приняла.

Годунов
Ой и много крови пролила.

Хор
*Ох да вот и много крови,
ой да пролила.*

В чем здесь первопричина бед? В государстве ли, порожденном многовековым безумством народной стихии и гнева и устроенном так, чтобы сдерживать потоки людской ненависти? В народе ли нашем, который безжалостно уничтожался этим государством во все времена и во все эпохи, а всякое вольнодумство пресекалось каленым железом и дыбой, плетью и ГУЛагом? Кто и когда в этом разберется?

«Народ безмолвствует». Но это здесь, у стен Кремля, в центре Москвы, на Лобном месте... А в пяти верстах в сторону? А в сотне верст? А в тысяче?..

Безмолвствует народ наш, безмолвствует – а потом как затянет, только держись:

Самозванец
*Ох да растворите вы мне тёмную темницу.
Дайте мне сиянье ярко белого дня.*

Хор
*Ой, да черную да ну девицу,
сивогривого да ну коня.
Конь гуляет да он в чистом поле.
Без узды скачет и он на воле.
Резво скачет а он гривой свищет.
Хвост по ветру а он распустил...*

Что за безудержная и бесшабашная песня отзывается из глубины, из наших синих далей? Это рвущий душу вопль отчаянья или хмельное упоение слышится из бескрайних просторов?

Стоит у окна в высоком кремлевском тереме царь-государь, самодержец, монарх и прочая, прочая, прочая... и что слышит? Кто поймет? Ведь для того чтобы понять, сколь тяжела шапка Мономаха, самому надобно её надеть. Хоть на мгновенье, на миг. Только чтобы надеть её...

Посмотри на брови, на губы, на нос, взгляни на походку, на жесты, движения, послушай, какой голос... Как ощутить, что ты — полновластный хозяин того, у чего нет ни начала ни конца? Как вести себя, если даже первый из первых вельмож государства — всего лишь твой холоп? Каким мерилom измерить власть твою, если нет в природе ничего такого, что не зависело бы от тебя и за что бы ты не был в ответе перед последним из последних? Какое чувство скрывается в душе твоей, когда знаешь, что нет такого, кто не желает плюнуть тебе в лицо, не говоря уже о смерти твоей, коя желанна для всех и вся, потому что рабский народ твой всегда жаждет перемен в надежде на очередное «улучшенье»?

Посмотрите, во что превращается еще вчера цветущий и пышущий здоровьем человек!

В уродливого монстра, без чувств, без сердца, без всего человеческого... Ну какой артист сыграет вам русского монарха?!

Шаляпинъ въ роли Бориса.

Годунов

Я иду, иду, иду, собаки лают на беду.

Хор

Я иду, иду, иду, собаки лают на беду.

А народ наш? Отыщется ли такая напасть, которую бы он не стерпел и с которой бы не смирился, уповая на Бога? Есть ли предел его рабскому покорству обстоятельствам? Кажется, нет предела, потому что, как только он настает, начинается беспредел, и тогда становится еще хуже, еще ужаснее, и еще беспощаднее время, и больше льется крови, и неисчислимое бедствия.

– Спалили усадьбу, и вместе с нею – старинные книги, бесценные рукописи, уникальные иконы... Варвары! Чернь! Быдло!

– Да как же не спалить, когда в этой деревне пять веков пороли крестьян, и часто до смерти!

Вот и вся наша российская дискуссия.

В помощь беспощадному государству – реформаторы.

В помощь обезумевшему от произвола народу – революционеры. Ими расходятся и сходятся вновь острые лезвия бесчувственных ножниц. И нет ничего, что устояло бы перед их неотвратимым встречным движением. Где здесь место гению?..

Пойду выйду да на вулицу

да разыграю в харавод.

Э-ой лё ли, лё ли, ля,

да разыграю в харавод,

а я у милого ворот.

Э-ой лё ли, лё ли, ля.

А я у милово варот,

а у моего у милого.

Эй лё ли, лё ли, ля...

Помню, я вышел тихо из зала, осторожно прошел через фойе мимо гардероба к выходу... Спектакль еще продолжался. Актеры

пели «Вечную память»: отпевали Бориса. Через полчаса в театре не будет ни души.

Ай да Режиссер! Ай да... молодец! Каково придумал с ножницами!

Я так увлекся рассказом о Режиссере и его спектакле, что не заметил, как меня всюду разыскивают, чтобы увезти в Торжок. Какого-то специального транспорта у организаторов праздника не нашлось, и потому за мной заехал автобус, в котором возвращались в город участники Троицких гуляний. Оказалось, это ансамбль «Ленок», существующий, между прочим, еще с начала 60-х годов и считающийся едва ли не самым знаменитым в районе. Шутка сказать, в одной Италии ансамбль побывал раз пять или шесть! Все разодеты в народные костюмы и, что еще важнее, безостановочно поют. Они затихли лишь на несколько секунд, когда я вошел в автобус. После мучительной для меня паузы раздался дружный смех (конечно же, надо мной!), и этот смех тут же перешел в песню:

*Что не в трубоньку-ли трубят рано по заре,
ой да рано по заре.*

*У нас Машенька плачет жалко по косе,
ой да жалко по косе.*

*Уж как вечер её косыньку девушки плели,
ой да девушки плели.*

*Ой, да разложили косыньку нашестеро,
ой да нашестеро.*

*Ой, да заплетали косыньку на две косы,
ой да на две косы.*

*Ой, да увивали косыньку круг головы,
ой да круг головы.*

*Уж как будто бы тому, да Ивану-молодцу,
да Ивану-молодцу.*

*Уж как велел её косыньку расплести,
ой да расплести.*

*Уж как златом и серебром,
ой, да развести, ой да развести.*

Так, не успев уйти от пушкинской трагедии (комедии?), я был тут же к ней возвращен народной песней, которая звучала точно так же, как на спектакле. Вот и все ответы на вопрос: «Какое это имеет отношение к Пушкину?»

Глава V

Золотное шитьё

Нельзя всерьёз говорить о Торжке и избежать при этом тему золотного шитья – главного творческого промысла в этом древнем городе, его визитной карточки. Тут золотой нити в умелой руке искусной новоторки уступает все, в том числе и Пожарские котлеты, рецепт которых, между прочим, оставил какой-то заезжий француз. Вроде бы у него не было денег заплатить за ночлег, и хозяйка гостиницы – госпожа Пожарская, известная своими объемами, – содрала с француза рецепт котлет... Так вот, золотошвейному промыслу в Торжке много веков, и если честно, то даже никто не знает, сколько именно. Только установят, что вышивают здесь с XIII века, как тут же найдут какую-нибудь туфельку XII века. Запишут в справочники и путеводители, едва успокоятся, как какая-нибудь бабушка принесет вышитую золотом подушечку XI века, и снова все справочники и путеводители приходится переписывать. А недавно мне рассказывали, будто археологи нашли в раскопках невзрачный лоскуток. Помыли его, почистили, пригляделись – а там знаменитый «кованый шов»! Да не просто «кованый», а специальный, называемый «ягодкой». Еще пристальнее пригляделись – оказалось, лоскуток-то IX века!

– Так ведь тогда еще не было Торжка! – взбудоражились ученые-историки.

– А как же лоскуток? – ответили вопросом невозмутимые археологи.

– Да, помилуйте, откуда же «кованый шов», да еще «ягодкой», в девятом веке? – в истерике забились историки. – Это если бы шов был «корзиночкой» или «копытчиком», еще куда ни шло, а чтобы «ягодкой» или «денежкой», такого в девятом веке быть не может!

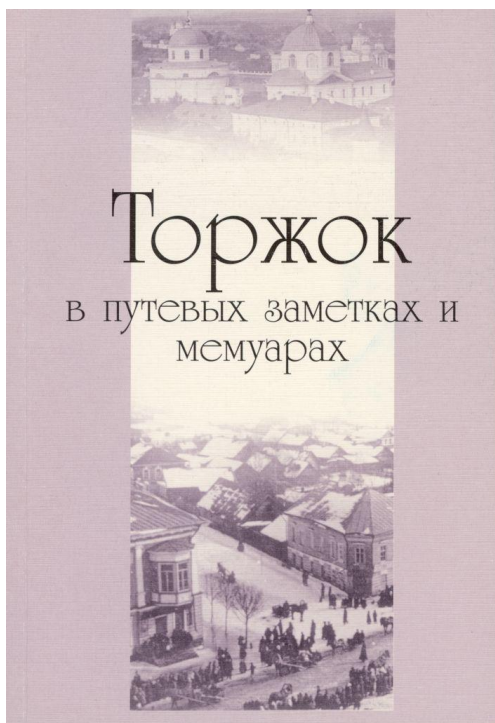
– Как же не может быть «ягодкой», когда вот он перед вами? – отвечают археологи и показывают историкам расшитый золотом древний лоскуток. – Видимо, какая-то мастерица взяла специальные деревянные распорки, заплестила в них материю и вышила золотой ниткой неведомую зверушку. Что ж тут такого? А уж почему ей вздумалось вышивать «ягодкой», а не вашим «копытчиком», так кто ж ее, девицу, поймет? Это уже вопрос психологам, – заключил один уважаемый археолог, пряча уникальную находку в нагрудный карман.

– Не может такого быть! – все равно упорствовали историки и краеведы.

Страсти продолжают бушевать, а я об этом рассказываю для того, чтобы вы имели представление о том, какое значение имеет этот легендарный промысел для новоторов. Поистине, мы говорим Торжок – подразумеваем золотное шитье, а как только разговор заходит о золотном шитье, тотчас перед глазами встает этот тысячелетний многострадальный русский город.

Раз уж мы коснулись истории, то стоит остановиться еще и вот на чем. Мы все говорим: «новоторы», «новоторки», а не мешало бы объяснить, что это за название, откуда взялось?

Давным-давно, когда на бескрайних просторах русского севера процветала могущественная Новгородская республика и вместе с нею – торговля, нынешний Торжок назывался Новым Торгом, а его жители, соответственно, новоторами, характер которых древние летописцы отождествляют с новгородским:

«...беша бо человеци суровы, непокорови, упрямчивы, непоставни (неудержимы)...»

Представляете! Взойдешь на пригорок у излучины Тверцы, окинешь взглядом посад, а там... от горизонта до горизонта идет сплошная торговля всем, что только есть на белом свете. Шум, гам, сутолока, и, конечно же, ворье шарило по карманам честного народу так, как нигде в другом месте. Видимо, это дало повод В.И.Далю, автору знаменитого Толкового словаря, заметить: *«Все новоторы – воры»*. И, знаете, новоторы на Даля не в обиде. Во-первых, потому, что он добавил к сказанному: *«...и осташи – хороши»* (это про жителей соседнего Осташкова), а, во-вторых, назовите, кто у нас на Руси в этом смысле не *«хорош»*? Тут, скорее всего, сам Даль и виноват. Надо было за вещичками-то следить и народ наш слабовольный не искушать.

Войны, набеги, грабежи, пожары, революции, реформы – изничтожали Новый Торг, и в конце концов дошло до того, что осталось от него лишь несколько лавок, за которыми стояли десяток бабок и продавали что-то вроде семечек. И всё. Больше уже ничего

тут не было. Какой же это Новый Торг? Поэтому в народе город стали все чаще называть уменьшительно – *Торжок* и даже *Торжочек*. Так и говорили:

*Эх Торжочек, мой Торжочек!
Несколько торговых
точек...*

Но если название Торжок прижилось, то жители города так и остались *новоторами*. Женщин здешних в миру зовут *новоторками*, а совсем молоденьких девочек – *новоторочками*. Что-то, согласитесь, привлекательное в этом есть. Правда, люди несведущие называют жителей Торжка по-разному: *торжоксами*, *торжковцами*, *новоторжцами* и еще как-то, и уже бывает, что сами жители не знают, кто они и как их правильно называть. Но в последние двадцать лет все же больше склоняются к *новоторам*.

Есть у местных футурологов предположение, что с подъемом отечественной экономики торговля в этих краях вновь расцветет, опять потянутся сюда заморские караваны и Торжок снова превратится в Новый Торг. Тогда уже вопросов – что это за новоторы такие? – ни у кого не возникнет.

Итак, если помните, на Троицких гуляниях я был приглашен девушками-мастерицами в Торжокское училище художественной вышивки, для того чтобы познакомиться поближе с этим древним промыслом. Но прежде чем рассказать о посещении училища и о встречах в его стенах, я предлагаю вашему вниманию выступление

В.Ф.Кашковой на одном престижном семинаре. Этот доклад называется так: *«Упоминание о торжокском золотном шитье в произведениях русских писателей и поэтов»*. Привожу его с некоторыми сокращениями.

«...Торжку волею обстоятельств и самой русской историей было дано оказаться на перепутье: следуя через наш город, многочисленные проезжие разных рангов развозили по “всей Руси великой” то, что было выражением сути, душевного настроя и практического опыта малого города, расположенного “под сенью двух столиц”.

Изделия торжокских золотошвей становились неременной частью русского быта, показателем внутренней культуры и вкуса, деталью внешнего облика человека. Свидетельство этому мы находим в произведениях русских писателей, публицистов, а также в их эпистолярном наследии.

...Лето 1809 года. Сергей Николаевич Марин, известный в петербургских кругах поэт-сатирик, блестящий гвардейский офицер, флигель-адъютант герцога Ольденбургского в Твери, проезжает через Торжок. Город ему хорошо известен не только как бойкая почтовая станция, но еще и как родина Елизаветы Марковны Полторацкой-Олениной. В доме Олениных в Петербурге Марин – свой человек. Он – участник домашних спектаклей и поэтических импровизаций, его приглашают в Приютино. Он приходит в дом друзей с милыми подношениями – стихи, альбомы, а вот теперь и туфельки из Торжка. К изящным туфелькам, расшитым золотной нитью, приложены стихи:

*Страну Тверскую проезжая,
Прекрасный город встретил взор,
Тверца, там быстро протекая,
Кружится меж высоких гор.
Он разделяет две столицы.
Там есть прелестные девицы,
Которы, ставя лень в порок,
Сафьянны туфли работают –
И тем прославили Торжок...*

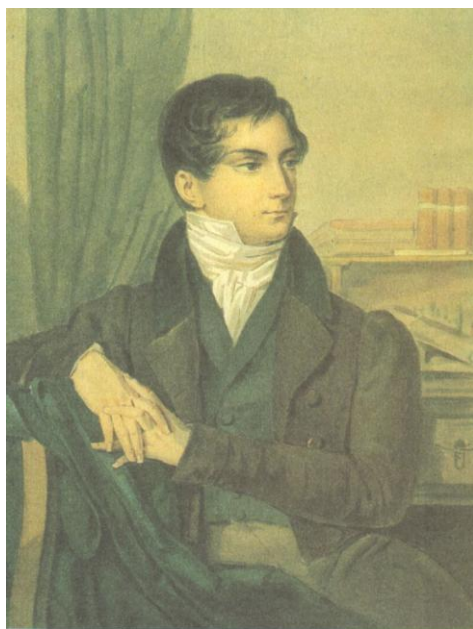
...Золотошвейные изделия, которые раскупались мимолетно, как пишет П.Сумароков, не были привычным подарком, они были редчайшим и дорогим приобретением. Их не преподносили безмолвно, мимоходом – их сопровождали целыми одами в стихах и письмах. Вы все помните, что написал А.С.Пушкин В.Ф. и П.А.Вяземским. Особенно часто повторяется каламбур: *“Скажите княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы...”*

Обладавшая непогрешимым вкусом, изящная, грациозная, хотя и не отличавшаяся особой красотой, княгиня Вера слыла в свете самой пленительной женщиной, и во многом благодаря умению одеваться. Чтобы угодить ей, надо было найти что-то редкое. И Пушкин нашел это *редкое* не в Москве, а в небольшом провинциальном городке, известном, однако, всей России. Какой безупречный вкус у поэта! Недаром Вера Федоровна в ответном письме пишет: *“Количество поясов привело меня в негодование, и только качество их может служить вам извинением, ибо все они прелесть...”*

Через день, 4 ноября 1826 года, в эту же лавочку Пожарского пойдет друг Пушкина – Дмитрий Владимирович Веневитинов, следовавший из Москвы в Петербург. И опять поясы! И туфельки!.. А вот и письмо в Москву: *“Препровождаю к Софи (сестре Веневитинова)... маленький пакет; она исполнит мои поручения. Две пары башмаков под буквою "а" предназначены кн.Зинаиде. Передайте ей мою живейшую благодарность. Пошлите также две пары башмаков Трубецким, остальные для маман и для Софи. Посылаю пунцовый пояс Софи Дорер, другой пояс предназначается для моей Софи...”*

Какие удивительные мужчины! Устают в дороге, питаются кое-как, обстоятельства в пути самые неожиданные, в Петербурге у того и у другого – полная неизвестность, а они в дороге ищут то, что сможет согреть душу женщины, заслужить ее ответную признательность.

Туфельки – *башмаки!* – вы чувствуете атмосферу двадцатых годов прошлого века? – и, конечно, шитые золотом – Зинаиде Волконской – предмету романтической, возвышенной любви

204. Д. В. Веневитинов
Неизвестный художник, с оригинала А.-Ф. Лаврен. 1820-е гг.

Дмитрия Веневитинова. Поэтесса, красавица, хозяйка литературно-музыкального салона в Москве, княгиня, поражавшая всех редким сочетанием красоты и тонкости ума.

Какими же должны быть эти башмаки, чтобы поэт, боготворивший женщину, – ей бы на Олимпе являться! – мог послать ей торжокские туфельки?! И еще одна деталь. Дочери своего старого гувернера – Софи Дорер – он посылает пунцовый пояс (разумеется с шитьем!). И мы теперь, благодаря этой

опознавательной детали, узнали, что в моде тогда были яркие "поясы", которые носили на легких, светлых платьях. Веневитинов любил этот цвет. Как-то он написал:

*Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон...*

Веневитинов прожил всего двадцать один год...

Встречаются упоминания о великолепных изделиях торжокских мастериц и в прозе писателей XIX века. В 1835 году выходит роман И.Лажечникова "Ледяной дом", и там дается в главе "Смотр" описание новоторжской красавицы: *"Ловко накинула девушка на плечо свой парчовый полушубок... Богатая фрязь ее, как жар, горит. Легко ступает она в цветных сафьяновых черевичках, шитых золотом."* В волосах девушки – блестящий бант и лента из золотой бити.

В торжокских сапожках щеголяет по гостиничному номеру и удачливый Чичиков. Он вскочил с постели, *"надел сафьяновые сапоги с резными вкладками разных цветов, какими бойко торгует"*

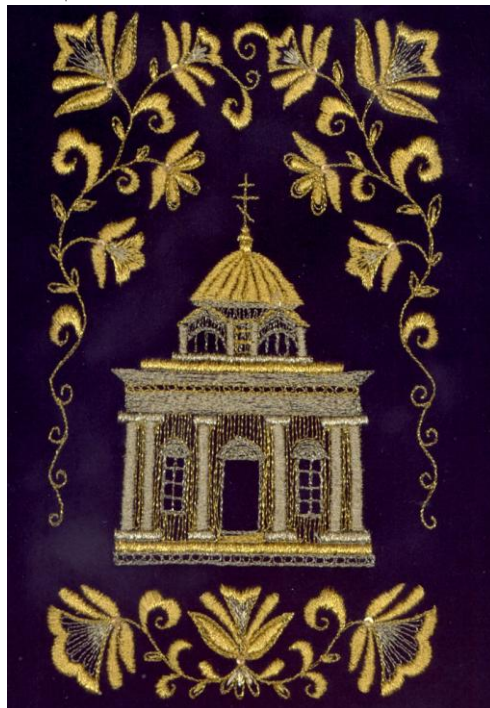
город Торжок благодаря халатным побуждениям русской натуры”,
– пишет Н.В.Гоголь.

В пьесе Островского “Свои люди – сочтемся” Олимпиада Самсоновна, перечисляя свои наряды, говорит: *“А вот посчитай: подвенечное блондовое на атласном чехле да три бархатных... два газовых да креповое, шитое золотом...”*

Как видим, в гардеробе купеческой дочери должно быть что-то шитое золотом – как подтверждение достатка семейства и приобщенности к избранному кругу лиц.

Встречает торговку козловыми туфлями в комнате торжокской почтовой станции и Пьер Безухов. И, наверное, это происходит оттого, что сам Л.Н.Толстой когда-то испытал подобное же в городке, лежавшем на главной государственной дороге.

Памятью о торжокских мастерицах стала подушка, подаренная Льву Николаевичу в 1908 году, когда Россия отмечала 80-летие писателя. Составленная из двух кусков кожи коричневого и бордового цвета, вышитая строгим орнаментом золотой нитью по линии стыка двух цветовых основ, она лежит на большом кожаном диване в кабинете Толстого. На подушке золотой нитью вышито:

Графу Льву Николаевичу Толстому
в знак величайшего почитания от
группы учителей и деятелей
Новоторжского земства.
29 августа 1908 года

Конечно, была вышита эта подушка мастерицами земской мастерской золотного шитья. И все, кто приезжает в Ясную Поляну, почти век читают слова, вышитые по воле наших признательных земляков. И сегодня мы обращаем с глубочайшей благодарностью свой взор на истоки неподражаемого искусства мастериц-кудесниц,

подаривших продолжателям дела редкого и прекрасного преданность золотой нити.

*Струится, как в сказке,
Узор золотой,
Ставший надеждой,
Ставший судьбой.
Тянется ниточка – годы
бегут,
Песню душевную пальцы
поют...»*

Теперь, когда благодаря Валентине Федоровне Кашковой нам уже кое-что о золотном шитье-бытье известно, можно переступить порог училища, где обучаются и профессионально воспитываются будущие торжокские золотошвеи.

На начало учебного 1997-1998 года в училище числятся 115 девушек. В основном из Торжка и Твери, но есть девочки и из других городов России. Ребят в этом училище нет, но мне сказали, будто два самонадеянных молодых человека сюда как-то поступили и вскоре по каким-то причинам сбежали... Стипендия, которую получают будущие мастерицы, от тридцати до пятидесяти тысяч рублей в месяц. Зато училище бесплатное, и в нем может учиться каждый. Платная только одна группа, в которой обучаются будущие художники-вышивальщицы. За получение этой профессии надо платить шестьдесят тысяч рублей в месяц.

Здание училища обыкновенное, ничего изысканного или особенного в нем нет. В коридорах представлены рисунки лучших учениц, из которых мне особенно понравились работы Вероники Чурилло. К сожалению, ни Вероники, ни какой-либо другой золотошвеи я в училище не обнаружил, потому что все они уже разъехались на летние каникулы, а учителя – в отпусках. Зато удалось побывать в музее училища и увидеть уникальные образцы древнего промысла.

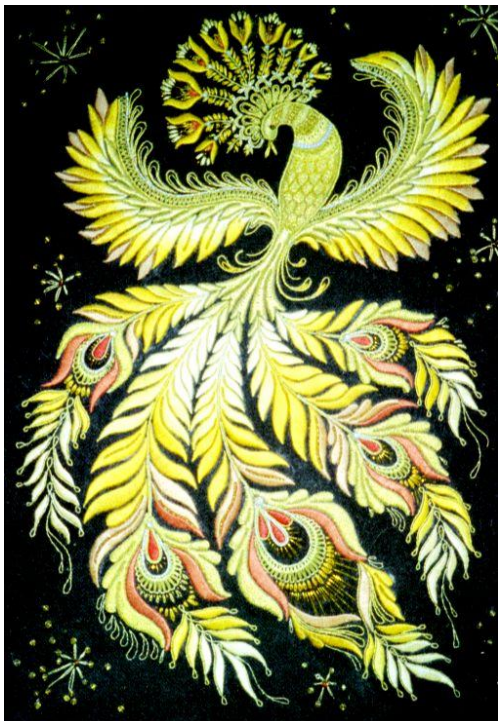
Музей располагается в одной большой комнате. Видимо, это специально приспособленная аудитория. Едва начав осмотр экспонатов, я был сразу же напавал сражен фантастическим, невероятно красивым черным меховым костюмом, расшитым золотной ниткой. В этот костюм входили душегрейка, рукавицы, зимняя шапка-боярочка и серьги-клипсы. И хотя в музее были представлены другие шедевры, оторваться от костюма я уже не мог. Мне представлялась невысокого роста девушка, с длинными и немного завитыми черными волосами, с большими карими глазами, очень подвижная, даже чуть пританцовывающая и лукаво улыбающаяся. Она в длинном черном трикотажном облегающем стройное тело платье, в модных сапожках на квадратном каблуке, и уже сверху на платье надет этот удивительный, неповторимый золотошвейный шедевр. «Только где же такую найти? – подумал я. – А если и найдешь, на этот костюм никаких денег не хватит. Но если даже и деньги найдешь...»

– Куда же у нас выйти в таком костюме? – спросил я.

– Как «куда»? Костюм называется, между прочим, «Зимой по Невскому», – ответили мне.

И далее рассказали, что этот костюм демонстрировали не то в Риме, не то в Париже, на престижном международном конкурсе, в жюри которого входил знаменитый модельер Пако Рабан. И все были восхищены костюмом, аплодировали и дали ему, как мне с гордостью сказали, семь баллов из десяти... Думаю, что ни черта этот Пако Рабан, вместе с жюри, не понимает, если такому костюму не дает все десять. Этот шедевр сам кого хочешь аттестует...

Словом, ушел я из училища восхищенный, воодушевленный и озадаченный. Вот только настоящего разговора о будущем знаменитого промысла не получилось. Его пришлось отложить на три месяца, когда в Москве, в киноконцертном зале «Октябрь», проходила выставка-ярмарка изделий народного промысла.

Торжокское золотное шитье было представлено на этой ярмарке довольно скромно, потому что каждый метр площади в центре Москвы стоит больших денег. Но выставленная на обозрение шаль «Райский сад», дипломная работа торжокской мастерицы, была едва ли не самым красивым и притягивающим экспонатом на всей ярмарке, и многим хотелось эту дивную шаль приобрести.

Я поинтересовался мастерицей, автором «Райского сада», и историей его создания. Мне рассказали, что шаль эту вышивала очень способная девушка Юля. Сначала, когда определялись с дипломной работой, она должна была вышивать какое-то уникальное одеяло. Уже был готов рисунок на этом одеяле, подобраны нитки и все прочее необходимое для работы, как вдруг Юля влюбилась. В какого-то торжокского парня. И это, видимо, было таким безумием, что ни о каком вышивании одеяла речи быть не могло. Мне сказали, что в это время Юлю больше интересовали совсем другие вещи. И вот, чтобы как-то выйти из положения, ей предложили заняться шалью, вещью более поэтичной, чем одеяло. Влюбленная мастерица на одном дыхании вышила сложный и неповторимый узор, защитила диплом и, как мне сказали, тут же куда-то уехала. Одна! Видимо, теперь уже и парень этот стал ей не нужен... Вот так!

Демонстрируется на выставке в Москве великолепная шаль, ею все любуются, а история у нее вон какая!

Так вот, на выставке мне удалось встретиться с Мариной Владимировной Пугаевой, преподавателем художественной вышивки в торжокском училище. Живо и заинтересованно реагирующая на самые неожиданные вопросы, Марина оказалась прекрасным, знающим собеседником. Прошлые и настоящие золотые промыслы уже в нашем очерке затрагивали, а вот о будущем не говорили. Вот что рассказала Марина:

– Девушки идут в училище, но из них лишь немногие хотят заниматься этим промыслом. Детей, которые пришли не случайно и при этом прекрасно рисуют, – мало. Девяносто девять процентов все же случайные.

– Почему?

– В училище нет вступительных экзаменов, и не надо платить за учебу. Уже этого достаточно для притока случайных детей. Пять

лет назад образовалась творческая группа, отстоять которую стоило больших трудов. Поскольку группа была платной, то можно было нанимать высокопрофессиональных художников из Москвы и Санкт-Петербурга. Прошло пять лет, все было успешно, великолепная программа, а сейчас все летит неизвестно куда. В 1997 году мы такую группу не набрали. Дети все понимают, все знают, и на них это очень отрицательно действует. Они перестают надеяться и верить, что золотошвейный промысел и их собственное будущее в нем кому-то вообще нужно.

– А действительно, что будет с ними потом?

– Они будут многое уметь.

– Но где они смогут применить свое мастерство?

– Мы нацелены на то, чтобы наши лучшие ученицы поступали дальше в институты.

– Но если талантливая девочка вышивает так, как больше никто в целом мире, то, может, ей этим и следует заниматься? Зачем ей институт? Может, и толкать их туда не стоит?

– Я в первую очередь пытаюсь сделать из них художников. Преподаю им рисунок, живопись, композицию. Может, я не права, все-таки они учатся в вышивальном училище, но они, три года проучившись, становятся больше художниками...

– ...и перестают вышивать, уходя из уникального промысла.

– Но с вышивкой где им работать? Только если уж сильно повезет, – говорит Марина.

– Для вышивки им не надо ни института, ни академий, ни, простите, большого ума... Надо нечто другое, может быть, большее. Нужно сердце, душа, желание и трудолюбие, разумеется, золотые руки, – размышлял я.

– Они, когда поступают, сами порой не знают, кто они больше: вышивальщицы или художники.

– Вот редкой красоты экспонаты, вышиты золотом. Есть ли место, где занимаются только этим?

– В Торжке есть золотошвейная фабрика.

– Какой процент из училища попадает на фабрику? – спросил я Марину.

– Они вообще перестали сейчас брать у нас выпускников. Там всех сократили. Теперь на фабрике закрыты все цеха, вышивальщиц распустили, а фабрика на грани закрытия. Работает лаборатория, причем в ней остались лишь два художника из восьми. А главный художник вообще не знает, что будет с фабрикой.

– Значит, вас становится все меньше и меньше.

– Да. На фабрике сокращения, мы в училище в этом году набрали всего тридцать человек. Такого никогда не было! Просто стыдно. Учителя от нас уходят. И детям это настроение передается. Впервые в жизни я от них услышала... Пришла на урок и спросила: «Девочки, как у вас дела?» И вдруг они говорят: «Ужасно!» Как? Отчего? Сентябрь! Солнце светит! Мы сейчас, говорю им, рисовать начнем... А они: «Мы не можем, все так ужасно!»

– Они, видимо, душой и сердцем чувствуют, что это умирающий промысел.

– Они понимают непрочность своего положения, видят, что уходят в никуда лучшие педагоги. Они в отчаянье.

– А вы сами ощущаете, что промысел умирает?

– Я надеюсь, что он все-таки не умрет. И на фабрике, и особенно в училище работают великолепные мастера! Люди, которые золотному шитью посвятили всю свою жизнь.

– Но ведь уходят. А если прекратится финансирование училища? Если уйдут все преподаватели?

– Они будут сидеть дома и выполнять заказы. Ремесло не пропадет.

– Для заказа нужны деньги. Мало того, нужно, чтобы человек,

имеющий деньги, обладал еще и тонким вкусом. Если Екатерина Вторая заказывала платье или Александр Сергеевич – *поясы*, то это были люди с высоким уровнем культуры. А из нынешних – кто будет у вас заказывать? Посмотрите на тех, у кого водятся деньги.

– Да, нам сейчас, чтобы жить, приходится шедевры продавать за бесценок, – с грустью признается Марина. – Знаете, как мы об этом жалеем... У нас произошел случай, который я никогда не забуду, даже когда умирать буду. Приехали американцы – а иностранцы, вообще-то, к нам часто приезжают – и вдруг, смотрю, уносят из музея уникальное панно, вышитое настоящими золотыми нитками. Я вся затряслась, когда увидела... Боже мой! Неужели продали?! Бегу

узнать... Продали!.. За сколько? За семьсот тысяч рублей! Я чуть не потеряла сознание...²

– Что за изделие?

– Это было панно «Русь». Там разными *коваными* швами был вышит храм Василия Блаженного и на фоне этого храма старорусским шрифтом вышито слово «Русь». Повторить такое просто невозможно. Я это знаю! И пусть панно небольшое, но оно было просто отлито золотом – такое качество вышивки. И всего за семьсот тысяч рублей! Это все делается от нищеты. Я плакала, а меня успокаивали, говорили: «Мы еще повторим, когда нужно будет»... Да как же такое повторить?! Бывают такие образцы, которые при любом умении и желании повторить невозможно. Туда человек всю душу вкладывает. Это панно повторить нельзя. Ведь почему этот американец его купил? Он прикоснулся к нему и почувствовал тепло, ощутил вложенную в изделие душу. Иностранец оказался умнее нас. Мы-то все свое продаем...

– А черный меховой костюм? – встрепнулся я. – Кажется, «Зимой по Невскому» называется? Где он? Что с ним? Его кому-то продали?

– Нет, костюм еще пока висит, – успокоила Марина.

– Что нужно сделать, на ваш взгляд, чтобы промысел не погиб?

– Нужно, чтобы дети приходили учиться. Надо вселить в них надежду, уверенность, что это нужно людям, стране, России. Раньше выпускали по шестьдесят человек. В 1995 году был выпуск восемьдесят пять человек. Восемьдесят пять дипломных работ – и все гениальные! А в этом году – всего двадцать выпускников. И о том, что будет завтра, даже не хочется думать.

«Золотая нить, послушная руке вышивальщицы, – это прозрачная нить памяти, традиции, культуры, ведущая в глубь столетий...» – сообщается в красочной брошюре, посвященной золотному шитью...

² В 1998 году это было примерно 120 долларов США.

Откуда много веков назад пришло к нам золотное шитье?

С Востока? Из Средней Азии? Из Индии? Появилось ли оно лишь благодаря желанию копировать чужеземные роскошные одежды, сверкающие заморские наряды? А может, в этом стремление самим как-то отличиться – блеском и роскошеством? Или золото у нас не в цене, так давай его на одежду, на обувь, на поясы, мол, вот мы, русские, какие!

Нет, не в том главный вопрос, откуда пришел этот промысел. Мало ли попадало к нам модных заморских чудес. Пошумим, повосторгаемся... да и забудем. Пришло и ушло. Главное в другом: почему этот промысел прижился у нас на века, отчего стал своим, родным, каким образом вобрал в себя нашу русскую особенность, неповторимость, почему так органично впитал в себя наш природный орнамент и сумел отразить в себе чаянья нашей беспокойной души? Вот секрет золотошвейного промысла!

А может, и не секрет никакой?

«Как бы ни были прекрасны другие цвета, все-таки золото полуденного солнца – из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него “чин”. Перед ним исчезает синева ночная, блекнет мерцание звезд и зарево ночного пожара. Самый пурпур зари – только предвестник солнечного восхода. И, наконец, игрою солнечных лучей обуславливаются все цвета радуги: ибо всякому цвету и свету на небе и в поднебесье источник – солнце.

Такова в нашей иконописи иерархия красок вокруг “солнца незаходимого”. Нет того цвета радуги, который не находил бы себе места в изображении потусторонней Божественной славы. Но из всех цветов один только золотой, солнечный обозначает центр божественной жизни, а все прочие – ее окружение. Один Бог – сияющий “паче солнца”, есть источник царственного света. Прочие цвета, Его окружающие, выражают собою природу той прославленной твари небесной и земной, которая образует собою Его живой, нерукотворный храм» (*Евгений Трубецкой, «Два мира в древнерусской иконописи»*).

Окиньте взором наши бескрайние поля, на которых колышутся налитые золотом пшеничные колосья; вспомните наши пышные золотистые караваи; посмотрите на золотые косы русских девушек; взгляните на золоченые купола наших древних храмов, на сияние золотых крестов, венчающих их; всмотритесь в золотые лики наших святых чудотворных икон; наконец, полюбуйтесь нашей золотой осенью, сказочной порой и временем наивысшего вдохновения для Солнца русской поэзии – Александра Сергеевича Пушкина!

Разве не отзывается все это, самое ценное, дорогое и значительное, что только есть у нас, в золотисто-солнечном узоре, искусно вышитом на бархате или шелке? Неужели не слышим в этой симфонии голоса любви, добра, надежды и разве не видим в вышитых фигурках птиц, зверей, фантастических животных, в

волшебном растительном орнаменте – удивительный, бескрайний и сказочный мир – нашу Россию? Поистине этот древний промысел еще и Промысел Божий! И как же нам, народу по преимуществу северному, которому всегда так недоставало тепла и солнца, добра и правды, должны быть по-особенному дороги свет и тепло, исходящие от искусной золотой вышивки!

Но что происходит! Тысячелетний, истинно русский промысел, сочетание высокого искусства и кропотливого подвижнического труда, умирает? Соединение трепетного сердца, отзывчивой души и нежных женских рук – никому не нужно?

Этими вопросами задаются сегодня, сейчас, лишь тверские девочки – самые чувствительные из всех земных существ – да их учителя, бесценные носители многовекового опыта и традиций.

Кто из сильных мира сего услышит эту робкую, едва слышную тревогу? Кто из преуспевающих и провозглашающих: «Время жить в России!» – обратит внимание на эту опасность? Чего будет стоить обустроенная и оцивилизованная Интернетом держава без сказочной золотой фигурки, вышитой на бархате искусной новоторжской девушкой? И как эта держава будет называться?

* * *

*Флаги выцвели до белизны простынной,
Повсюду в городе белые-белые флаги.
Самое страшное то, что уже не стыдно –
Совесть, как водка – выветрилась из фляги...
“Новые русские” пьют в ресторанах виски,
“Старые русские” хлещут в подъездах ханку.
“В красных стреляйте!” – кричит в телевизор артистка.
Всюду свобода, равенство, братство и... танки.
“Мама, салют?” – спросил пятилетний мальчик,
А это черным по Белому дому лупят.
Рядом старушки выгуливают собачек,
И б... друг друга снимают на фоне трупов.
“Бомжевое” убежище Маяковки...
За доллары нас подвешат аэролаты...
Какой-то старый чудака еще клеит листовки,
Но мальчишки из поэтов уходят в пираты.
Вырубили весь лес на горе к юбилею.
На стелу повесил грузин клоунессу Нинку,
Наверно, чтоб жить стало легче и веселее...
Ветераны! Поздравьте сопливых с победой рынка.
Божья коровка! Лети на самое небо!
Туда, где цветут сады и горит лампада.
И принеси-ка корочку черного хлеба
Бабушкам, снова попавшим в кольцо блокады.
В офисах души закладывают в компьютер.
В казино “Александр Блок” конкурс
“Мисс Незнакомка”.*

*Близ Диканьки взят в заложники целый хутор.
У поэта по этому поводу видеомка.
Йоги, баптисты, буддисты, факиры, ламы –
Повсюду в городе белые черные маги,
Они нагадают по звездам, что будет с нами,
По звездам на полосатом заморском флаге.
Вот и съехал танк с постамента, кашлянул пушкой,
“Бронированный гость” угодил в ресторан “Евгений”...
Что бы сказали об этом Вы,
Александр Сергеевич Пушкин,
Счастливый и мудрый поклонник чудных мгновений?
Нынче поэты не сделают “в море погоду”,
Разве что вспомнят, заплакав над Словом Вашим,
О том, что в свой жестокий век Вы восславляли Свободу
И призывали милость к падшим...
Флаги выцвели до белизны простынной,
Флаги стали похожи на белые рваные тряпки...
Как там говорится? – Построить Дом,
Посадить дерево,
Вырастить сына
И сказать: Сынок! Читай Пушкина.
Стань лучше папки.*

Эти стихи несколько лет назад написал молодой актер театра на Таганке Влад Маленко. Он их поет под гитару, громко, с надрывом... А мы их негромко прочтем и порадуемся тому, что и среди молодых есть такие, которые о чем-то думают.

В море погоды поэты, конечно, не сделают, но все же заглянем к ним, поэтам города Торжка. Они собрались в своей гостиной и уже ждут нас.

Глава VI

В гостях у поэтов

Отчего люди пишут стихи?

Великие поэты пишут от Бога, и с этим, кажется, все ясно. Нечего разбираться и выяснять. Но вот отчего пишут стихи поэты невеликие? Что движет ими, когда они сидят и рифмуют строчки? Или не сидят, а ходят-бродят вокруг дома, дерева или скамейки в парке, потом хватаются за карандаш и... стихотворение готово. А иной поэт любит сочинять на природе. Например, в лесу. Идет и видит – гриб! И вот уже буквы складываются в слова, слова в строчки. Бывает, человек творит на своем рабочем месте. Поработает-поработает и напишет что-нибудь. Про ту же работу. Один мой знакомый любил писать стихи в городском транспорте. В час пик. Втиснется в троллейбус или трамвай, приспособится кое-как и пишет. Потенциальные читатели толкают его локтями, а он от этого такое выдает! Я не помню точно, но стихи получались хорошие: про вселенную и бесконечность. Особенно радовало, что они были короткими. Еще пишут стихи от тяжелой жизни, невыносимой обстановки и окружающей социальной несправедливости. Иной, увидав таковую, лишь выругается или, хуже того, сделает вид, что не заметил, а поэт постоит, подумает, достанет блокнот и сочинит какую-нибудь драму, обнажающую пороки общества и власти.

Но, бесспорно, самым сильным чувством, вызывающим желание писать стихи, является любовь. Уже, кажется, все написали про нее за тысячи лет, и нет ничего такого, что выглядело бы оригинальным, а все равно про любовь пишут, пишут, пишут...

Но вот стихи написаны, перепечатаны на пишущей машинке под копирку в пяти экземплярах. Что дальше? Куда их нести? Кому

доверить сокровенное? С кем поделиться болью или радостью? Это директора спиртзавода чествуют и понимают при жизни. А поэт, для лучшего понимания, должен сперва умереть. И лучше, если трагически. При жизни кому поэт нужен? Разве что таким же, как и сам, поэтам, которые выслушают и доброе слово скажут.

Так появляются творческие объединения из сочиняющих стихи и прозу. Им вместе становится хорошо, весело, и нет в России такого уголка, где не существовало бы подобное сообщество. Возьмите какой-нибудь российский городок, наугад, поезжайте туда и обязательно встретите там поэтов, собирающихся раз в неделю, читающих друг другу стихи, поющих под гитару и обсуждающих состояние поэзии.

– А чего это все возятся с Бродским? Есть ведь поэты покрепче, – утверждает уверенно один из участников литвстречи.

– Кто же это, «покрепче»? – с укором спрашивает другой.

– Тот же Коля Рубцов, Царство ему Небесное, пожалуй, посильнее писал, – отвечает первый.

– Зачем же их лбами сталкивать? И тот наш, и этот наш, – старается аргументировать третий участник.

– Вот именно, «ваш», а Коля все-таки наш, – спокойно, чуть даже распевно, с характерным *оканьем*, заканчивает спор первый. После этого переходят к другой теме.

Но если даже в каждом заштатном городке есть поэты, то что говорить о древней тверской земле, столь восприимчивой ко всякого рода душевным проявлениям, вдоль и поперек изъезженной известными поэтами, писателями, музыкантами и другими творческими личностями. Да что другими – самим Александром Сергеевичем Пушкиным! Всего лишь два века назад, и даже меньше того. Да здесь, в этих чудных местах, на берегах Волги или Тверцы, просто невозможно не писать стихи. Тут живешь и сам не замечаешь, как стал поэтом. Вот отчего захотелось проникнуть в эту неведомую мне поэтическую среду именно на тверской земле, причем непременно в Торжке, где, мне кажется, мог бы находиться один из центров современного российского стихосложения.

Возьмите «Новоторжский вестник» и увидите, что нет номера, в котором бы не было стихов. И каких! Вот, например, накануне дня рождения А.С.Пушкина коллектив Высоковского филиала САО «Росгосстрах-Тверь» поздравляет Нину Алексеевну Ершову из деревни Тредубье:

*Что пожелать тебе нам в этот день?
Работа есть, забот хватает.
Пусть всех невзгод косая тень
Тебя совсем не задевает.
И пожелать хотим еще
Здоровья крепкого, удачи,
Улыбок радостных вокруг
И счастья в жизни – не иначе.
Быть выше мелочных обид
И, даже если будет больно,
Всегда стараться делать вид,
Что в жизни всем всегда довольна.*

Искал я на очень подробной карте Тредубье, где живет Нина Алексеевна, все глаза проглядел да так этого села и не нашел. Представляете, села на карте не найти, а стихи – вон какие!

Но то было поздравление от коллектива, официальное. А рядом с ним – частное, сугубо личное: сын, сноха и внуки поздравляют Полину Федотовну Дормидонтову из села Арпачево:

*Дорогая мама!
Желаем радости и счастья,
Здоровья крепкого – вдвойне.
Желаем самого простого –
Пожить подольше на земле.*

А ну, попробуйте отыскать на карте Арпачево!

Так вот, сколько бы номеров главной торжокской газеты я ни просматривал, почти в каждом – стихи.

Конечно, какой-нибудь эстет упрекнет меня, мол, это не настоящая поэзия, а стихоплётство, призовет не путать божий дар с яичницей и тому подобное... А мне такие стихи нравятся! И тем, кому они адресованы, – тоже. Помню, в конце семидесятых я некоторое время работал плотником-бетонщиком в каком-то поселке под Сургутом, так, поверьте, яичница там была божьим даром!..

Известный поэт сказал однажды о себе и товарищах по цеху: *«Поэт в России – больше, чем поэт»*. Не станем спорить. Скорее всего, это действительно так. Но задать бы вопрос: *«А кто у нас, в России, не поэт?»* И выяснится, что непозетов у нас нет. Уж на что Сталин был извергом, а тоже баловался. Хрущева как-то спросили, писал ли Сталин стихи, и Никита Сергеевич, как всегда, не задумываясь, ответил: *«Писал, писал! И триппером болел!..»*

Итак, из Училища художественной вышивки я направился к стоящему неподалеку пятиэтажному общежитию, на встречу с торжокскими поэтами.

Литобъединение «Тверца» занимает комнату на четвертом этаже. Само общежитие описывать не стану, потому что каждый может себе представить, что значит у нас «жить сообща». Бросились в глаза только дико орущие дети разного возраста, сносимые со всех этажей на первый полиэтиленовые мешки с мусором да еще пожилая вахтерша посреди всего этого. Комната литобъединения тоже ничего необычного не представляет. Простые коричневатого цвета обои, такая же обычная, из четырех лампочек, люстра, при этом одна из лампочек не горит. На одной стене висят три небольших портрета: в центре – Пушкин, слева от него – Есенин, справа – Блок. Рядом – несколько акварелей с видами Торжка. Стена напротив увешана неким подобием стенгазеты, со стихами, шуточными посвящениями и рисунками, содержание которых я, к сожалению, не припомню. Но по названию стенгазеты – «Копытом Пегасов!» – можно предположить, что она имеет отношение к литературной критике. На этой же стене висит живописный портрет Высоцкого с гитарой и пробегающим у него за спиной табуном воспетых им лошадей. Посреди

комнаты – большой квадратный стол, за которым уже собрались поэты. На столе, покрытом цветастой полиэтиленовой скатертью, – самовар, чашки и блюда, сахарный песок, на двух тарелках аккуратно уложены крупно нарезанные помидоры и огурцы; кроме того, на столе печенье, сухари, конфеты-карамель, несколько сортов варенья и еще пирог, испеченный специально к нашей встрече. Кто-то принес большую кастрюлю с только что приготовленным пловом, правда несколько необычным, так как вместо кусочков мяса поверх горки риса лежала неестественно большая куриная нога. Сразу же оговорюсь, что за время нашей беседы никто к этой еде не притронулся. Поэты не пили даже чай.

– Вот закончим работать, – сказал строго руководитель объединения, обращаясь к коллегам, – тогда пожалуйста.

И все согласились.

После знакомства с участниками встречи я сообщил о намерении поближе познакомиться с жизнью и творчеством поэтов российской провинции, попросил рассказать о том, что движет ими при написании стихов, и, вообще, предложил душевно поговорить.

Кроме того, я сказал торжокским литераторам, что хочу написать статью в центральную газету.

— У вас, — сообщил я, — не должно быть секретов от читателей, которые хотят знать, что движет сегодня творческими людьми, в частности поэтами, о чем они думают, откуда черпают вдохновение, и вообще, чем живут.

Первой, к кому я обратился, оказалась Людмила Павловна Толмачева. Она уже на пенсии. До этого тридцать пять лет проработала в туберкулезном санатории, где было не до стихов. В Торжок приехала из Таджикистана, и здесь, на тверской земле, ее так тепло приняли, что «как-то рифмы сами стали посещать». До этого она никогда не то что стихов, двух слов зарифмовать не могла, двух строчек сочинить, а сюда попала — и, как она говорит, «полилось, полилось...». Уже около пятидесяти стихов написала!

— Как получается? По-разному. Вот вы сегодня были на празднике и в разговоре с людьми назвали наш Торжок «жемчужиной тверского края». Я там была, услышала, и у меня сразу все в душе зашевелилось, завертелось и...

– Я назвал?! – недоуменно прервал я рассказ поэтессы.
– Вы! Вы! Так и сказали: *«жемчужина тверского края»*.
– Да я такого не говорил... Как я мог такое сказать? В моем «словаре» и слов-то таких нет. (И ведь, правда, нет!)
– Как же не говорили, когда сказали, – настаивала Людмила Павловна. – У меня все записано в блокноте. Дословно. И эти ваши слова послужили толчком к стихотворению. Послушайте.
И Людмила Павловна, очень выразительно, с нескрываемой радостью и блеском в глазах, прочитала стихотворение:

*Торжок – необычайная земля,
Жемчужина тверского края.
Чудесна в Василёве радуга была,
Из песен и умельцев восхищая.
На празднике дух Пушкина витал,
Его бессмертье утверждая,
Народ в восторге ликовал,
Сердца и души наслаждая.*

– Ну как? – добродушно посмотрела мне в глаза Людмила Павловна.

– Очень хорошо, только вот никак не вспомню, чтобы я так говорил, – ответил я, все еще недоумевая.

– Ну тогда откуда я могла такое взять? – чуть посерьезнела моя собеседница. – Или вы, может, не согласны, что Торжок – *жемчужина тверского края*?

– Да что вы, конечно согласен, – быстро ответил я.

– А раз согласны – значит, говорили, – улыбаясь, заключила Людмила Павловна, и вопрос об источнике вдохновения был закрыт.

«А может, действительно я сказал что-нибудь в этом роде? Мало ли чего можно наговорить в перевозбужденном состоянии. Вот ведь: сказал и забыл, а чуткий слух поэта мои слова не пропустил», – с этими приятными мыслями я обратился к другому торжокскому поэту, Василию Рысенкову.

Это имя известно в творческой среде Торжка, потому что Василий, как и его брат Михаил, часто публикует свои стихи в местной газете. Кроме того, братья-близнецы – постоянные участники литературных встреч, на которых читают стихи, а Михаил их еще и поет. Родились братья в 1966 году. Вместе учились в школе села Берново Старицкого района Тверской области, а в тех местах до сегодняшнего дня живут рассказы и легенды о приездах А.С.Пушкина, передаваемые от поколения к поколению.

И конечно же, эти легенды сопровождали детство будущих поэтов. Вероятно, отсюда многие мотивы их творчества. Оба закончили Тверской сельскохозяйственный институт и получили специальность агронома. Но если Михаил с деревней не расстался, став фермером, то Василий свою жизнь изменил круто. Он уже три года преподает литературу в Торжокском политехническом колледже. На мой вопрос о том, что он читает, Василий ответил, что помимо классики, которую перечитывает по роду деятельности, читает в основном литературу Серебряного века, в частности, так называемое *новокрестьянское* направление, то, что сейчас совсем не в моде. По словам Василия, он прочитал все, что только было у нас издано.

– Вот недавно, – рассказывает Василий, – прочел Клычкова «Князь мира» и «Чертухинский балакирь». Замечательные, оригинальные вещи, и вообще, это направление стоит особняком в нашей русской литературе. Мало исследований, имена почти забыты. Кто сейчас помнит Сергея Антоновича Клычкова? Его читать без

словаря обычный человек уже не сможет, а мне все, о чем он пишет, близко и интересно. Но говорить мне вам об этом трудно, потому что вы этой литературы не читали, – не упустил возможности пристыдить меня Василий, после чего продолжил:

– Клычков – крестьянский писатель, а крестьянство у нас ликвидировано и как класс, и как состояние души. Вместе с этим уничтожена и вся крестьянская культура. Как ее поднять? И как понять, если даже понимать некому? У меня, видимо, в генах что-то крестьянское сохранилось. «Серебряный век» одно время был в моде, но и тогда крестьянское направление осталось незамеченным. А ведь там есть интереснейший поэт – Клюев. Он был одним из самых образованных людей своего времени, а изображал эдакого полуграмотного простачка «из народа». Сам же знал несколько языков... Давайте я лучше прочту что-нибудь из своего нового, хотя после Людмилы Павловны это непросто.

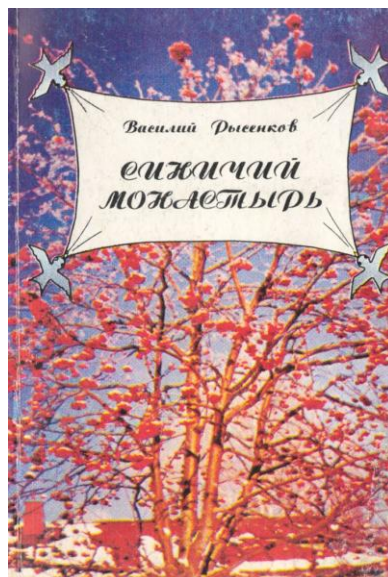
Выдержав паузу, Василий прочел свое новое стихотворение:

*Глотать этот воздух, привычный, свой, –
Последняя божья милость.
Пусть солнце отрубленной головой
С небесной плахи скатилось.
И кажется: нет никакой судьбы
За тысячей лет, я знаю,
Лежит неподвижный тяжелый быт
И мягкая тьма ночная.
Есть радость измученных за день рук,
И мятный вечерний ветер,
И сети, что в травах плетет паук, –
Росисто-искристые сети.
Все это так странно и так старо,
Как детство, как печь и выюга.
В крушинной тиши заблудился народ
И бродит впотьмах по кругу.
И ловит былую мечту легко,
Векам поднимая веки,
За душной агонией огоньков*

*Немыслимой дискотеки.
Звезда упадет. Зазвонит ведро.
И птица вскричит ночная.
В трех старых соснах заблудился народ,
А выход лишь небо знает.*

После этих грустных стихов вновь наступила пауза...

Затем разговор продолжил Николай Богомолов. Ему сорок лет, родился в Волгограде, сейчас работает младшим инспектором (охраняет больницу) и учится заочно в Московском юридическом институте. Вопросы моих очень смущаются и, вообще, он человек тихий, робкий, слова из него не вытянешь. Лучше, говорит, прочту несколько коротких стихов. Вот одно из них:

*Что в этом мире для всех для нас
главное:
Деньги? женитьба? работа? покой?
Бьёт родничок своей долюшкой славною,
Чтобы разлиться рекой.
В вечной погоне за благом – “избранники”,
Грезится суетным мнимый покой,
А где-то рядом есть странные странники:
Грудь они крестят счастливой рукой.
Может, им чудится тайна заветная...
Многими тайнами славится Русь.
Слышится музыка светлая, светлая,
К звукам небесным всем сердцем влекусь!..*

– Все-таки зачем вы, Николай, пишете стихи? Что вас, младшего инспектора охраны госучреждения и будущего юриста, подвигает на такое лирическое сочинительство? – спросил я поэта.

Николай призадумался.

– Ну, как сказать... Среди такой прозы живем... Есть стремление к чему-то высокому. Мы ведь с чем сталкиваемся? С нелюбимой работой, с неудобствами в жизни, с грубостью и хамством, да что перечислять... Я получаю удовольствие от того, что пишу стихи, и таким образом вовлекаюсь во что-то высокое...

Следующим, к кому я обратился, был торжокский поэт Николай Алексеевич Матвеев.

– Я прочту стихотворение, которое называется «Прутня». Вы же знаете, что у нас здесь, неподалеку, в Прутне, есть церквушка, а рядом похоронена Анна Петровна Керн. *(Николай Алексеевич произнес: «Кэрн» – авт.)* Я там, конечно, бывал неоднократно, и как-то у меня само собою родилось такое стихотворение:

*Надгробный камень на могиле,
На нем бессмертные слова
Вы написали Анне милой,
Когда она была жива.
То, чем сердце трепетало,
Хранили от молвы людской.
И Прутня над Тверцою встала
Утратой горькою такой.*

– О какой это вы «горькой утрате»? Она ведь умерла спустя много лет после смерти Пушкина? – попытался выяснить я причину поэтической грусти.

– Как «о какой утрате»? Пушкин сказал о Кэрн: «*гений чистой красоты*». А какие письма ей писал! В них столько искренней любви, а тут – её могила, ушедший от нас мир пушкинских чувств... Очень грустно становится, когда там побываешь...

Николай Алексеевич пенсионер, но продолжает работать, инженером на автотранспортном предприятии. В отличие от присутствующих, он в пиджаке и при галстуке. В мир поэзии пришел из Вооруженных сил, которым отдал многие годы. Кроме Пушкина, любит Льва Толстого. Когда приходит вдохновение и есть свободное

время, Николай Алексеевич пишет стихи, и некоторые из них даже опубликованы в поэтических сборниках.

Коллега Николая Алексеевича по творческому цеху – Владимир Целунов – просто взял гитару и спел песню, сочиненную, как он выразился, «одной женщиной».

*Жизнь пролетает, как лето,
И накануне зимы
Я, холодея, вспомню про этот
День, когда встретились мы.
Мир этот тайный, чудесный,
Каждая встреча, как знак.
Волею божьей – жизнь это песня,
Как пропоешь ее, как?*

Действительно, как? Как торжокские поэты пишут стихи и где они их пишут?

Вот что ответила Наталья Смехачева:

– Стихи пишутся везде: по дороге в школу, из школы, иногда даже на уроке.

Наталья – учитель истории в Училище художественной вышивки, где мы уже побывали. Родилась и выросла в Торжке. Окончила Тверской университет. Живет в небольшой типовой двухкомнатной квартире с двумя дочерьми (одна из них, Марина, присутствует здесь же) и бабушкой, которой девяносто два!

– Как, «на уроке»? – удивился я. – Сидят ученики, учительница рассказывает о вторжении Тохтамыша или о каком-нибудь восстании... и вдруг – у нее родились стихи.

– Да! Бывает и так.

– Вы учеников сразу же отпускаете на перемену?

– Бывает, что ждешь конца урока, а иной раз ученики говорят: «Наталья Алексеевна, вы запишите строчку, а мы тут тихонько посидим...»

– То есть идут навстречу... А как реагирует директор? – любопытствовал я.

– Так ведь у нас школа не простая. У нас Училище золотного шитья. Любое творчество приветствуется.

Далее я продолжил очень нелюбимую поэтами тему материального существования и даже, набравшись смелости, спросил, что поэты едят по утрам, когда собираются на работу.

Наталья глубоко вздохнула:

– Второй ставки в этом году в училище нет. Придется её искать в другом месте, а это значит – будет беготня. Чтобы зарабатывать триста сорок тысяч в месяц, надо отработать семьсот двадцать часов в год, а у меня получается только пятьсот.³ Просыпаюсь в шесть утра, без будильника. Ухожу раньше всех на работу, потому что в училище надо быть к восьми часам. Выхожу в семь, чтобы добраться. До училища минут сорок пешком...

– А почему пешком?

– Потому что в автобус можно и не сесть. Он битком набит. А иногда потому, что карман пустой. Бывает, и этой тысячи нет. Тысяча туда, тысяча обратно... В месяц набегает много. Лучше уж пешком. А что едим? Макароны, картошка, каша, молоко. Мясо, скажем прямо, бывает редко. Дом наш держится на всех понемногу. Моя бабушка получает пенсию, мама практически тоже с нами живет, только ночевать уходит к себе, а иногда и у нас остается. В доме – одни женщины. Так и живем, еще и стихи пишем. Это же потрясающая вещь! Утром иногда завтракаю, иногда нет, выбегаю из подъезда и по дороге что-нибудь вслух произнесу. Фета, например: *«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...»* – все! У меня потом целый день хорошее настроение. Я себя стихами защищаю.

– Какие мечты? Планы? – спросил я Наталью.

– Что касается меня... Мне сорок три, так что уже «мечтов» нет никаких.

– Как, в сорок три года и не иметь мечты! – удивился я.

³ В 1998 году столь желанные преподавателю истории 340 тысяч рублей эквивалентны нынешним 1 800 рублям.

– С такой зарплатой какие мечты? Надо детей как-то выучить, хоть что-то им дать.

– Покупаете ли книги?

– На книги денег не хватает. Но если появляются, то одежде и туфлям я предпочитаю книги. Отказать себе не могу, особенно если это стихи, да к тому же хорошо изданы. Что поделаешь, чудаки мы, наверно.

– Наверно, – согласился я.

Спустя некоторое время после беседы, Наталья Смехачева, по моей просьбе, прислала автобиографическую записку и стихотворение «Первое сентября»:

«Люблю писать сказки, легенды, баллады в стихах. Люблю русскую классику, поэзию “Серебряного века”, ирано-таджикскую поэзию (особенно нравится поэма Фирдоуси “Шахнаме”), китайскую древнюю и средневековую поэзию (Ли Бо, Ду Фу, Су Ши, особенно нравится Гао Ци), люблю музыку, зиму, осень и дождь, Тверцу во все времена года, свою школу, своих учениц,

друзей, люблю книги и долгие прогулки, колокольный звон в утренней тишине...

...Я богатый человек – у меня есть две дочери и мама, есть бабушка, есть стихи, наше поэтическое братство, есть город Торжок, на который до сих пор не могу наглядеться, хрустальные лесные родники и синие стрекозы, для меня до сих пор живы мои отец и дед, солнечная деревня на краю ржаного поля...»

*Бросил август в холодных росах
Перламутровый плащ тумана,
И мерцает светло и странно
Серебристый медовый воздух.
Грустью русских далеких былей
Монастырь над Тверцою зябнет.
Золоченость церковных шпилей
Над улыбками сонных яблонь.
Пахнет утро зеленым луком,
Георгинами и помадой.
Мы, смеясь, бежим друг за другом
Облетающим, мокрым садом.
Невесомость речей, одежды,
Церемонность больших букетов...
А с этюдов сияет лето
Солнцем, юностью и надеждой!..*

«Юность и надежда» – это прежде всего две дочери. Одна из них, восемнадцатилетняя Марина, довольно стеснительная, сидит рядом. Она в белой шелковой блузке, в ушах – большие, со множеством камешков, серьги, а еще большое кольцо на шее, как это носят топ-модели на подиуме. Только у моделей украшения настоящие и дорогостоящие.

Марина, как следует из рассказа ее мамы, тоже пишет стихи. Некоторые из них были опубликованы в тверских журналах и даже в одном московском. Кроме того, Марина играет в рок-ансамбле на клавишных и изучает английский язык, надеясь в будущем найти хорошую работу. Ее любимый писатель Михаил Булгаков, а поэт –

Николай Гумилев. Несмотря на молодость и то, что ее мама столь жизнерадостна, Марина выглядит грустной, даже печальной. На вопрос – почему? – ответила: «Жить неинтересно. Нет ничего настоящего, на чем стоит остановиться. Отсюда и стихи такие».

*Я не знаю, что такое лето,
Ты не знаешь, что такое счастье.
Плавятся над городом рассветы,
Разрывая душу мне на части.
Плавятся над городом рассветы,
Ночь уходит мягкими шагами.
Каплями дождя текут ответы
На вопросы, заданные нами.
Каплями дождя текут ответы,
Отражаясь в зеркале Фортуны.
И вдали, за радугою где-то,
Нам звучат серебряные струны.
И вдали, за радугою где-то,
Места нет обману и ненастью.
Я не знаю, что такое лето.
Ты не знаешь, что такое счастье.*

Такие же печальные и другие стихи Марины.

Еще одна поэтесса – Татьяна Большакова. Она родилась в 1946 году, и детство провела на Крайнем Севере, где тогда работали ее родители. Много ездила по стране: северная Обь, верховья Камы, Кузбасс, Подмосковье... Работала наборщиком и печатником в небольших районных типографиях, литсотрудником в районной газете, сельским библиотекарем, ткачихой и даже служила в армии. Татьяна Павловна закончила Литературный институт им. Горького. Печаталась в газетах, альманахах, сборниках. Сейчас работает в музее.

– Люблю много ездить, особенно в деревни, ведь каждая поездка дарит интересных людей, судьбы которых входят в мои стихи. Почти все стихи написаны от первого лица, каждое имеет

прототип, а то и несколько. Но главная тема – извечная женская доля: нянчить, провожать, ждать...

Но стихи, которые Татьяна Павловна прочитала, оказались не про «женскую долю».

*На восход Ярилы молились.
Жили весело и убого.
И – своих богов не хватило –
поклонились чужому Богу.*

*Он явился, раскинув руки,
словно сразу всех обнимая:
и за вас, мол, Я принял муки,
и земля Мне – ваша – родная...*

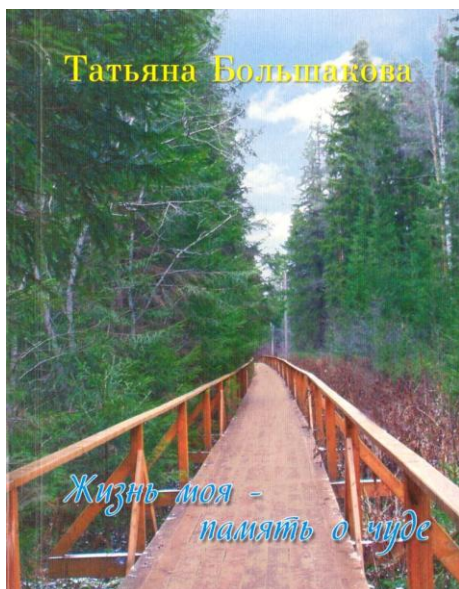
*Жили весело и убого.
Светлоглазы, легки, упрямы.
Чтоб не мерз – чай, южанин! –
Богу возводили хоромы-храмы.*

*Налетали с востока орды
и с заката – в латах крыжатых.
Гибли люди в огне без счета.
Вместе с ними горел Распятый.*

*Но – сквозь пепел – весенней вестью –
светлоглазы, легки, упрямы –
поднимали грады и веси,
начиная с Божьего храма.*

Татьяна Павловна коротко пострижена, на лице нет макияжа, одета в темно-синее с ромашками ситцевое платье, на плечах белый искусно выстроченный платок, серьги из янтаря и такие же янтарные бусы.

– Что значит для вас религия? И как вы считаете, Россия религиозная страна или все же атеистическая? – спросил я Татьяну Павловну.

– Один умный человек сказал: религия – это когда вера человека соединяется с его делами. Россия очень религиозная страна. Я работаю в музее, и у меня есть возможность ездить с этнографами по деревням, видаться и разговаривать с разными людьми. И тогда чувствуешь, что корни наши в глубокой религиозности. Христианство пришло к нам не на пустое место. У нас уже была религия, и она была светлой – потому-то Русь и приняла именно христианство. Сейчас

люди многое забыли, но все же тянутся к Богу. Посмотрите, у нас в Торжке две церкви восстановлены руками людей, на свои деньги. Это наша Дальняя Троица и церковь Иоанна Богослова на Богословском кладбище. И если бы в свое время женщины, далеко не молодые, не взялись восстанавливать эту церковь, у нас бы сейчас и монастыря в городе не было. Ведь монастырь возник потому, что основа его уже была, и монахам было куда прийти. Торжок наш стоит на очень намоленном месте. У нас из раскопок достают древние предметы XV, XIV, даже XII веков, и, когда к ним прикасаешься, чувствуешь тепло, вложенное теми, кто их создавал, кто ими пользовался. Это не исчезает бесследно – передается нам. По предмету чувствуешь, какой человек его делал.

– И я смогу почувствовать? – с сомнением спросил я.

– Не бывает таких, кто не почувствует... – голос Татьяны Павловны тихий, мягкий, певучий, совсем без напряжения.

– У нас в Торжке какое-то особенное соединение жизни и смерти, единство и близость живых с теми, кто от нас ушел. Это то, что в христианстве называется «жизнь после смерти». В нас живет

память многих поколений. В ком-то звучит громче, в ком-то – тише или пока молчит, но она есть. А ведь здесь еще и староверы имеются, те самые, с никоновских времен. Когда-то монастыри окружали Торжок, словно крепости. На восьми основных дорогах, проходящих через город, стояли восемь монастырей. Они были разобраны во время литовского нашествия. А вот Борисоглебский устоял и сейчас – в центре города.

– Ну а монахи, которые там живут, по сторонам не глядят? Ведь здесь столько всего... Соблазны, искушения...

– А им некогда. Они работают. Восстанавливают монастырь день и ночь. Работают руками, потому что монастырь очень старый, и если по совести, то надо строить новый. Но как, если каждый кирпичик – памятник и история. Ведь Борисоглебский монастырь ровесник Киево-Печерской лавре и Новгородскому Юрьевскому монастырю.

– Как по-вашему, Пушкин был религиозным? Успел открыть для себя Христа?

– Нам надо его внимательнее читать, и тогда такого вопроса не возникнет. Христос для Пушкина существовал всегда. Та вера, которая была в свое время преподана ребенку-Пушкину, была затем проверена уже взрослым человеком. В его произведениях, в письмах чувствуется глубокая религиозность. Если решал он что-то в своих религиозных поисках, то окончательно нашел после создания «Бориса Годунова». Помните, как он ликовал, окончив трагедию? И если у кого вопрос об отношении Пушкина к Христу возникает, то надо сто раз перечитать, как он прожил свои последние часы, как умирал, как прощался с женой, с детьми, с друзьями, с миром...

После этих слов Татьяна Павловна замолчала, словно ушла в себя. Затихли и остальные, видимо, мысленно перенеслись в последние январские дни 1837 года в Санкт-Петербург, на Мойку 12, где, окруженный ближайшими друзьями, умирал смертельно раненый Пушкин...

Из письма П.А.Вяземского к А.Я.Булгакову: «Данзас, желая вывести, в каких чувствах умирает он к Геккерну, спросил его: не поручит ли он ему чего-нибудь в случае смерти касательно Геккерна? *“Требую, – отвечал он ему, – чтобы ты не мстил за мою смерть, прощаю ему и хочу умереть христианином”*».

Бывшие же с Ним, видя, к чему идет дело, сказали Ему: Господи! не ударить ли нам мечом? И один из них ударил раба первосвященникова, и отсек ему правое ухо. Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его. Лк.: 22.50-51.

Из письма Жуковского к Л.С.Пушкину: «Он мучился менее от боли, нежели от чрезмерной тоски: *“Ах! какая тоска! – иногда восклицал он, закидывая руки за голову. – Сердце изнывает!”*»

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. Мф.: 26.38.

В.И.Даль: «Пушкин положительно отвергал утешения наши и на слова мои: “Все мы надеемся, не отчаивайся и ты!” – отвечал: *“Нет; мне здесь не житье; я умру, да видно уж так и надо!”*»

Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты. Мф.: 26.39.

Из письма А.И.Тургенева к А.И.Нефедьевой: «Теперь я опять входил к нему; он страдает, повторяя: *“Боже мой, боже мой! Что это!”* Сжимает кулаки в конвульсии».

Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? Мф.: 27.46.

И.Т.Спасский: «Незадолго до смерти ему захотелось морошки. Наскоро послали за этой ягодой. Он с большим нетерпением ее ожидал и несколько раз повторял: *“Морошки, морошки”*. Наконец, привезли морошку. *“Позовите жену, – сказал, – пусть она меня накормит”*. Он съел две-три ягодки, проглотил несколько ложечек соку морошки, сказал: *“Довольно”* и отослал жену...»

И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить. Мф.: 27.48.

В.И.Даль: «Я, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше. Он, вдруг, будто проснувшись, быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: *“Кончена жизнь”*. Я не дослышал и спросил тихо: *“Что кончено?”* – *“Жизнь кончена”*, ответил он внятно и положительно».

...совершилось! И, преклонив главу, предал дух. Ин.: 19.30.

Жуковский: «Минуты через две я спросил: *“Что он?”* – *“Кончилось”*, – отвечал мне Даль. Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умирительной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне хотелось у него спросить: *“Что видишь,*

друг?” И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самое смерть, божественно тайную, смерть без покрывала».

И еще одно воспоминание В.И.Даля: «Пушкин заставил всех присутствующих сдружиться с смертью, так спокойно он ожидал ее, так твердо был уверен, что последний час его ударил. Плетнев говорил: “Глядя на Пушкина, я в первый раз не боюсь смерти”».

Вернемся, после этих трагических, скорбных, но все же торжественных в своем величии часов и минут, обратно в Торжок, к нашим поэтам, за их гостеприимный стол.

Среди них своей внешностью выделяется Татьяна Мchedlishvili. Она – грузинка. Я спросил у нее о национализме: есть ли таковой в Торжке и если да, то в чем он выражается? Не беспокоят ли ее из-за внешности?

– Всю жизнь беспокоят... Наверное, так народ наш устроен. Не нравится ему моя внешность. В Грузии я почти не была. Только в детстве. Мы прожили там лишь полгода. Нас не приняли родственники, из-за того что мама у меня русская. С тех пор мы живем в Торжке. Но и здесь я часто сталкивалась с оскорбительным отношением к своей фамилии, к внешности. Это было и в школе, и в институте. Сейчас здесь вроде много лиц, как о нас говорят – «кавказской национальности», но все равно я испытываю на себе особое отношение. И в автобусе, и в магазине, и в больнице...

Вот стихотворение Татьяны – «Русская душа»:

*Грузинская фамилия.
Лицом в отца пошла.
Но родилась в России я.
Я – русская душа!*

*Хлеба кивают колосом
В моем родном краю.
Пою я – русским голосом
Про родину мою!*

*Нарушен ритм обычности, –
И, как кошмарный сон,
Людей кавказской личности
С земли российской – вон!*

*Куда же, братцы, милые,
Не зная языка?
Да разве у России
Поднимется рука?*

*Я уважаю Грузию,
Где даже есть родня.
Но там за душу русскую
Все проклянут меня!*

*Так, может, мне – в Америку?
Там принимают всех.
Да, у меня истерика –
Так не вводите ж в грех!*

*Кацап грузинской внешности,
Кто даст тебе приют?
России – не до нежности,
И в Грузии – не ждут.*

– Может, Татьяна, это какая-то мнительность?

– Какая же это мнительность. Прямо так и говорят. Еду в автобусе, а меня спрашивают: «Ты кто? Армянка?» Это когда была война в Нагорном Карабахе. Кажется, хотят выкинуть из автобуса. Или в больнице спрашивают: «Ты кто такая? Зачем сюда пришла?» Стою в гардеробе, хочу взять пальто, подаю номерок, а они мою руку отшвыривают и обслуживают других. Я оторопела, думаю, случайно, спрашиваю: «Почему вы не берете мой номерок?» А мне: «Езжай туда к себе и там возмущайся». Вот как! Мой отец уже умер, но я помню, сколько раз он приходил со слезами на глазах от того, что его оскорбляли, унижали, называли спекулянтом... Я себя в душе считаю истинно русской, по-грузински даже разговаривать не умею. Но в моих жилах течет и грузинская кровь, и, когда я смотрю грузинские танцы, слушаю песни – мне хочется запеть, но... я не знаю языка.

– Радуйтесь, что вы не негр, – как мог, успокаивал я Татьяну и вспомнил, как недавно встретил в Москве на одной из бензоколонок чернокожего парня, который там подрабатывал.

Он родом из Сенегала и был даже не черным, а, скорее, синим. Работал расторопно, добросовестно, был вежлив. По-русски говорил хорошо, и я спросил, не достают ли его наши люди? Парень ответил, что отношение к нему просто невыносимое. Такого, говорит, он нигде не встречал: оскорбляют, стараются унижить, посмеиваются, бывает, швыряют деньги прямо на землю... Но что поделаешь, он учится в институте, а денег на жизнь не хватает. Хозяин заправочной станции, как мне объяснили, большой любитель экзотики и с

удовольствием принял на работу чернокожего для привлечения клиентов. И действительно, как показала практика, клиентов прибавилось. Оказывается, среди нас много таких, которые любят, чтобы их обслуживали негры. У наших людей, вдруг, обнаруживается какая-то особая гордость за себя лично и за всю белую расу, преимущество которой они в этот момент ощущают. Так почему бы за те же деньги, что тратишь на других заправочных, не получить еще и удовольствие? Не случайно, у входа в некоторые московские рестораны и гостиницы стоят именно темнокожие. Мелочь, а нашему человеку приятно. И это в Москве, где, кажется, ко всему привыкли. А попади такой темнокожий в глубинку, в тот же Торжок...

Бывает, вдруг, человек захочет ощутить себя русским, украинцем или грузином. Не просто так, что называется, по паспорту, а в полном смысле этого слова. Вот как, например, Татьяне Мchedlishvili иной раз хочется по-грузински запеть. (*Голос песен*

грузинских приятен.) Ну так пой, если умеешь! Подбери песню, сочини, наконец, и спой. Или станцуй! Да так, чтобы не только твой, но и другие народы прислушались, присмотрелись и разделили твою любовь. Поймут песню или танец – поймут и всё остальное. Или, если ты украинец, что мешает идти по пути Тараса Шевченко?.. Но нет. Песни, танца или стиха здесь, оказывается, недостаточно.

А что мы, русские? Сколько раз на дню слышим: «великая страна», «мировая держава»... Чем подкрепляем мы эти самонадеянные и обольстительные словосочетания? Количеством боеголовок? Бескрайней, но уже сужающейся территорией? Историей нашей, в коей, действительно, много великого? Или воинственными предками, которые, жертвуя миллионами жизней, оставили непутевым своим потомкам могучее государство? А может, масштабами своих бед, которым и в самом деле трудно подыскать аналог? Почему же национальное самоутверждение человека или даже целого народа так часто происходит за счет унижения, оскорбления, растаптывания других? Почему на, казалось бы, очевидный вопрос до сих пор нет ответа, хотя уже тысячи лет об этом говорят, над этим думают, к этому равенству призывают мировые религии и мировые культуры? Отчего вновь и вновь заводится в человеке этот позорный червь ненависти, почему разъедает изнутри и не дает сосуществовать с *не такими*, как сам?

Скорее всего, от собственного ничтожества и дикости.

А если представить, что этот унижаемый и оскорбляемый сенегальский паренек чем-то привлечет русскую девушку, ту же кассиршу из автозаправочной (случается ведь подобное, и нередко!), они пожениятся, затем появится на свет симпатичный ребенок, уже не совсем черный, а спустя двадцать лет и у него в свою очередь тоже будет ребенок, и вообразите, что он может оказаться талантливым, а то и вовсе гениальным, и, как знать, вдруг он нам такое выдаст, такое оставит после себя, что и спустя столетия потомки наши будут им восторгаться и называть нашим национальным достоянием. Или уже не было этого с нами?

«Смуглое лицо, африканские губы, белые крупные зубы, блестящие бакенбарды, мелкие кудри, темные глаза под высоким лбом...» – узнаете?!

*А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий...*

Назовите, кто за всю историю нашу был более русским, чем он?! Кто еще сумел так выразить нас и так за всех нас, русских, сказать?!

Так кого же мы унижаем и оскорбляем? Кого гоним и почему так легко идем против рожна?

И вот здесь, в Торжке, за гостеприимным столом собрались поэты, и среди них – русская грузинка Татьяна. Ее самое светлое воспоминание – детство: три счастливых года, которые она провела в русской деревне Сорокино у «единственной и любимой» бабушки. И сегодняшние переживания Татьяны, ее бесконечные тревоги и печаль, как это бывает не только у поэтов, вызывают тоску и удивительные мечтания об ушедшем прошлом. Впрочем, для нее не ушедшем.

*Снова память вернет дорогу мне в старый дом.
Загорелое, босоное детство в нем.
Где котенок на солнце жмурится, грея бок.
Где вприпрыжку спешу на улицу, за порог.
Там, с глазами небесно-чистыми ото льна
И с колосьями золотистыми, есть Страна.
А в речушке волна изристая бьет хитро.
Из-под ног уплывает быстрое серебро.
И вкусны караваи хлебные из печи,
И блины золотисто-медные горячи.
Мед пчелиный – смолой яичною на столе...
Все там сказочно-необычное – в той Стране.*

Кто из нас хотя бы на миг не «убегал» в эту солнечную Страну от окружающих напастей? Кто не вспоминает при этом глаза своей бабушки – мудрой и доброй феи нашего детства, хранительницы духовной чистоты и добрых нравов, нередко единственной защитницы нашей, способной понять, выслушать, приласкать? Кому, как не своей бабушке, мы жаловались на то, что нам плохо, тревожно, неудобно? Перед кем еще мы так игриво хвастались и задавались, понимая, что бабушкам нашим и этого будет недостаточно – так глубока, беззаветна и даже эгоистична их любовь к нам. И ведь нашим бабушкам ничего не надо было от нас взамен. Ничего! Только бы мы были сыты, тепло одеты да не уходили далеко от дома. Вот и маленький Саша Пушкин, когда взрослые своими настойчивыми требованиями допекали и терпению приходил конец, убегал к бабушке – Марии Александровне Ганнибал. А домик няни в Михайловском или имение П.А.Осиповой-Вульф в Тригорском – не есть ли та самая Страна, где всегда ждали близкие сердцу люди и куда так стремился спрятаться беспокойный Пушкин?

Счастлив тот, кто сохранил для себя такую Страну, пусть в мечтах, в воспоминаниях, а с возрастом, увы, еще и в дорогих сердцу могилах, которые не каждый день навещаешь и о которых не всякий час думаешь...

Последним из поэтов заговорил руководитель объединения «Тверца» Василий Миронов, которого я, по нашим писанным и неписанным правилам, попросил подвести итог встречи.

– Ну какой может быть итог? – сказал Василий. – Не все поэты выглядели такими, какие они есть на самом деле. Некоторые хотели казаться большими, чем они есть, кто-то был более естественным, а кто-то много говорил вокруг да около... Но важно понять смысл нашего объединения. Сюда приходят филологи, музыканты, инженеры, которые только постигают азы поэзии. Сказать, что я живу лишь поэзией, нельзя, ведь я не большой поэт и не выдающийся писатель. Объединение нужно для того, чтобы я знал, для чего живу.

Работаю в сельском хозяйстве, где зарплату платят один раз в год. Поработав там неделю, один вечер провожу здесь, со своими товарищами, друзьями. И такой зарядки мне вполне хватает на следующую неделю.

– Кем же вы работаете? – спросил я Василия.

– Заведующим родильным отделением на ферме. И меня это нисколько не смущает. Многие спрашивают, как я до такой жизни докатился. Но мне это интересно. А когда я, например, езжу на транспорте, кто мне скажет, что я зачуханный колхозник?

И действительно, глядя на руководителя объединения «Тверца», так не скажешь. Василий Васильевич коренастый, с внимательным, даже пристальным взглядом. Его речь быстра, при том что он не выговаривает какие-то буквы. Отличительная черта Василия – развитое чувство юмора, необыкновенная самоирония, а также длинный нос, которому поэт даже посвятил одно из стихотворений.

– И кого, простите, вы там, на ферме, рожаете? – спросил я руководителя торжокских поэтов.

– Коров. И бычков, конечно, тоже. Меня воспитали так, что могу работать где угодно и кем угодно. Мой брат был и журналистом, и председателем колхоза, сам я был председателем сельсовета и, вообще, прошел через многое. Но эта работа помогает поддерживать больную маму: я работаю по ночам, а днем могу за ней ухаживать. Остальное время – для творчества. Рядом с коровами прекрасно пишется.

По словам Василия, объединение он возглавил вынужденно, после того как умер молодой поэт Владимир Струков, основатель и первый руководитель «Тверцы». Его фотография – на стене, на почетном месте. Никто за это дело браться не хотел, потому что, кроме хлопот, оно ничего не приносит. А Василий взялся и не жалеет. Пишет стихи, прозу, но более всего удаются пародии. Василий внимательно следит за поэтами, и не только за тверскими, и, поймав какой-нибудь поэтический перл, с азартом выстреливает по нему из

своего дальнего закутка. Вот одна из пародий на стихотворение московского поэта Павла Калины, в котором есть такие строки:

Лошадь кушала сено “хруп-хруп”.
Только пахло соляжкой,
Где живут молодой тракторист
С молодой дояркой.

.....

Был я сельский безвестный певец,
Но по прозвищу – Пушкин.

“Дорога на Парнас” (пародия)

*Воздух был по-весеннему чист,
Чудно пахло соляжкой.
Был папаня – лихой тракторист,
А маманя – дояркой.*

*Из крестьян я, как мать и отец,
С хохолком на макушке.
Был я сельский безвестный певец,
Но по прозвищу – Пушкин.*

*“Хруп да хруп”, – мерин сено рубил,
Я – овсяную кашу.
Пуще каши стихи я любил
И соседку Наташу.*

*Забирались в колхозный сарай
В травы лета.
Был я молод и глуп через край,
Стал поэтом.*

*Стал поэтом, хоть путь этот крут.
Дом родимый покинул.
Но в столице все так же зовут:
Павел Пушкин (Калина).*

– Торжок, конечно, город провинциальный, – говорит Василий, – но послушайте наших поэтов, наших поющих девушек, посмотрите на нашу Валентину Федоровну Кашкову, которая так великолепно говорит и пишет о Пушкине. Мы-то знаем, что Торжок никакой не заштатный город и мы – не последние поэты. Когда нас называют «самодеятельными», мы удивляемся. Как можно назвать самодеятельным поэтом того же Рысенкова или Татьяну Мchedлишвили? Это наши российские поэты!..

Я поблагодарил поэтов за искренний разговор, после чего все наконец-то стали пить чай и есть, что было на столе, в том числе и плов с огромной куриной ногой, которая, при известных обстоятельствах, выдержала бы на себе небольшую избушку. Сейчас же эту ногу все почему-то отказывались есть, конечно же, в мою пользу. Кто же все-таки готовил этот плов?

Оказывается, Людмила Павловна, с которой мы начали эту встречу! А она, если помните, приехала в Торжок из Таджикистана. Значит, это не «странный» плов, а разновидность восточного плова, его так и надо готовить: из курицы, с большущей лапой!

Поэты продолжали чаепитие, а я, сославшись на усталость и занятость, попрощался с ними и вышел на улицу. Было еще светло. В Тверском крае в июне ночи почти белые. Меня вышел проводить Василий Васильевич. Еще и поблагодарил меня за встречу...

Это вам спасибо, дорогие торжокские поэты, за то, что пустили меня к себе, напоили чаем, накормили пловом, а еще – за то, что доверились и целый вечер читали свои стихи, делились сокровенным. Я далек от поэзии и не могу судить о качестве ваших стихов, не решусь точно определить, кто пишет лучше, кто хуже, но могу сказать искренне: мне близки ваши мысли, ваши переживания и ваши тревоги. И если когда-нибудь выйдет томик современных торжокских поэтов, я его обязательно приобрету и хранить буду рядом с томами

Александра Сергеевича Пушкина. И он, и вы – наши добрые русские поэты.

Я возвращался в санаторий «Митино». Ехал по вечернему Торжку, как и накануне, медленно, уставший от впечатлений...

Вот ведь, что-то люди делают, как-то живут, и не хлебом единым: пишут стихи, вышивают золотом, что-то лепят, строгают, танцуют, поют, пишут книжки... и, посмотрите, всегда рядом с ними Пушкин.

Впрочем, почему «с ними»? Правильнее сказать – «с нами». Почему же все-таки к нему тянемся? Сами, без всякого подгона. Люди религиозные и, кажется, далекие от религии. Мы, конечно, несовершенны, хуже того – плохи. Но что было бы без него? И сам Пушкин, тоже был всяким, бывало, говорил и писал такое, что неловко читать. Но люди-то что помнят? Только доброе. Все недоброе, что было в Пушкине, не прижилось. Оно отбрасывается, безо всякой посторонней помощи. Вот он написал непристойность об Анне Керн в письме к Соболевскому. Это не тайна. Об этом знают.

Желающие блеснуть такими знаниями обязательно вам об этом напомнят. Ну и что? Сохранилось-то в памяти народной об Анне Петровне Керн только возвышенное и чистое. Вот что выбрано людьми и оставлено в памяти! Почему?

Наверное, потому, что с самого раннего детства, когда мы чисты, искренни и открыты, еще прежде всех учений и наставлений, мировоззрений и наук мы входим в Мир пушкинских сказок. И возвратиться, покинуть этот Мир уже нельзя. «Руслан и Людмила», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях»... Нас окружают не только герои этих сказок, но и пушкинский язык, его интонации, музыкальность, а главное – события, в которых добро непременно побеждает зло, и мы, пока дети, безоговорочно в это верим. Но вот чудо: вырастая, мы не оставляем этот Мир, но берем его с собою во взрослую жизнь! И вновь вопрос: почему? Почему не оставляем, хотя с годами сердце черствеет и память слабеет? Да потому, что вместе с этим пушкинским Миром нас окружают и те, кто нам этот Мир открыл, кто донес его до нас, кто нам, только-только делающим первые шаги, подарил его. Это значит, что вместе с пушкинскими сказками в нас звучат голоса наших родных и близких, их интонации, передается их тепло. Забыть это уже нельзя. Вот почему оставить пушкинский Мир сказок невозможно. Оставить его – значит забыть себя. С годами к сказкам присоединяются пушкинские стихи, его лирика, потом драматические поэмы, проза, наконец, письма, и все это ложится на уже подготовленную в детстве почву, наполняет ждущую все новых и новых свиданий душу, и уже кажется, что без этого жить нельзя.

Наверное, не столько Пушкин с нами, сколько мы с ним.

Глава VII

Вечерняя прогулка в Прутню

Поздно вечером мы встретились с Режиссером и решили прогуляться, несмотря на усталость. В июне в этих краях смеркается лишь на два-три часа. Мы вышли из санатория, прошли мимо гуляющей публики, обошли танцплощадку, откуда на всю округу разносилась однообразная мелодия, вышли за ворота и направились в сторону Прутни. Дорога здесь проходит через лес, и навстречу нам попадались небольшие группки отдыхающих. Но вскоре мы остались одни, и беседовать уже никто не мешал. Режиссер какое-то время любовался лесом, наслаждался прохладой и тишиной, затем неожиданно произнес:

— Вот бы моим артистам выбраться сюда. Походили бы по пушкинским местам, посмотрели, помолчали... Может, хоть о чем-то задумались бы. А они только орут. А чего орать-то? Я им говорю: «Поспокойнее надо работать. Вы же, говорю, не в лесу, а в театре, на сцене, вас зритель пришел послушать...» Нет! Орут и все. Хоть кол на голове теши... Они думают, что криком можно что-то объяснить или кого-то в чем-то убедить. Вообще, у нас в стране все привыкли орать... А ведь зритель просто устанет и больше не придет в театр.

Режиссер говорил тихо, спокойно, казалось, он сейчас не здесь, под Торжком, а у себя в театре, на репетиции.

— У них одно на уме, — продолжал Режиссер, — лишь бы куда-нибудь смотаться, лишь бы не работать. Мне уже вот сколько, и ничего, вкалываю, а им лишь бы дурака валять. Чуть отвернешься — они уже пляшут, скачут, визжат... За границей актеры работают, там дурака не поваляешь, режиссер сразу скажет: «До свидания, господа», — и всё. А здесь у них тысяча причин, то одно, то другое, то третье... Начинаешь им высказывать — мол, «господа актеры, так же

нельзя работать!» – огрызаются, хамят, паясничают... Наверное, думают: «Вот старый дурак привязался! Хоть бы помер скорее...»

– Ну что вы говорите! – не выдержал я совершенно напрасных сетований Режиссера. – Я же знаю, как они вас любят, как на вас смотрят... Как на бога!

– Это они делают вид, что любят. Им же ничего не стоит скорчить рожу... Вообще, профессия у них тяжелая. Актерский кусок хлеба тяжело дается. И денег ни черта я им не могу платить, – неожиданно Режиссер заговорил об актерах с сочувствием. – Так, стараюсь вывозить их на гастроли куда-нибудь, подкормиться... Они ведь и спиваются от невостребованности. Им надо работать на сцене, а как сыграешь роль, если нет денег? Или когда жить негде? Вот они играют спектакль, а на лицах всё написано: что в жизни нелады, что денег нет... Проклятая профессия... Учителя, врачи тоже мало получают. Но от них хоть толк есть, польза людям, благодарность какая-то. А мы, ведь бог знает чем занимаемся – только развлекаем да балаганим. Раньше хоть зритель приходил в театр с каким-то трепетом, а сейчас все хозяева: заплатил деньги за билет, так подай ему то, что он хочет. Совсем другой зритель сейчас... Впрочем, может, так и должно быть.

– А вот Александр Сергеевич, тоже мучился всю жизнь, страдал... Что вы об этом думаете? – решил я перевести каким-то образом разговор.

Здесь мой Режиссер сразу же подобрел, лицо стало мягче, в глазах засветилась улыбка. Затем улыбка исчезла, ее тотчас заменил суровый, даже угрюмый взгляд, и, остановившись, он медленно низким голосом прочел:

*Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить – не то, мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...*

После прочтения Режиссер улыбнулся:

– Ему говорят, мол, Сальери не виновен, а он: *«Кто освистал “Дон Гуана”, мог отравить и его создателя»*, – и все! Удивительный тип, Александр Сергеевич, какой-то залетный ангел...

Режиссер задумчиво помолчал, сделал несколько шагов и опять остановился.

– Вот у Шекспира – родители неграмотные, дети не умели даже расписаться. Откуда же взялся Шекспир? И Пушкин! Родители ничем не примечательны, брат и сестра – тоже, дети и внуки – ни одного серьезного сочинения... Откуда взялся Пушкин? Еще кто-то сомневается, есть ли Бог. А вот его Промысел! Очевидный, наглядный. Язык дал России! Всю ее зарифмовал. А письма! Только за одни письма, только за них – он велик. Перечитайте, что он писал Наталье Николаевне, друзьям... Светлая душа. Умел радоваться жизни, каждому дню, каждому окружающему предмету. Судьба у него – ох какая непростая! Можно было запросто превратиться в какого-то брюзжащего, угрюмого и обиженного типа, а он оставался всегда светлым. Посмотрите, рядом с Пушкиным нет уныния, безнадеги, нет места мраку... Он так властвует над нашими умами и сердцами, но совсем без надрыва, ненавязчиво.

– Странно у него с Натальей. Кто-то ее ругает, обвиняет во всем, что с Пушкиным произошло...

– Он её любил – и в этом всё. Что ж тут скажешь? Сколько написал и для неё, и благодаря ей! Это же надо помнить, а чего здесь кого-то обвинять? Он ведь был натурой тонкой, очень чувствительной... да еще необычайно суеверной.

– А отчего у него такое суеверие развитое?

– Тоже не на пустом месте. Он в молодости зашел вместе со своим приятелем к гадалке, и она им предсказала насильственную смерть. Причем Пушкину – от руки «белокурого человека». Все бы ничего, наверняка бы обошлось и даже в памяти не осталось, но того приятеля-офицера закололи на следующий день... С вами такое, не приведи Господь, случись, не стали бы суеверным? Пушкин был

суеверным до смешного. И всегда боялся белокурых. Кстати, Дантес был белокур...

– У меня впечатление, что он был человеком тяжелым, в чем-то неносным. Особенно пока оставался совсем молодым, лет до тридцати. Чуть что – сразу дуэль. Даже когда был неправ. Всегда ходил с тяжелой железной палкой. Его спрашивают: «Зачем такую дубину с собой таскаешь?» – а он прямо отвечал: *«Чтобы рука была тверже, если придется стреляться»*.

– А вы знаете, как он однажды предотвратил дуэль? – спросил Режиссер.

– Свою?

– Нет, приятелей... Это было на Кавказе, в 1829 году. Там два офицера повздорили, и дело дошло до дуэли. Так получилось, что оба обратились к Пушкину с просьбой быть у них секундантом. Пушкин пытался их отговорить, а потом согласился, но у кого-нибудь одного, по жребью. Второго секунданта предложил выбрать им самим. Они согласились и через какое-то время встретились на месте дуэли. Когда они уже стали с пистолетами у барьера, Пушкин говорит: *«Начинаю считать: Раз!»* И в это время неожиданно заиграл оркестр, спрятанный в кустах, а друзья дуэлянтов выбежали с шампанским и стали между противниками. Тогда Пушкин вскричал: *«Умоляю вас именем Бога и России – помиритесь!»* И они помирились.

– Невероятно, если это правда.

– Конечно, правда. Но это надо было все так устроить, подготовить оркестр, всех уговорить, убедить. *«Именем Бога и России – помиритесь!»* А мы сейчас деремся, убиваем друг друга, стреляем, и никто не скажет так, как сказал Александр Сергеевич. А как он с Кюхельбекером стрелялся, знаете?

– Нет. Они же были друзьями...

– Ничего не знаете, а собрались писать о Пушкине... Вот и мои ничего не знают и не хотят знать. Я им говорю: «Вы хоть почитайте что-нибудь, прежде чем играть!» Надо же хоть что-то читать, в конце концов... Пушкин написал злую эпиграмму на Кюхельбекера.

Это было еще в молодости. И они решили стреляться. Кюхельбекер выстрелил первым и промахнулся, а Пушкин стрелять не стал. Говорит: *«Хватит дурачиться, пошли пить чай!»* Обнял Кюхельбекера, и они пошли домой.

Сказав это, Режиссер расхохотался.

– Все-таки чай он пил! – заметил я.

– Ну, может, чай они не пили, не это важно... Вот вам Пушкин!

Режиссер замолчал, и мы какое-то время шли, думая каждый о своем.

– А самого от дуэли никто не спас. Говорят, если бы Пущин был рядом, то не допустил бы. Но он был в ссылке, – нарушил я молчание.

– Много чего говорят. Мы вот все замечаем, что он трудный был, «невыносимый характер»... Мы хотим, чтобы нас все устраивало... И вообще, – тут Режиссер почти разозлился, – у нас такой, как они сейчас любят говорить, «менталитет», будто нам все должны... Что за страна! Да никто нам ничего не должен! Появится талантливый художник или писатель – уже он что-то нам «должен». А каково ему с нами, со всеми, с окружающим миром?

– Кто же все-таки мог предотвратить дуэль?

– Только один человек: Наталья Николаевна, – ответил Режиссер, не задумываясь.

– Почему же не предотвратила?

– Почему не предотвратила? Тут можно гадать и многое придумывать, что и без нас давно сделали. Важнее другое: почему эта молодая и красивая женщина могла его спасти?

– У вас есть ответ?

– Ответа здесь может и не быть...

Режиссер замолчал, будто раздумывал: трогать эту тему или нет? Затем все же решил говорить.

– Известно, что когда родился Пушкин, то матери показалось, что он черный, хотя при рождении все дети немного темные. Вот ей показалось так, и она его невзлюбила. Такое бывает. Младшего любила, к дочери относилась хорошо, а к Александру никаких чувств. До трех лет он был на руках у няни и до семилетнего возраста был тихим, робким, маленьким... Родители думали, что у него не все в порядке с головой. Знаете поговорку: «В семье не без урода», – вот это такой случай. И когда на него взрослые кричали, ругали и ему было уже невмоготу, Александр Сергеевич убегал спасаться к бабушке – Марии Алексеевне. У нее была такая большая корзина, куда она складывала пряжу или вышивку, и Саша прибежал, прятался в эту корзинку и тихо сидел, смотрел на бабушку, как она работает. Представляете картину? Сидит бабушка, что-то рассказывает, а на нее смотрит эдакий маленький кудрявый мальчик. Он знал, что это его единственное убежище, а бабушка – надежная защитница.

– Позже такой защитницей для Пушкина стала няня?

– Арина Родионовна для него всем была. И другом, и учителем, и отцом с матерью. Вообще, без знания его детства нельзя понять и всего Пушкина. Он всегда будет искать себе убежище, вот эту самую «бабушкину корзину»... Потом родители отправили его в Лицей, а по сути, просто сбагрили. Сначала вообще хотели устроить его куда-нибудь в религиозное закрытое заведение, но подвернулся Лицей. И вот, представьте, двенадцатилетний мальчик, да еще такой непростой, остался в одиночестве. А ведь Лицей – не семья. Там были свои законы, правила, и они от домашних резко отличались. Главное, ребенок уже был волей-неволей самостоятельным и защищать должен был себя сам. Отсюда его занятия физическими упражнениями, тяга к фехтованию, вообще, он после лицея хотел идти в лейб-гусары, но из этого ничего не получилось. Потом начались великосветские кутежи в столице, всевозможные салоны. Это все была такая, как у нас любят говорить, «реакция на трудное

детство». А ведь он еще и работал при этом. И работал неистово. Писал, сочинял. В двадцатилетнем возрасте он уже был известен всей литературной России и едва за свои сочинения не угодил в Сибирь.

За него заступились и уговорили царя не наказывать строго. То есть уже и царь знал сочинения Пушкина. Его командировали на юг. На самом деле – выслали. Следили за ним. Потом отправили в Михайловское... Казалось бы, опальный сын возвратился к родителям, его бы успокоить, обогреть... Вместо этого – открытая вражда. Родной отец за ним следит, докладывает по инстанциям. Прочтите письмо Пушкина Жуковскому. Я более горького и отчаянного письма у Пушкина не читал. Его пишет несчастный человек... Он взывает к Жуковскому: «Спаси меня!» Решает написать письмо царю и просить,

чтобы тот перевел его в одну из крепостей. Представляете! Из родительского дома просит, чтобы перевели в тюрьму, там ему будет легче.

– И он в это время скрывался у Осиповой-Вульф, – вспомнил я рассказ В.Ф.Кашковой.

– Да, он искал спасения, искал тепла в этом семействе и, слава Богу, нашел. Представьте, в двадцатипятилетнем возрасте выслан в деревню, без всякой надежды на скорое возвращение, словом, пленник, узник, как хотите... И главное, очень одинок. Да, были друзья, были романы, увлечения, но, как сейчас модно говорить, «по большому счету» он был одинок. Перечитайте стихотворение «Зимний вечер».

*Наша ветхая лачужка
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?..*

Режиссер задумался, и мы опять какое-то время шли молча.

Что есть одиночество? Только спроси – такого наговорят! Но еще прежде спросят: «В каком смысле?» У одиночества, как кажется, может быть смысл, и не один.

Можно ли назвать одиночеством состояние человека, не окруженного родными, друзьями, знакомыми, не обремененного обязательствами и ответственностью, не имеющего никакого дела, тем более призвания и таланта?

Назвать можно. Но одиночество, о котором говорим сейчас мы, совсем другое.

Можно ли признать одиноким человека, случайно попавшего на необитаемый остров?

Конечно. Он действительно одинок и несчастен. Но его одиночество вынужденное. Он с радостью избавится от него при первом же случае, которого ждет и на который надеется.

Одинок ли инок, стоящий на коленях перед иконами в келье?

Физически – да. На деле – он разговаривает с Богом и оттого, быть может, счастливее всех прочих, включая тех, кто привык служить Богу соборно. Значит, и здесь речь не об одиночестве, а, скорее, об уединении, состоянии радостном и желанном для всякой утонченной натуры.

Когда заходит речь об одиночестве Пушкина, то видится нечто совсем иное. Это то самое одиночество, которое довелось испытать очень немногим, лишь призванным. Когда Блез Паскаль утверждал, что *Иисус одинок в этом мире*, он имел в виду именно такое

одинокчество. Это состояние изобразил Крамской в картине «Христос в пустыне». Кажется, вот одиночество: ты есть, а вокруг – пустыня! На самом деле одиночество как раз в обратном: не тогда, когда вокруг тебя пустыня, ты один и нет никого, а когда все есть, существуют, присутствуют, пируют, и даже рядом с тобою, но... ты сам как будто не существуешь для них. Ни для тех, кто рядом, ни для тех, кто далеко, ни для всех прочих. Ты не существуешь ни для кого! Ты есть лишь для себя – и только для себя творишь, мыслишь и плодами своих творений даже можешь потешать ближних. Но сам для них – не существуешь! В этом смысле одиночество – не отстраненность твоя от мира, а отстранение мира от тебя. Это состояние ужасное и в чем-то невыносимое, но оно может оказаться и счастливым, потому что позволяет открыто смотреть на окружающий мир, не страшись последствий сказанного или написанного. Это тот редкий шанс, когда призванный становится пророком и даже может судить мир! Тот самый мир, в который он явился, но который этого не заметил. Единственное, что может привлечь внимание к тебе, – твоя смерть. В этом смысле смерть призванного – величайшее благо, желанный и представимый для него миг: *«Совершилось!»* Можно сказать, что *смерть* для призванного есть настоящая *жизнь*, потому что со смертью приходит конец его одиночеству. Это и есть *воскресение!*

Когда я думаю об одиночестве Пушкина, мне видится запорошенная снегом по соломенную крышу небольшая избушка. К ней не подойти, не подъехать: темная ночь, мороз, метель, сугробы, все дороги заметены, да и где находится эта избушка – не знает никто. Но там, внутри, уютно, тихо, чисто и удивительно тепло. Горит огонь в печке, несколько свечей... Сидит в кресле поэт. Немного в стороне – дорогая его сердцу няня, Арина Родионовна. Чем-то занята, рукодельничает. Единственное живое существо, которое рядом. Пушкин одинок, и она здесь для того, чтобы свидетельствовать о его одиночестве: если бы не няня, через кого бы к нам обратился поэт?

В стихотворении «Зимний вечер» отражается состояние глубокого одиночества поэта. Это, быть может, самое грустное из всех пушкинских стихотворений. В нем сокрыто гораздо большее, чем может показаться на первый взгляд. Надо читать его шепотом, поздним вечером и обязательно в одиночестве.

*...Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.*

В таком одиночестве пребывал Пушкин до последних своих дней...

Но вот он на смертном одре, уходящий от нас навсегда. Ночь с 28 на 29 января. Умиравший Пушкин спрашивает Даля: «*Кто у жены моей?*» Даль отвечает ему: «Много добрых людей принимают в тебе участие. Зала и передняя полны с утра до ночи». – «*Ну, спасибо*».

Из письма Я.М.Неверова к Шевыреву от 28 января:

«Сегодня целый день перед домом Пушкина толпились пешеходы и разъезжали экипажи: весь город принимает живейшее участие в поэте, беспрестанно присылают со всех сторон осведомляться, что с ним делается...»

Пророк умирает... Заканчивается его одиночество.

Тем временем Режиссер продолжил рассказ:

– Вспомните, как Александр Сергеевич радовался приезду в Михайловское Пушкина. Какие стихи родились от этого восторга:

*Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил...*

– Выбежал к другу босиком, раздетый, обезумевший от счастья. Перечитайте об их встрече... Он вырослел и еще неосмысленно, призрачно, может, интуитивно, но уже ждал ту, которая могла бы вернуть ему тепло, которого он был лишен в детстве. Пушкин искал в

этом спасение, и, конечно, никто, кроме женщины, такого сделать для него не мог.

– Керн тоже тогда появилась.

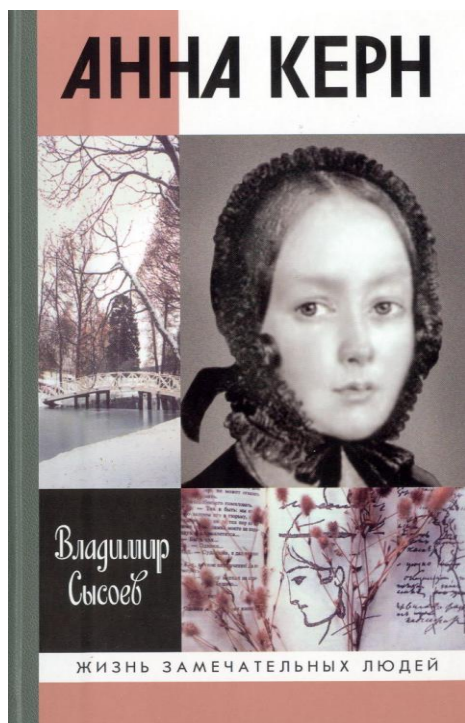
– Да. Пушкин влюбился в нее и ревновал страшно. Сочинял ей удивительные письма, какие чувства открылись в нем! Он писал ей: «Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. (Поделом ему!) Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и у него сделался приступ,

подагры, подагры! Это моя единственная надежда!..» – пересказав это письмо Пушкина, Режиссер расхохотался до слез.

– Почему он испытывал к нему отвращение? – спросил я.

– Потому что это был муж женщины, в которую он влюбился.

– А почему «смешанное с почтительностью»?

– По той же причине... Вы думаете, такого не может быть? Он к ней отнесся очень серьезно. Ну а про известные стихи и говорить нечего: кто еще из женщин таких удостоился?..

Режиссер остановился, задумался, затем мы вновь, не спеша, двинулись вперед. Вот уже показались деревянные избы, а за ними старинная церковь и кладбище, на котором покоится А.П.Керн.

Режиссер, глядя на церковь, трижды перекрестился, поклонился, но, поскольку было уже темно и поздно, к самой могиле подходить не стали. Повернулись и пошли обратно.

– Но Анна Петровна Керн была еще *не та*, – предположил я.

– Нет. *Не та*... В 1828 году он написал стихотворение – «Предчувствие»:

*Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?*

*...Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз...*

– Надо внимательнее читать Пушкина, – серьезно произнес Режиссер. – Там у него все есть, все написано, только сумей услышать... Как раз в 1828 году он впервые увидел Наталью Николаевну Гончарову.

– Можно ли сказать, что Гончарова была та, которую Пушкин ждал? – спросил я, как мне казалось, всезнающего Режиссера.

– У меня нет ответа. Пушкин ее любил, боготворил, какие письма писал! Значит – *та*... Но она его не спасла, не уберегла – значит, *не та*... Кто тут может выступить судьей? Только Господь Бог! Первому поэту России нужна была очень красивая женщина, может быть, самая красивая. Наверное, для самоутверждения. Сам он красавцем не был и хорошо это знал. Но ведь красивые женщины у него были и до Натальи Николаевны. Значит, что-то еще ему нужно было. Совсем другое. Думаю, он надеялся, что эта женщина, в меру избалованная и хорошо воспитанная, станет той самой, единственной, которой он сможет доверить свою слабость, а она сможет защитить его от окружающего мира. Он надеялся, что она вырастет, от чего-то напускного избавится, поумнеет, верил, что все лучшее для нее – впереди, рядом с ним, с Пушкиным, сильным и могучим, бесстрашным и сумасбродным, готовым ко всему, к противостоянию и борьбе хоть со всем миром, но для нее – тем самым беззащитным, лишенным тепла и ласки одиноким ребенком, который в трудную минуту так стремится поскорее спрятаться в «бабушкину корзинку»...

Режиссер погрузился на некоторое время в раздумье, потом продолжил:

– Есть его письма к Наталье Николаевне, есть письма к друзьям и друзей к нему, сохранились воспоминания современников, многое есть, настоящее и придуманное, наконец, есть его творения. Но было и еще нечто такое, чего не выдумаешь, – и это как раз самое важное. Были их разговоры, их и только их тайна. О чем они, счастливые, могли говорить, оставаясь вдвоем, ночью? Как они смеялись, плакали, страдали, наверное, о чем-то мечтали, строили планы? Этого уже не дано знать. Никому! И слава Богу! Потому что это мир не для посторонних вроде нас с вами, как бы мы Пушкина ни любили. И вот этот тайный мир, даже не тайный, а потаенный пушкинский мир не дает нам права никого из них двоих обвинять. Мы можем винить только этот жестокий мир, имя которому – Россия,

в которой его, как Пушкин однажды в сердцах признался, «догадал чёрт родиться». Нам – на счастье, а ему – на беду. Но и Россию – как обвинять? Без неё, с её бедами и несчастиями, без её трагической истории, – не было бы Пушкина... А вы, простите, когда-нибудь любили? – вдруг спросил меня Режиссер.

– Как вам сказать?.. – оторопел я от неожиданного вопроса и задумался, спешно перебирая в голове всевозможные свои романы, пытаюсь ответить самому себе: который из них можно было бы назвать «любовью»?

Мой друг сразу это заметил, сочувственно улыбнулся и произнес:

– Все с вами ясно... Пушкина нельзя понять, если не знаешь, что такое любовь. Хотя наизусть всего выучи. Можешь стать даже «пушкинистом», а ничего в Пушкине не поймешь... Вот какой был господин, Александр Сергеевич!..

Какое-то время мы шли молча, затем Режиссер достал из кармана небольшой блокнот и попытался прочесть записанное, однако не смог из-за отсутствия очков, к тому же стемнело. Небо еще оставалось светлым, а здесь, у дороги, где густо росли деревья, были уже сумерки. Тогда Режиссер передал мне блокнот, и я смог прочесть:

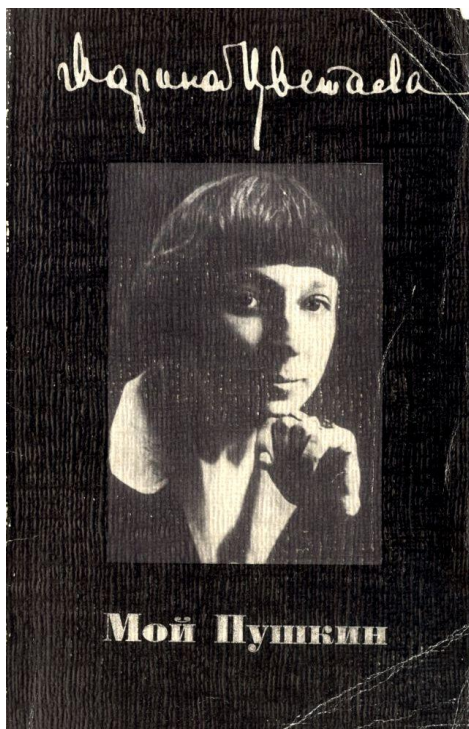
«Как поэту – мне не нужен никто. Как женщине, т.е. существу смутному, мне нужна ясность, – и существу стихийному – мне нужна воля: воля другого к лучшей мне».

– Кто это написал? – спросил я.

– Марина Цветаева. Это из её дневников, недавно опубликованных.

Мало что уловив, я прочел цветаевскую запись еще и еще раз.

– Понимаете, – стал объяснять Режиссер, – она написала: *«мне нужна воля»*, затем уточнила – *«воля другого к лучшей мне»*. Такую

формулу нужно было найти, изложить. Сколько потерянных и несчастных судеб, из-за того что не смогли «открыть» её для себя, своей души, сердца, хотя, может, этот «другой» был совсем рядом. Цветаева формулу нашла. Для себя и вот теперь для других. Но, увы, не оказалось рядом с нею того, кто был сильнее, кто знал и ждал ее «лучшую»... Марина Ивановна, Марина Ивановна! Сколько же она этими несколькими строчками мне объяснила... Жаль, что только сейчас, под старость, я это понял... Где-то здесь скрывается ответ к вопросу: почему Наталья Николаевна могла предотвратить гибель Пушкина?.. Однажды на балу, в самом начале 1831

года, он доверительно сказал одной даме: *«Пора мне остепениться; ежели не сделает этого жена моя, то нечего уже ожидать от меня»*. Почему он так сказал? Ответ – у Цветаевой.

– Пушкин не нашел в Наталье то, что искал? Был этим разочарован?

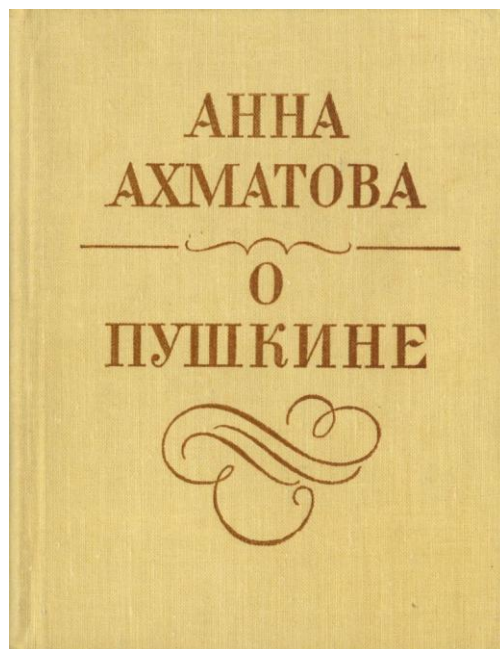
– Можно массу претензий предъявить Наталье Николаевне, что и происходит. Представить, что она капризна, легкомысленна, не поняла, с кем имеет дело, чьей женой стала, какую роль ей уготовила судьба и прочее. Особенно ей достается от женщин... Ну как относиться вот к такому: издатель пришел к Пушкину за рукописью и, как положено, принес за это деньги. Но Пушкин сказал, что рукопись у жены, а она денег брать не хочет... Идите, говорит, к ней сами. Издатель зашел к Наталье в комнату, и она ему довольно

жестко сказала, что рукописи тот не получит, пока не заплатит золотом, причем в два раза больше, чем ранее условились. Назначила срок и сказала, что, пока золота не получит, никакой рукописи не отдаст.

— А что Пушкин? Может, он ее подговорил, чтобы такой уловкой немного заработать? — выдвинул я довольно пошлую версию.

— Пушкин не был мелким... Они с издателем договорились, что тот сейчас Наталье заплатит, а потом Пушкин с ним рассчитается. Просто жене понадобилось новое бальное платье, а денег у Пушкина в то время не было. Как к этому отнестись?.. Я представляю, каково было Александру Сергеевичу. Он же не был, как мы сейчас говорим, бизнесменом. Пушкин вообще у нас первый, кто стал зарабатывать на хлеб писательским трудом. Но это же не бизнес. Просто лист бумаги и перо. У писателя больше ничего нет.

Это нелегкий труд, которому удача или поражение могут сопутствовать попеременно, но одиночество — почти всегда. О деньгах думать некогда. А Пушкину надо было добывать деньги, и большие: на содержание квартиры, экипажи, штат прислуги, наряды первой красавицы. Он залезал в долги, все это его терзало, не давало спокойно работать. А ему надо было писать, сочинять, мыслить... Это сейчас... кто там? Как его?.. — здесь мой бедный Режиссер тщетно силился вспомнить фамилию довольно известного политика, написавшего книжку и получившего за нее гонорар сто тысяч долларов. — А Пушкин, чтобы прокормить семью, должен был день и ночь трудиться. И все равно весь в долгах...

– А Наталье надо было еще кокетничать, танцевать на балах, кружить молодым людям головы, она ведь совсем была молодая, – присоединился я к критикам Натальи Гончаровой.

– Он думал: вот немного повзрослеет, остепенится, одумается, станет той самой... Время шло, а она не вырастала. Он от этого сходил с ума. Делал ошибки. Но и ее тоже понять можно: молодая женщина, а все время на сносях. Один, два, три, четыре... Это же не просто.

– Он ее этим сильно ограничивал, может, хотел таким образом привязать к себе? Есть ведь такой способ...

– Кто знает? Но он только еще больше разжег в ней опасения стать «птицей в клетке». Потом он вообще хотел в последнее время уехать в деревню и жить там. Он ведь творить мог только в состоянии душевного покоя.

– Опять в этот свой уголок.

– Да, он всерьез собирался расстаться с Петербургом и светом, который ненавидел. Он приехал в 1835 году в Тригорское, ужасно скучный, утомленный, и говорит: *«Господи, как тут у вас хорошо! А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!»* Вообще, этот 35-й год... Осенью того года – а что значит для Пушкина осень! – он не мог творить. Это яму можно копать, или что-то переключать с места на место, или какое-то занятие шумное, публичное найти, но сидеть в темной комнате, при свече, и творить, когда сердце разрывается, нельзя! Вот он и пишет Плетневу: *«такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу – через пень колоду валяю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен»*. Так до самой смерти он и оставался неспокоен. Даже внешне изменился, и тому есть много свидетельств. Он писал Наталье Николаевне, тогда же из Тригорского: *«...вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел...»* Есть рисунок Бруни – «Пушкин в гробу»: лежит измученный старик...

– Я читал, будто у него даже волосы в последние месяцы жизни стали прямыми...

– Это правда. Пушкин уже ехал на дуэль, и на Дворцовой набережной встретила Наталья Николаевна. Она ехала в экипаже. Данзас ее узнал, и, как он потом писал, у него блеснула надежда: «А вдруг!»

– Значит, Данзас тоже понимал, что Наталья единственная, кто может предотвратить дуэль?

– Судя по всему, понимал. Но... Пушкин смотрел куда-то в другую сторону, а Гончарова была близорука и ничего не заметила. Она была близорука, это правда, но, когда назревает беда, не глаза, а какие-то другие чувства включаются... Не включились. И они разминутись... Мог что-то сделать Данзас или нет? Мог ли повести себя, как когда-то Пушкин, когда предотвратил дуэль? Не знаю...

– А царь? Он что-то знал?

– А что царь?! Мне гораздо интереснее Вревская (*опять тверская женщина! – авт.*), которой мог довериться Пушкин. Он встречался с нею накануне дуэли, и она оказалась единственной, с кем Пушкин мог тогда быть откровенным. Я думаю, что он ей рассказал тогда все, что только в нем наболело. Это было нечто очень страшное, потому что сама Вревская была в ужасе от услышанного. Но, опять же, «страшное» не по каким-то шокирующим фактам, а по глубине переживаний... Исследователи все ищут какие-то письма, прочие материализованные доказательства, а ведь это все из области совсем иной. «Страшное» было в глазах, в голосе, в душе, в сердце, а не в документах и источниках. Пушкин был одинок, беззащитен, отчаянно искал выхода из своего положения, и никто ему не помог.

– И таким выходом могла стать для него смерть?

– Жизнь его после дуэли должна была круто измениться. Он говорил за три дня – всего за три дня! – до смерти: «*Я только, что перебесился, я буду еще много работать*». Эта его фраза говорит о многом. Впереди оставался один барьер... Как оказалось, роковой. Бог дал его друзьям, близким еще двое суток. Перечитайте все, что им сказано за это время, что им прочувствовано, посмотрите, как он

себя вел, – это был уже другой Пушкин... Вот когда он умирал, тогда все кое-что стали понимать и увидели, что произошло на самом деле и кто уходит...

Мы уже подошли к территории санатория и вошли в «крутящуюся» калитку, и тут Режиссер медленно, несколько монотонно, низким голосом прочел:

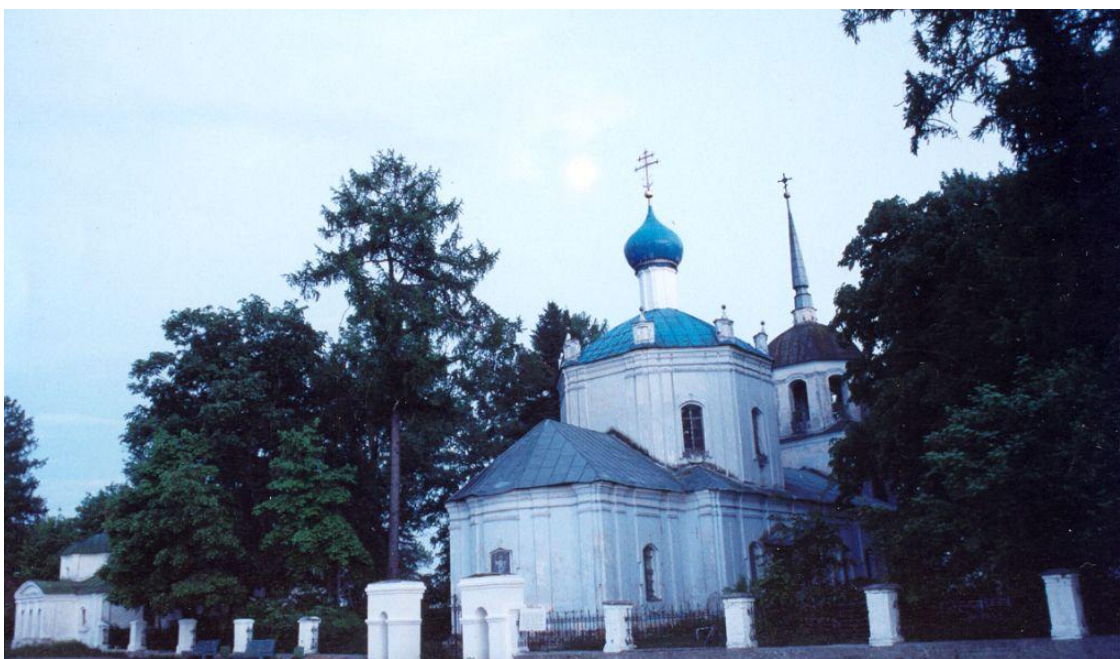
*Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,
И для тебя условий нет.*

*Исполнен мыслями златыми,
Непонимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.*

Как всегда после прочтения стихов, Режиссер грустно улыбнулся, как будто закончил выступление на сцене. Я спросил, откуда это?

– Это все оттуда же, от Александра Сергеевича, – ответил Режиссер, и в тот же миг на нас закричали с балкона второго этажа разбуженные обитатели санатория. При этом честно предупредили, что, если тотчас не замолчим, бросят в нас чем-нибудь тяжелым.

– Вот вам, пожалуйста, – смеясь произнес Режиссер. – Уже пора спать. Всему свое время.

Заключение

Я вернулся в Торжок спустя полгода, в декабре, и впервые увидел Торжок зимой, да еще в самую стужу, когда мороз достигал тридцати пяти градусов. Говорят, такого здесь еще не было... Зато все остальное, похоже, без перемен.

Все так же на завтрак кормят котлетами в санатории «Митино»; еду развозят на тех же скрипящих тележках те же работницы, перекрикиваясь и бранясь теми же словами; в меню вместо значения для организма витаминов указывается о значении белков; план эвакуации висит на том же месте, и стрелками отмечено, что бежать из столовой надо в том же направлении...

Так же одиноко стоят старинные постройки в Музее деревянного зодчества. Только теперь они запорошены снегом и выглядят еще более безжизненными и уязвимыми.

Тверца замерзла и занесена снегом. На берегу несколько мужиков выбивают и чистят длинные санаторные ковры и дорожки...

*Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.*

Дорога, ведущая из Митина в Прутню, по которой, кажется, совсем недавно мы неторопливо шли с Режиссером, исправно расчищается от снега, и потому без труда можно проехать к старому погосту, на котором покоится прах Анны Петровны Керн. Кладбище и церковь выглядят зимой одиноко, но не заброшенно... Кстати, Режиссер за это время закончил работу над новым спектаклем,

отметил премьерой свой юбилей и уже приступил к созданию чего-то нового: «Работать надо! А то все болтаем, болтаем...»

Газета «Новоторжский вестник» так же исправно печатает стихи ко дню рождения своих читателей, а в коридоре перед комнатой литобъединения «Тверца» все та же надпись «Галя, скоро буду». Стены в общежитии, видимо, недавно покрасили, но надпись эта все равно проступает, и, кажется, уже ничто не способно ее уничтожить. Самих поэтов не застал, но, как выяснил, все они в полном здравии, решают свои житейские проблемы и пишут стихи. А у братьев Рысенковых даже вышел первый в их жизни сборник стихов под названием «Запоздалые молитвы». Кроме того, братьев приняли в Союз писателей России – для Торжка событие!

В Училище художественной вышивки своей чередой идут занятия. В Музее золотного шитья все экспонаты на месте и костюм «Зимой по Невскому» радует душу по-прежнему.

Хлеб в Торжке за полгода подорожал всего на сто рублей. На улицах можно увидеть и дорогой мерседес, и лошадей, запряженных в сани. Все это уживается, и на подобный контраст внимания никто не обращает. Собственно, это и не контраст никакой: это в Москве лошадь с санями диво. А в Торжке это норма, также как и дорогой мерседес. Что еще?

Валентина Федоровна Кашкова издала свою новую книгу, и это тоже стало событием в жизни Торжка. О чем книга? О Пушкине! Я опять был у Валентины Федоровны в гостях. Она угощала меня очень вкусным борщом, сладким пирогом да еще, догадайтесь, чем? Ну конечно, котлетами.

Вечером 17 декабря в библиотеке прошла презентация книги Валентины Федоровны «Я к вам лечу воспоминаньем...». Была стужа, рабочий день, к тому же городская библиотека находится далеко, не в центре Торжка. Так вот, на встречу с Кашковой пришли не менее ста человек! Для небольшого города это много. Вновь я видел знакомые лица, заинтересованные глаза, слышал спокойную искреннюю речь...

Пройдет еще полгода, и здесь снова будут отмечать Пушкинский праздник поэзии. Вновь на берегу Тверцы пройдет

ярмарка, будут петь и плясать новоторы. И вновь приедут гости из соседних сел и деревень, со всей Тверской области, из других городов России. Дай Бог и нам еще раз здесь побывать...

Спасибо организаторам пушкинских дней за приглашение в Торжок, а моему приятелю-редактору за то, что командировал меня в этот город и я смог познакомиться с его историей, с людьми, которые, надеюсь, станут моими добрыми друзьями. Наконец, я просто рад тому, что появилась возможность написать этот очерк...

Благодаря Торжку я открыл для себя совершенно особого Пушкина. Пушкина, находящегося в пути, в дороге, в движении. Он проезжал через Торжок более тридцати раз! Тверской Пушкин – путешествующий.

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...*

Это тверской Пушкин! И, знакомясь с *таким* Пушкиным, невольно задаешь вопросы: почему он бежал из обустроенных и уютных столиц в сельскую глушь, например в тверскую? От чего и от кого убегал?

Может, от себя? Но куда же от себя убежишь?

От невыносимой жизни вокруг? Но где и когда она, эта жизнь, была «выносима» для таких, как Пушкин?

Тогда я обратил внимание на то, что и другие наши великие тоже постоянно куда-то бежали: вот колесит в своей кибитке Гоголь; едет на край света Чехов; куда-то уходит Толстой; путешествуют Достоевский, Бунин... Может, и они от чего-то убегали, от кого-то скрывались, прятались или, может, просто двигались, чтобы в

движении обрести хоть какой-то покой? Только какой покой в движении?

И я понял, что ни от кого и ни от чего они не убегали, а, напротив, сами старались догнать, поймать, уловить...

Кого же?

Есть у нас, русских, в характере одна особенность, не совсем нами же любимая и почитаемая: долготерпение к своим бедам. Этакое непротивление своему унижительному, рабскому и нищенскому существованию. Не *непротивление* злу *насилием*, а просто *непротивление* злу.

Откуда это?

Быть может, эта черта русского характера – в природе наших огромных, необъятных пространств, куда русский человек, послав все подальше, мог безоглядно бежать? Ведь у него всегда был шанс спастись уходом или даже бегством и, значит, была возможность выбирать: стоять насмерть перед лицом беды или уйти от нее.

У какого еще народа был такой выбор?!

Итак, безоглядное бегство как способ борьбы с напастями, как форма выживания и возможность безнаказанного протеста. Русский человек бежал, его преследовали напасти, он снова спасался бегством, его вновь и вновь догоняли... и так без конца, потому что ни у пространства нашего, ни у наших невзгод конца нет. Мы и в самом деле кочевники, как уже о нас кто-то сказал. Но кочевники особенные: голодные и обездоленные, мы не преследуем добычу, а, напротив, бежим – в вечной надежде ею не стать.

Вспомните картину «Смерть переселенца». Вот и ее, в свою очередь, тоже написал передвижник...

Так вот, эта «разбегающаяся» во все стороны измученная страна, это вековое бегство, этот хаотичный, неорганизованный исход – без пророка, без пастыря, но самочинно, в разные стороны, куда глаза глядят – выработали одну из самых очевидных черт в нашем характере: мы беспокойны! Мы как будто всегда в ожидании дороги, пути, где главный смысл все-таки в *ожидании*. Когда куда-то едем из своего дома, то не кажется ли, что гораздо больше ждем саму

дорогу, чем цель нашего следования? Так же и обратно: дорога домой, ожидание возврата – более трепетно, чем сам дом, где очень часто нас поджидают лишь новые беды и тревоги. Блуждающая, не сидящая на месте душа наша как будто еще при жизни оставила тело. Не потому ли правильнее нас называть «бездушными», чем «бездуховными»?

Какой же путь надо успеть проделать тому, кто призван стать *Ловцом человекoв*! Какие пространственные расстояния должен

преодолеть и каких духовных высот достичь тот, кто взял на себя поиск живых, но не мертвых душ!

Только в движении, в бесконечном пути можно уловить эту видимую, но постоянно ускользающую нить народного характера. Вот почему наши великие – Путешественники. Они не убегают, но догоняют, ловят, собирают... и от этого не могут никак стать нашими пастырями (поэтому и нет у нас добрых пастырей), – ведь они всегда в погоне за разбегающимися в разные стороны душами и, значит, всегда позади, в конце. Они – наши великие *замыкающие*!

Вот почему дорога – спутница жизни всякого ищущего сердца, и прежде всего – Александра Сергеевича Пушкина, первого из всех так близко подступившего к русской душе. Он и до сих пор путешествует неотрывно с нею. Так вцепился! Так схватился! Что, скорее всего, уже никогда эту душу от себя не отпустит. И пока будет Россия – в каждой живущей здесь душе пушкинская строка отзовется добрым и бесконечным эхом.